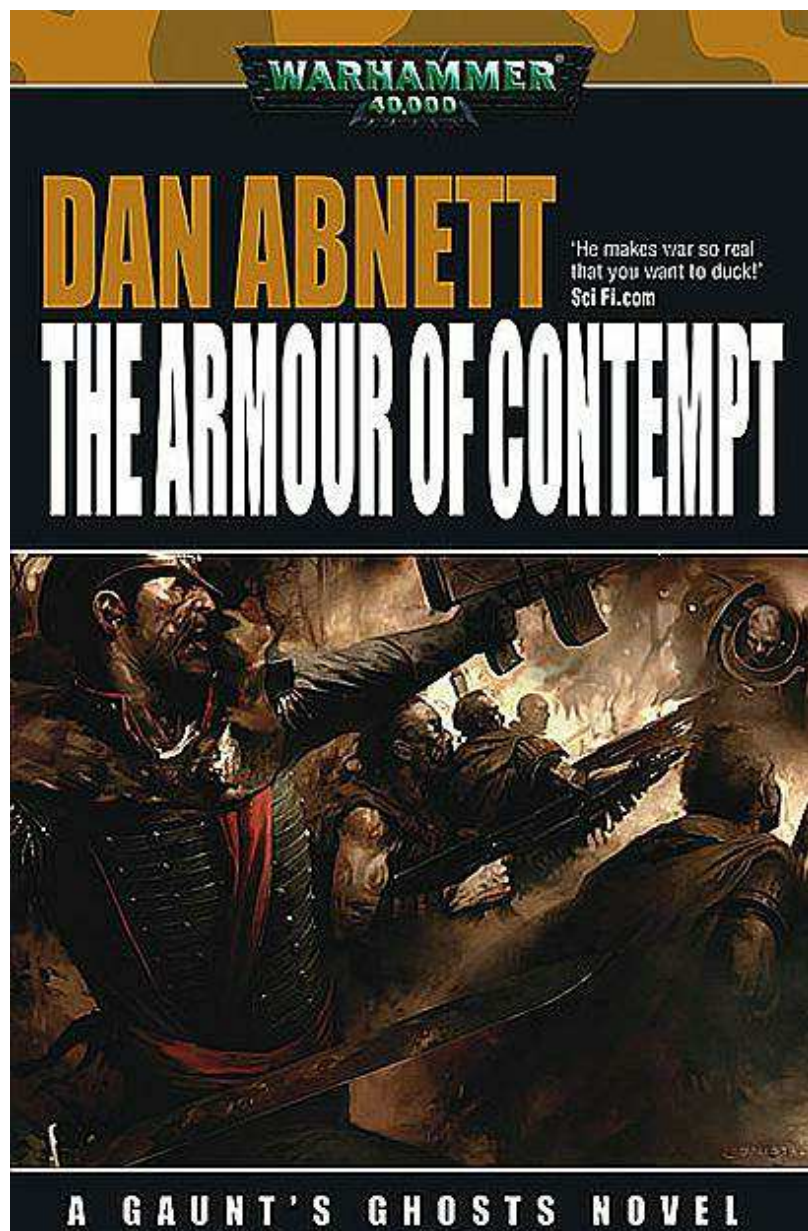

Gaunt's Ghosts - 10

The Armour of Contempt

Призраки Гаунта

Броня Презрения

Перевел: AquariusNox

Сорок первое тысячелетие.

Уже более ста веков Император недвижим на Золотом Троне Терры. Он — Повелитель Человечества и властелин мириад планет, завоеванных могуществом Его неисчислимых армий. Он — полутруп, неуловимую искру жизни в котором поддерживают древние технологии, ради чего ежедневно приносится в жертву тысяча душ. И поэтому Владыка Империи никогда не умирает по-настоящему.

Даже в своем нынешнем состоянии Император продолжает миссию, для которой появился на свет. Могучие боевые флоты пересекают кишачий демонами варп, единственный путь между далекими звездами, и путь этот освещен Астрономиком, зримым проявлением духовной воли Императора. Огромные армии сражаются во имя Его на бесчисленных мирах. Величайшие среди его солдат — Адептус Астартес, космические десантники, генетически улучшенные супервоины.

У них много товарищей по оружию: Имперская Гвардия и бесчисленные Силы планетарной обороны, вечно бдительная Инквизиция и техножрецы Адептус Механикус. Но, несмотря на все старания, их сил едва хватает, чтобы сдерживать извечную угрозу со стороны ксеносов, еретиков, мутантов. И много более опасных врагов.

Быть человеком в такое время — значит быть одним из миллиардов. Это значит жить при самом жестоком и кровавом режиме, который только можно представить.

Забудьте о достижениях науки и технологии, ибо многое забыто и никогда не будет открыто заново.

Забудьте о перспективах, обещанных прогрессом, о взаимопонимании, ибо во мраке будущего есть только война. Нет мира среди звезд, лишь вечная бойня и кровопролитие да смех жаждущих богов.

Хаос забирает неосторожных или уязвимых.

Настоящий человек может уклониться от его объятий,

если он стоек и облек свою душу

в броню презрения.

-- Гидеон Рейвенор,

Жаждающие Сферы

«Двадцать второй год Крестового Похода в Миры Саббат ознаменовался периодом возобновленных успехов у основных боевых групп Магистра Войны Макакота. Воодушевленные быстрыми и убедительными победами при Кабале Альфа, Герлинде и Задокке, войска Магистра Войны провели энергичное наступление в оспариваемый Каркарадонский Кластер, и заставили основные войска магистра архиврага ('Архонта'), Урлока Гора, стремительно отступить. Целью Макакота было рассеять и уничтожить армии Архонта до того, как они смогут сформировать сплоченную линию сопротивления в Группе Эриний.»

«На заднем фланге Макакота, стремительно удаляющемся, вторичные боевые группы Крестового Похода – Пятая, Восьмая и Девятая Армий Крестового Похода – поддерживали свои усилия по отбрасыванию войск Магистра Анакванара Сека, наиболее талантливого лейтенанта Гора, с границ Группы Хана.»

«Ослабленный проблемами боевого духа и логистики, и фактом того, что основная масса людских сил была из новых и недавно основанных полков (основная часть опытных и ветеранских подразделений Гвардии была направлена на главный фронт), второй фронт начал стагнировать к началу 777.M41.»

«Вдобавок к проблемам, армии второго фронта часто обнаруживали, что их превосходят намного более опытные наземные войска Сека. Весьма вероятно, что многие из командующих вторым фронтом навлекли бы на себя серьезное неудовольствие Макакота, если бы Магистр Войны не был бы так занят своими целями. Тем не менее, Генерал Вон Войтц из Пятой предпринимал энергичные усилия для сплочения второго фронта, в частности проведя серию бескомпромиссных действий по освобождению определенных миров, которых раньше обозначали, как 'безнадежные случаи'.»

«Вон Войтц описывал свою стратегию, как 'Разрушить и Сжечь', и ее целью было восстановить гордость второго фронта посредством систематической чистки миров, которые, до этого времени, казались неоспоримыми владениями архиврага.»

«У 'Разрушить и Сжечь' был желанный эффект, хотя огромная трата необходимых ресурсов была позднее поставлена под вопрос Муниторумом. Конфиденциальные документы так же раскрывают, что, в одном отдельном случае, эти дорогостоящие усилия по освобождению имели совершенно другой мотив.»

-- из Истории Поздних Имперских Крестовых Походов

НА ДОРОГЕ СЛАВЫ

I

ПВН было аббревиатурой, и это произошло в Подвале. В подразделении было двести сорок три скальпа, и основная часть из них была для части «Н» в названии. В первый день Крийд никого не знал, и стоял в одиночестве, руки в карманах. Это заслужило несколько разъяснительных слов от инструктора, Строевого Мастера Кекси.

«Ни один чертов Гвардеец, даже такой поносный скальп, как ты, не держит руки в карманах!» высказался Кекси. Кекси был два метра двадцать, и выглядел так, как будто был сплетен из вяленого мяса. Он медленно говорил, как будто у него было все время мира, чтобы браниться и испепелять взглядом, а слова вылетали из его сухого, безгубого рта, как трассеры: горячие, яркие и обжигающие. Если бы он заорал в ночи, вы бы увидели его слова, прошивающие темноту, как фосфорные капли.

У Строевого Мастера Кекси была палка. По причинам, которых никто в отряде не понимал, он называл ее «Сару». Это была толстая балка изогнутого твердого дёшева, сорока сантиметров в длину, и напоминающая как офицерскую дубинку, так и ножку стула. Кекси любил подкреплять определенные слова и фразы вместе с Сару. На «поносный скальп», Кекси ударил Сару по левой руке Крийд, которая все еще была в кармане. Вспышка резкой боли пронзила костяшки кулака Крийд. На «как ты», Сару посетила правую руку Крийд.

Слова «держит руки» сопровождали Сару прямо между ног Крийд. Крийд упал на металлический настил, втягивая воздух.

«Встать, руки по швам. Больше никакая поза недопустима для Бога-Императора, меня, или Сару. Это ясно?»

«Да, инструктор.»

«Эх,» сказал Кекси, наклоняя голову. У него была привычка, как они поняли, подчеркивать свою речь особым звуком. «Эх, называешь это четкой зарядкой?»

«Эх, что за дерьмовая попытка!» «Это самое лучшее, что ты можешь предложить, эх?»

«Эх,» сказал он, «я не верю, что Сару тебя слышит, да, скальп?»

«Да, инструктор!» закричал Крийд. «Все ясно, инструктор!»

«Встань,» фыркнул Кекси, и повернулся к остальным.

Некоторые из остальных были весьма развеселены. Прошло едва десять минут первого дня, а один из них уже растянулся на палубе с глазами, мокрыми от боли.

Они были уродливой толпой, большинство из них были остатками от различных полков. Крийд уже придумал имена трем или четырем самым запоминающимся. По крайней мере, прозвища. Здесь был Форбокс, который был высоким, крепко сложенным шутником из 33-го Колстекского. Он был в ПВН, и он гордо заявил им, когда они собрались, что он «дрянной во всем». Красотка была женщиной-танкистом из Хауберканцев. Она уже третий раз проходила ПВН, хотя это был ее первый раз со Строевым Мастером Кекси. «Я не люблю приказы,» единственное, что ответила она, когда Форбокс спросил ее, какая у нее причина находиться здесь.

В Красотке действительно что-то было. Темноволосая и смуглая, она казалась такой же опасной, как и незачехленный нож в ранце.

Глыба, как это часто бывает с прозвищами в Гвардии, принадлежало юнцу, который не заслужил этого.

Глыба был маленьким и тощим, худым, дальше некуда, еще одним Колстековцем, как и Форбокс. Крийд подразумевал, что кувалда иронии Имперской Гвардии ударила по Глыбе рукояткой. Хотя он был мелким, и выглядел затравленным, ему было тяжело сопереживать. У него был пронзительный хохот, и он использовал его, чтобы донести свое удовольствие от боли других. Глыба был послан в ПВН своим командующим офицером за «прикрепление штыка к реактивному гранатомету, хо-хо-хо.»

По сложившемуся мнению Крийд, всего за десять минут, Жидкий был настоящей отравой в отряде. Жидкий напомнил Крийд Майора Роуна: высокий, смуглый, красивый и злобный. Он знал, что хорошо выглядит, даже в полинявшей одежде

ПВН, и он награждал их всех пренебрежительным молчанием. Когда они впервые собрались, Форбокс спросил его «за что он здесь», а Жидкий просто закрыл глаза и отвернулся.

«Ооо, крутой парень, хо-хо-хо!» захихикал тогда Глыба, а Форбокс с несколькими другими громко засмеялись.

Жидкий повернулся, распрямил указательный палец левой руки, и вставил его в рот Глыбе под верхней губой, а потом согнул палец и поднял губу Глыбы к ноздрям. Глыба фыркнул от боли, но, как рыба на крючке, не мог освободиться.

«Я не 'крутой парень',» сказал Жидкий. «Я не твой чертов друг. Если я нужен тебе, ты спрашиваешь Жидкого. А тебе я никогда не буду нужен.»

С этими словами он отпустил губу Глыбы. С этого момента все относились с уважением к Жидкому.

«Танит занырнул!» сдавленно засмеялся Форбокс, когда Инструктор Кекси опрокинул Крийд на палубу. «Первый и единственный, говорят они. Первый и единственный, кто шлепнется!»

«Танит плачет,» присоединился Глыба. «Гляди, гляди! Как маленькая девочка! Бу-ху! Хо-хо-хо!»

«Вали домой к мамочке, маленький Танитец!» крикнул Форбокс.

«Она вытерет тебе слезки и снова сделает тебя красивым,» давилась от смеха Красотка. «Чмок! Чмок!» добавила она, изображая поцелуи. «Вот так лучше!»

«Моя мать...» начал Крийд, вставая. «Моя мать выпустила бы ваши фесовы кишки...»

«Ой, я *так* чертовски напуган!» заявил Глыба. «Так напуган, что обоссался, хо-хо-хо!»

«Я знаю твою мамочку,» крикнул Форбокс. «Она слегка сопротивлялась, но с ней все было в порядке. Она все еще пишет мне. 'Ох, Бокси, когда мы снова будем вместе? Я скучаю по твоему горячему--'»

«Хватит!» вклинился Инструктор Кекси. «Заткнулись, поносы. Эх, я повидал подразделения в свое время, но вы просто срань. Собраться, построиться!»

Шевелитесь, шевелитесь! Встань и в шеренгу, Крийд. В шеренгу. Это шеренга, дерьма кусок? Встать в нее! Шесть шеренг, сейчас же! Быстрее!» Кекси обходил шеренги, вертя Сару в своих мозолистых руках.

В отдающем эхом Подвале было холодно. Их дыхание оставляло пар в воздухе. Как и все промозглые места, Подвал был сырым и неотопленным. Его стены были покрыты пятнами ржавчины и гниющего металла, а воздух вонял застоявшейся мочой и растворителем, которые протекали через потолок.

«Ладно, леди и леди,» сказал Кекси. «Я полагаю, что это самое лучшее, что вы можете изобразить. Черт. Я видел новобранцев, которые составляют лучшие шеренги. Вы – *дерьмо*, слышите меня? Самые худшие из худших. Вы – ПВН, и моя цель сделать вашу жизнь невыносимой, что дано мне лично Богом-Императором Человечества. Эх, мне нужно сделать из вас настоящих чертовых Гвардейцев. Вы пришли ко мне, как поносы, а я верну вас назад, как настоящих солдат. Или... вы умрете.»

Он сделал паузу и пробежался взглядом по их тихим шеренгам.

«Кто-нибудь хочет сказать что-нибудь смешное об этом? Ну же, давайте. Говорите открыто.»

«Ну, вы можете попробовать,» предложила Красотка.

Сару ударила ее по горлу, а затем по задней части головы, когда она упала.

Красотка лежала на палубе, задыхаясь. Крийд сделал движение, чтобы помочь ей.

«Никому не двигаться, мать вашу. Никому! Пусть она впитает это. У кого-то еще есть, что сказать? Нет? *Нет?*» Кекси остановился и встал, глядя на них. «Добро пожаловать, сукины сыны и дочери, в подразделение ПВН. Давайте убедимся, что означают эти буквы. 'П' – это... я жду?»

«Переподготовка, инструктор,» пробормотали они.

Кекси ударил Сару по своей ладони. «Я не думаю, что Сару слышит вас...»

«Переподготовка!» закричали они.

«А 'В' – это... ?»

«Воспитание, инструктор!»

«Отлично. Хорошо. А 'Н'? Вы все знаете, что это значит?»

«Наказание, инструктор!»

Кекси кивнул. «Хорошо и хорошо. Эх. Давайте-ка я вас пересчитаю. Я полагаю, что большинство из вас, скальпы, здесь по причине 'Н'. Покажите руки.»

Большинство из подразделения, включая Глыбу, Жидкого и Красотку, подняли руки.

Кекси снова кивнул. «А кто здесь из-за 'П'?»

Немногие, включая Форбкса.

Кекси провернул Сару в руках. «Представьте мое удивление, если кто-то из вас здесь из-за 'В'. Кто-нибудь?» Поднялись восемь рук. Крийд был одним из них.

«Дерьмо,» сказал Кекси. «Восемь? Ладно, восемь. Выйти вперед.» Крийд вышел вперед с остальными семью. Они выглядели, как мальчики, все они, с этими самыми длинными конечностями, округлыми плечами и духом взросления.

«Смотрите и учитесь, поносы,» сказал остальным Кекси. «Это восемь девственников. Девственные чертовы скальпы. Никогда не видели жара войны. Никогда не стреляли в ярости. Лучше вам делать чертовски лучше, чем они, или я лично приставлю болт-пистолет к вашим вискам и буду улыбаться, когда спущу курок.»

Кекси пристально посмотрел на восьмерку 'В' кандидатов.

«Пятьдесят отжиманий,» сказал он. «Сейчас же.»

После часа отжиманий, подразделение забиралось по канатам три часа, или около того, а затем делало круги по Подвалу с нагрузкой. К концу пятого часа они были вялыми и отупевшими от усталости.

«На канаты!» прокричал Кекси.

Форбкс, потный и покрасневшийся, больше не мог подниматься по канатам к потолку Подвала.

«Если кто-то провалится, все подразделение начнет заного!» проинформировал их Кекси.

«Поплюй на ладони,» прошептал Крийд Форбоксу. «Поплюй на руки и у тебя будет лучший хват--»

Форбокс сделал это, и начал подниматься.

«Кто тебя научил этому?» прохрипел он.

«Мой отец,» сказал Крийд, в нескольких метрах выше и закрепившись.

«Как его зовут?»

«Какого именно?» спросил Крийд.

II

Лампы на потолке подвала начали отключаться, каждая угасала с громким *рр-дзынь*. Члены подразделения были рассеяны, как мертвые на поле боя, на матах, задыхаясь и постанывая. Их пропитанные потом одежды прилипли к телам. Они лежали на спинах, протягивая руки, как целители веры, подальше от любых контактов. Их ладони, покрытые большими волдырями, были слишком воспалены, чтобы отважиться дотронуться до чего-либо.

«Прямо здесь, завтра, в шесть часов,» сказал им Строевой Мастер Кекси. «И ни минутой позже, или Сару захочет узнать почему. Собраться и отдать мне честь.»

Инструктор по Строевой Подготовке Кекси стоял, шлепая Сару по правому бедру, пока подразделение ПВН медленно поднималось на ноги и вставало в шеренги.

«Шесть недель,» сказал Кекси. «Шесть недель прогулки по Дороге Славы до высадки на планету. Боже-Император, к тому времени мне нужно превратить некоторых из вас в боевых чертовых Гвардейцев. Сегодняшний день был позором. Завтра вы будете делать лучше. Свободны.»

Кекси подошел к Крийд, когда подразделение разошлось.

«Прости за сильные удары, Крийд,» прошептал он. «Я не сообразил, что ты здесь на воспитании.»

Крийд кивнул. «Все в порядке, инструктор. Вам не нужно было это знать.»

«Нет, не нужно. Досада. Давай, убери чертовы маты.»

Тканевые тренировочные маты были тяжелыми и двенадцати метров по краям. Скатать их и оттащить в ящики было бы огромным подвигом для любого, не говоря уже о человеке с жестокими волдырями на руках.

«Вы шутите?» сказал Крийд.

«Ты отказываешься выполнить приказ, скальп?» спросил Кекси.

«Нет, но--»

Сару нанесла Крийд еще более продолжительный визит, ударяя в те места, где синяков не будет видно.

После того, как Кекси ушел, Крийд долго лежал на полу, переполненный болью, а затем поднялся и убрал маты. Это заняло много времени. Форбокс, Красотка и полдюжины других членов подразделения ПВН задержались у люка. Они все видели, что сделал инструктор. В конце концов, они подошли и помогли Крийд с матами.

«Я могу сделать это,» сказал Крийд.

«Инструктор серьезно тебя отделал,» сказал Форбокс. «Ты в порядке?» Озорство пропало с его лица. Он выглядел искренне обеспокоенным.

«Да. Слушай, я могу это сделать.»

«Будет быстрее, если мы поможем,» сказал один из остальных, худой парень по имени Зидон.

«Кекси ублюдок,» сказала Красотка. «Думаю, что смогла бы его хорошо порезать.»

«Ага, уверен, что так,» сказал Форбокс.

«У меня есть клинок,» резко бросила Красотка. «Насажу ублюдка, когда он снова пройдет мимо меня с этой палкой.»

«Не смей,» сказал Крийд.

«Почему нет?» спросила Красотка. «Он это заслужил...»

«Не будь дурой. Напасть на офицера?» сказал Крийд. «Тебя казнят. Несколько выстрелов промеж ушей.»

«Это того стоит,» сказала Красотка, но она больше не звучала так уверенно.

«Инструктор делает свою работу, разве не понятно?» сказал Крийд. «Это – Имперская Гвардия. Сильные удары и строевая дисциплина. Это то, что поднимает нас до стандарта и держит нас там. Если ты ожидала чего-то другого, Трон знает, почему ты вообще записалась.»

«Ты говоришь, как чертов комиссар,» сказал один из остальных.

Крийд улыбнулся. «Сегодня это у меня первый комплимент.»

«Как тебя зовут?» спросил Форбокс.

«Крийд. (Criid)»

«Что, как священное Имперское кредо (creed)?»

«Нет. Двойное 'i', а не двойное 'е'. Это Вергхастское имя.»

«Я буду звать 'Святой',» сказал Форбокс, дав прозвище проверенным временем Гвардейским способом отсутствия обсуждения. «Точно, 'Святой'. Отлично звучит.»

«Тебе виднее,» сказал Крийд.

«Кто это?» внезапно сказала Красотка, указывая. На дальней стороне Подвала стояла фигура, в тени главного входного люка. Женщина, высокая и худая, в темной боевой форме и с нашивками сержанта.

«Фес,» пробормотал Крийд.

«Кто это?» спросила Красотка.

«Просто моя--» начал Крийд. «Мой надзирающий офицер, пришел за мной. До завтра, да?»

«В то же время, с той же болью, Святой!» засмеялся Форбокс, когда Крийд поспешил прочь.

«Святой?» спросила женщина, когда Крийд присоединился к ней.

«Я получил прозвище.»

«Это синяк?» спросила она, протянув руку, чтобы прикоснуться к лицу Крийд.

«Не надо!» зашипел Крийд, шлепком отбивая ее руку в сторону.

«Кто это сделал?»

«Я упал. Во время упражнения.»

«Ты хромаешь.»

«Оставь это. Что ты здесь делаешь?»

«Я пришла проведать тебя. Первый день и все такое.»

«Лучше бы ты этого не делала.» Крийд прошел мимо нее и захромал по служебному проходу.

«Далин!» прорычала она.

Почти восемнадцать лет, высокий и сильный, Далин Крийд ничего не боялся во вселенной, кроме звука ее голоса. Он замер.

«Кто-то побил тебя?» спросила она.

«Инструктор расставил точки. Что в ПВН нет любимчиков.»

«Ублюдок. Я должна убить его,» сказала Тона Крийд. «Хочешь, чтобы я убила его?»

«Нет,» ответил он, «но если ты снова ко мне сюда придешь, ма, я хочу, чтобы ты пообещала убить меня.»

III

Время приема пищи. Душные палубы заполнялись. Сальный дым и пар вырывались из столовых и катились под потолком над толпой. Решетки вентиляционных каналов были покрыты нитками затвердевшего жира. Здесь был запах вареной зелени, пюре из тыквы и масла. Звенели колокольчики. Различные торговцы выкрикивали свои меню плывущему мимо потоку.

За талон солдат мог съесть простые горячие пайки в столовых Муниторума, но обещание чего-то другого притягивало сотни из них на душные палубы в конце каждого дневного цикла. Это, и факт того, что здесь можно было достать выпивку, и другие удовольствия, если знаешь, кого спросить.

Душные палубы существовали из-за «следующих за силой». За каждым полком Гвардии следовала свита сопровождения: жены, дети, подружки, шлюхи, целители веры, проповедники, попрошайки, жестянщики, спекулянты, зубодеры, контрабандисты, писаки, ростовщики и целая масса темных душонок, которые жили, как паразиты, как блохи, на шее у военных.

Харку говорили, что некоторые полки увеличивались вдвое, если учитывать прихлебателей.

Душные палубы были теми местами, где они жили и ели, проводили сделки и торговали. Он однажды услышал, как младший комиссар предложил изгнать гражданских из флотилии. «Это бы уменьшило расходы Муниторума примерно на пятьдесят процентов,» с чувством заявил младший комиссар.

«Ага,» улыбнулся тогда Харк, «а на следующий день, каждый Гвардеец в квадранте дезертирует.»

Пока они пробирались сквозь толпу в главном проходе, Виктор Харк с некоторым удовлетворением отметил, что его компаньон не выказывал ни признака озвучивания столь же наивных комментариев. Глаза Ладда были широко раскрыты, так как это был первый опыт Младшего Комиссара Нахума Ладда по нахождению в периферийных областях транспортника. Но он был сообразительным и

наблюдательным, и Харк мог понять, почему его начальник устроил официальный перевод Ладда во вновь образованный Первый и Единственный.

Они пригнулись под висящими, качающимися засоленными водоплавающими, а затем отошли в сторону, чтобы избежать пар, вырывающийся со стойки с чанами для жарки. Энергичные голоса повышались, когда грязные руки протягивали деньги в обмен на жареное мясо на деревянных палочках и пакеты с приправленным пряностями фаршем, завернутым в капустные листья.

«Голоден?» спросил Харк.

«Я ел, сэр,» ответил Ладд, повышая голос над шумом.

«Пайки Муниторума?» удивился Харк.

«Я поел в начале смены. В конце концов, это высчитывается из нашего жалования.»

«И что было ночью?»

«Эм, что-то вроде соленой рыбы, и пудинг.»

«Вкусно?»

«Эм, рыба была пикантной, можно так сказать,» сказал Ладд.

Мимо них спешно прошел торговец с лопатой для хлеба на плече, уставленной дымящимися пирогами. Ладд повернулся и смотрел, как они проплывают мимо. Харк почти мог видеть, как молодой человек истекает слюной.

Виктор Харк был мощного телосложения с густыми темными волосами и чисто выбритым лицом. Его голова вырастала из толстой шеи, как кончик пули. У него была легкая, непринужденная манера поведения, которую Ладд находил тревожной, в особенности потому, что Ладд знал, что Харк мог быть диким и безжалостным сторонником дисциплины. В какой-то момент жизни – у Ладда никогда не хватало смелости спросить об этом – Харк потерял левую руку и получил аугментическую замену.

Сейчас Харк поднял эту аугментику и щелкнул пальцами. Щелчок механических пальцев прозвучал, как перезарядка болтера.

Торговец остановился.

«Сэр?»

«Две штуки,» сказал Харк, показывая V настоящими пальцами.

«Сладкие или кислые, сэр?» спросил торговец, поворачивая свою деревянную лопату, чтобы предложить товар.

«Что это?»

«Пряная дичь, или сахарный плойн, сэр.»

«Ладд?»

«Эм, плойн, сэр?»

«Тогда, и то, и то,» сказал Харк, доставая монеты из кармана плаща.

Они взяли горячие пироги. Торговец дал им листы засаленной бумаги, чтобы завернуть их.

Они начали идти и есть. Ладд очевидно был голоден. Он так сильно наслаждался своим пирогом, что его глаза слезились.

«Спасибо, сэр,» сказал он.

Вытирая крошки со рта, Харк отмахнулся. «Кто мы сейчас, Ладд?» спросил он.

Ладду пришлось поспешно проглотить полный рот горячего, чтобы ответить. Он поморщился. «Я... эм, я не уверен, что понимаю, о чем вы, сэр.»

«Итак, Нахум, кем мы были до того, как я купил пироги?»

«Эм... двумя комиссарами, патрулирующими грязные палубы?»

«Душные палубы, Ладд. Так гражданские называют их. Я знаю, что 'нижние палубы' это официальное название, но ради Трона, это звучит, как начало шутки в казарме.»

«Да, сэр.»

«Ешь.» Харк еще раз откусил от своего пирога. Ему пришлось жевать и ждать, пока его рот не станет достаточно свободным, чтобы продолжить. «В любом случае, ты прав. Два комиссара, блуждающих по душным палубам. Ты - не плохой солдат, которому есть, что скрывать. Ты видишь таких, как мы, ты знаешь, что мы ищем. Но два комиссара, жующие пироги... и, между прочим, роняющие крошки и сок на форму...»

«Ммм! Простите!»

«Итак, о чем это говорит?»

«Что мы здесь ради еды? И, поэтому... не при исполнении?» Харк наклонил голову. «В точку. Уловка, Нахум. Если не можешь спрятаться, прячься на видном месте.»

Зазвучала музыка, дудочки. Харк, вздрогнув, огляделся. Труппа артистов проскакала мимо, играя на дудочках, виолах и барабанах. Пятеро акробатов кувыркались колесом по главному проходу. Жонглеры бегали по краям, хватая шляпы, фрукты и другие предметы, как ложки и полусъеденные шашлыки на шампурах, у ничего не подозревающих прохожих, и вертели их в воздухе раз или два до того, как вернуть их смеющимся, озадаченным владельцам. За труппой шел маленький ребенок, ее глаза были большими на лице, покрытом лаймово-зеленой камуфляжной-11 краской, и она собирала монеты в потрепанный Гвардейский шлем, который держала, как ведро, у подбородка.

Харк отвел Ладда в сторону, чтобы дать им пройти. Младшие адепты Экклезиархии, с испачканными чернилами пальцами, шли сквозь толпу, раздавая копии Лектицио Дивинитатус, все еще влажные от печатных машинок. Попрошайки и инвалиды предлагали изделия из огарков свечей и шарики для чистки ботинок. У соседней продуктовой лавки два Гвардейца, один Колстековец, другой крепкосложенный Хауберканец, спорили, кто следующий в очереди. Выглядело так, как будто сейчас начнется потасовка.

«Игнорируй,» сказал Харк Ладду. «Вмешаемся, и мы раскроем себя. Мы здесь по другому делу.»

Ладд кивнул, жадно доедая остатки пирога. Он вытер рот рукавом.

Толпа вокруг них становилась плотнее. Ладд мог чують спиртное. Костлявый проповедник, или полуумный или навеселе, залез на самодельную кафедру на тележке, и кричал любому, кому было дело, о «ликовании умирающей души».

Харк не слушал. Он все еще мог расслышать звуки дудочек, затихающие в толпе, пока труппа удалялась. Это ему кое о чем напомнило, в том плане, в каком сон из прошлой ночи иногда внезапно появляется и снова становится воспоминанием. Как и в таких снах, Харк не мог определить или восстановить воспоминание. Но в нем было зарыто чувство. Печаль. Сожаление.

«Сэр?»

«Что?»

«Сэр?» спросил Ладд.

Харк заморгал. Глупо быть таким растерянным. Этого просто нельзя допускать. Дорога Славы всегда была длинной прогулкой, и комиссар делал свою самую лучшую работу на ней. «Ладно,» сказал он, тихо и осторожно, «повтори, что сказал тебе твой источник?»

«Место Павера,» ответил Ладд. «Там чаще всего видели Меррта. Мой источник говорит, что он спустил больше трех сотен.»

«Интересно, почему он продолжает возвращаться,» сказал Харк.

«Действительно интересно,» сказал Ладд. «Я думаю, что есть что-то большее, чем деньги.» Харк кивнул. Он давно знал Рена Меррта, одного из изначальных Танитцев. Война была жестока с ним, и сыграла с ним злую шутку. Казалось, что фортуна продолжала отдыхать.

«Мы собираемся казнить его?» прямо спросил Ладд.

«Что? Нет!» сказал Харк. «Трон, нет! Ты считаешь, что я настолько бескомпромиссный, Ладд?»

«Я не знаю вас, сэр,» сказал Ладд. «Я хотел понять ваши мысли.» Харк кивнул. «Тогда ладно. Хороший вопрос. Нет, я не пристрелю его. Пока он не даст мне весомую причину. Он один из нас, Ладд, и мы пришли спасти его до того, как он переступит

черту. Ради блага Рядового Меррта и полка. Боевой дух и дисциплина танцуют хрупко сбалансированную польку, Ладд. Ты знаешь, что такое полька?»

«Что-то вроде... леопарда?»

«Нет. Это Место Павера?»

«Да, сэр.»

«Хорошо. Дай мне свою фуражку и плащ,» сказал Харк.

«Мою фуражку и плащ?»

«Быстрее. Возьми это.» Харк протянул пачку грязных купюр. «Иди и посмотри.» Ладд отдал свою фуражку и плащ. Без них он выглядел похожим на молодого солдата в неопрятной одежде. Он взял пачку, положил ее в набедренный карман и направился к Месту Павера.

Место Павера любило думать о себе, как о чем-то вроде «самостоятельного заведения». По правде, оно им не было. Оно находилось в нескольких шагах от главного прохода палубы, темное, задымленное логово для азартных игр, между опор корпуса. Большая часть крыши была навесом из украденного брезента. Только за это можно было уже выдвинуть обвинения, подумал Ладд.

Играла музыка, громкий «пунд», раздававшийся из обветшалых вокс-рупоров, примотанных к тентованной крыше. Несколько легко одетых девушек скользили сквозь толпу, разнося подносы с выпивкой, двигая своими обнаженными бедрами в такт музыке. В их глазах не было радости, как и упругости в их походке. Павер платил им, чтобы они крутили своими телами под музыку, как часть работы.

Ладд вошел, подошел к самодельному бару и заказал амасек.

Бармен с сомнением смотрел на его несомненную молодость, пока Ладд не шлепнул купюрой по столу. Его выпивка была налита в маленький, грубообработанный грязный стакан.

Даже не осматриваясь, Ладд заметил Рядового Меррта у крайнего стола, за картами. Ошибки в том, что это он, не было. Пуля в рот на Монтakse годы назад снесла ему челюсть, и теперь у него был грубый аугментический имплант. Когда-то Меррт был

снайпером, одним из лучших у Танитцев, но травма поставила точку на его специализации. После лесов Монтaksa, Меррт шесть раз пытался вернуться в состав снайперов. Каждый раз был неудачным.

Он хмурился, когда открывались карты, хотя он всегда выглядел хмурым. Вокруг стола с ним были еще четыре игрока: двое Колстековцев, Бинарец и, отметил Ладд, Белладонец. Потягивая свою выпивку, Ладд пытался вспомнить имя Белладонца. Маггс. Точно. Рядовой-Разведчик Маггс. Бонин высоко отзывался о нем. Какого феса он здесь делает?

Меррт казался рассеянным. Партия точно шла не в его пользу, но он все равно поднимал ставку.

Ладд осмотрелся. Там, в углу, был Павер, с четырьмя своими громилами.

«Пандер» Павер, худой и мерзкий, с густой, жесткой раздвоенной бородой и стеклянными глазами. Экс-Гвардеец. В «силе», экс-Гвардейцы были обычно самым худшим типом хищников. Павер и его лакеи наблюдали за Мерртом и мало говорили. Еще один проигрыш для игорного дома, еще один проигрыш, который Меррт не сможет покрыть, и они освежают его.

Ладд залез в карман штанов и почувствовал удобную рукоятку своего автоматического пистолета. Все должно было обернуться неприятно. Более неприятно, чем сам Рен Меррт.

Он хотел быть к этому готовым.

Снаружи, Виктор Харк думал об еще одном пироге. Ладд не торопился. Крепкосложенный Хауберканец заслонил поле зрения.

«Ты Харк?» спросил солдат.

Харк сузил глаза. «Я думал, что ко мне нужно обращаться *комиссар*, рядовой,» сказал он.

«Да, да. Комиссар Харк, так?»

«Чего тебе надо?» спросил Харк. «Я занят.»

«У нас проблема, Комиссар Харк. Я думаю, что вы захотите ее разрешить,» сказал солдат, указывая Харку.

Харк вздохнул и последовал. Он держал плащ и фуражку Ладда подмышкой. «Какая проблема?» спросил он.

Рядовой Хауберканцев повел Харка вниз по нескольким решетчатым ступеням позади столовой. Внизу было темно и душно. Расплавленный жир стекал по стенам.

«Я сказал, какая проблема?» потребовал Харк.

Внезапно вокруг него появились пять Хауберканских солдат. У одного был нож.

«Ты тот ублюдок, который казнил Гадовина,» сказал один из них. «Ты заплатишь.»

«Ох, тупицы,» сказал Харк.

Обстановка почти была готова взорваться. Прикончив выпивку, Ладд поспешно вышел в главный проход. Не было никаких признаков Харка.

«Сэр?» позвал он. Некоторые из проходящей толпы наградили его любопытными взглядами.

Ладд повернулся и сбежал вниз в место Павера. Там был маленький очаг яростной активности, которую все другие, даже девушки, старались игнорировать. Люди Павера тащили Меррта через заднюю дверь. Меррт сделал ставку, которую даже игорный дом отказался покрыть. Он кричал, но его крики, вырывавшиеся из этой отвратительной аугментической челюсти, казались комичными.

Что он говорил? «Сарат?» «Саббат?» *Что-то.*

Постоянные клиенты пососедству смеялись над ним. Всего лишь какой-то бедный старый покалеченный дурак, слишком много рискующий.

Одна из обслуживающих девушек, милашка с короткими черными волосами, настойчиво шла за Мерртом.

«Что вы собираетесь сделать?» кричала она. «Что вы собираетесь сделать?»

«Свали и работай!» выплюнул один из громил, отшвырнув ее.

Меррт снова закричал, когда исчез в задней двери.

Ладд протолкался сквозь толпу. Он увидел других людей, которые были за столом вместе с Мерртом.

Они были на ногах. Вес Маггс, Белладонец, выглядел так, как будто сейчас пойдет за Мерртом. Когда он увидел Ладда, он замер и резко сел.

«Оставайся на месте!» крикнул ему Ладд, и побежал к задней двери.

Она все еще была приоткрыта, когда он подошел к ней. Он выглянул наружу. Позади было помещение, сырая глухая коробка, которая воняла мочой и гниющими овощами. Около дальней стены, громилы уже были заняты избиением Меррта до полусмерти. Ладд сделал глубокий вдох и вошел внутрь.

«Хватит!» крикнул он.

Громилы прекратили бить Меррта. С остекленевшим взглядом и полубессознательный, Танитец поник и медленно сполз по стене. Четыре куса мускулов повернулись, чтобы рассмотреть Ладда сузившимися глазами.

«Кем, черт возьми, ты себя считаешь?» спросил один из них.

Ладд понимал, что ждать ответа они не собираются.

IV

Первым прилетел нож, вспышка стали.

Было рано. Если Хауберканцы и пили вообще, то пили они немного. Они все еще были бдительными, быстрыми, уверенными. Так же было похоже, что они планировали эту засаду довольно долго, и поэтому они были напряжены, как пружины.

Первым прилетел нож, и Харк просто поймал его лезвие в свою аугметическую хватку. Он сдавил. Лезвие сломалось со звуком, похожим на приглушенный колокол.

«Ладно, это сломалось,» сказал Харк. Он отпустил фуражку и плащ Ладда и ударил владельца ножа по лицу своей настоящей рукой. Человек тяжело упал. Удар был удовлетворительно мощным, даже хотя это отозвалось болью в костяшках.

Опять. Опять это все. После Анкреон Секстуса Харк побывал в трех драках с Хауберканскими солдатами, которые все как один ненавидели его за то, что он казнил их некомпетентного командира, Гадовина.

Ладно, жесткий фес им.

Время ускорилося. Сейчас они были на времени боя, этой нереальной мере проходящих моментов, которые казались вечностью, пока оно длилось, но в реальности это было всего лишь несколько секунд. Время боя.

Время инстинкта. Один из остальных замахнулся на него. Харк ушел в сторону от преждевременного удара, и ударил своим аугментическим кулаком в грудь человека, ломая ребра. Дурак отшатнулся назад, задыхаясь и кашляя кровью. Оставшиеся были у него за спиной. Харк воспользовался локтями. Он услышал, как сломался нос, и почувствовал что-то мягкое. Он освободился.

Харк развернулся на ступнях ног, полы его кожаного плаща взлетели. Это было удивительно грациозное движение для кого-то такого плотного. Он осмотрел свою работу.

Один из Хауберканцев стоял на коленях, прижав руки к сломанному носу, из которого текла кровь. Другой лежал на спине, прижимая руки к горлу и задыхаясь. Харк выругался, ударил первого по голове и опрокинул на спину. Он посмотрел на второго, и решил, что с этим сделал достаточно.

Пятый Хауберканец был слева от него. Харк предположил, что человек сбежит, видя, как все его приятели полегли. Менталитет толпы работал именно так.

Но Харк понял, что этого не произойдет. Время боя все еще не перестало действовать, согласно его собственному необычному темпу. У пятого был цепной кулак. Без сомнения он стоил ему больших денег на черном рынке. Он купил его, чтобы разобраться с Харком, и он собирался воспользоваться им. Кулак начал рычать, когда устремился к лицу Харка.

Харк заблокировал удар аугментической рукой. Осколки стали и черного пластика полетели от импланта, когда жужжащее оружие отдернулось прочь.

Нож – это было одно, но не стоило шутить с цепным кулаком. Он не оставлял ни свободы действий, ни вторых шансов. В тот момент, когда появился цепной кулак, ситуация перестала быть досадной и стала серьезной. Первое время закрутилось быстрее.

Человек что-то говорил. Харк не дал ему начать или закончить. Он ударил человека ногой в пах, рукой в челюсть, затем схватил его за горло и ударил его затылком о грязную стену. Он крепко держал хватку, подкрепляя ее коленом и остальным весом. Аугментическая рука держала в стороне цепной кулак.

«Брось его,» приказал Харк.

«Гннк!» задыхался человек.

«И хорошо бы, чтобы прямо сейчас.»

«Гнхх!»

«Две или три секунды сделают разницу между штрафной службой и казнью. Сам себе вынеси приговор.»

Человек стряхнул цепной кулак с руки. Он упал на пол, дважды подскочил, и замер, извиваясь, как насекомое и вгрызаясь в палубу.

«Значит штрафная служба,» сказал Харк. Он отступил назад и отпустил. Человек шагнул вперед, восстанавливая дыхание.

«Последний момент,» добавил Харк. Он ударил человека сбоку головы своей аугментикой.

Человек рухнул вдоль стены и упал на лицо. Его череп, возможно, был сломан. Милосердие, подумал Харк. Тридцать лет в штрафной колонии, возможно, пройдут намного легче, если ты идиот из-за повреждения мозга.

Время боя остановилось. Внезапно тяжело задышав, Харк сделал шаг назад и проверил себя.

Нет повреждений. Нет ран. Можно получить множество в нереальности времени боя и понять это только позднее. Он выучил это на Херодоре. Когда локсатль оторвал ему руку, он сначала даже не понял.

Он посмотрел на хрипящие, кашляющие тела вокруг него.

«Вы тупые ублюдки,» сказал он. Он залез в карман плаща и вытащил свой вокс.

«Харк управлению Комиссариата.»

«Слушаем вас, комиссар.»

«Подтвердите мое местоположение по сигналу вокса.»

«Подтверждено, комиссар. Один восемь один ноль, нижние палубы.»

«Спасибо. Отправьте команду обработки в это место. Пять, повторяю, пять Хауберканских солдат под арест. Нулевая терпимость. Я предъявляю обвинения позже.»

«Команда обработки выдвинулась, комиссар. Вам нужна медицинская помощь?»

«Да, для них.»

«Так же отправлена. Вы останетесь на месте, сэр?»

Выше, на уровне главного прохода, снова мимо проходила труппа. Харк услышал дудочки, и мелодия зазвучала у него в голове во второй раз. Как сон, когда –

«Сэр, вы останетесь на месте?»

Харк встряхнулся. Он увидел плащ и фуражку на полу.

«Фес... Ладд...»

«Сэр?» протрещал вокс.

«Нет, не останусь. Разберитесь с этим.» Он начал бежать, к лестнице, вверх по ней, через две ступеньки сразу. Он выбежал в оживленный проход, и стал пробиваться сквозь скачущую труппу. Дудочник прекратил играть.

«Эй!» пожаловался он.

«Не сейчас,» предупредил Харк.

Ладд вытащил свой автопистолет из кармана и навел его на громил.

«Не приближаться,» сказал он. Он удивился, что же с ними было не так. Он навел на них ствол, а они не попятись.

Внезапно пунд за спиной стал громче.

«У нас проблема?» спросил бархатистый голос.

Все еще смотря и целясь в громил, Ладд бросил взгляд в сторону и увидел Павера рядом с собой. Павер тихо стоял там, рядом с Ладдом, смотря на громил.

«Да, у нас проблема,» твердо сказал Ладд.

Павер кивнул. «Тебя я не знаю,» сказал он, все еще не смотря на Ладда. «Для меня ты новенький.»

«Нахум Ладд, Комиссариат,» сказал Ладд.

«Ха, они все так говорят, так ведь?» тихо рассмеялся Павер. Громилы кивнули.

Ладд осторожно сделал пару шагов назад, пока не стал видеть Павера и громил. Павер медленно повернулся лицом к нему.

«Я - Младший Комиссар Нахум Ладд,» заявил Ладд.

«Младший комиссар?» Павер кивнул. «Это хорошо. Неплохо придумано. Хорошая деталь. Более достоверная. *Младший* комиссар. Вот совет. В следующий раз, когда будешь играть в эту игру, достань себе фуражку и плащ. Войди в роль.»

«Я сейчас покажу свою инсигнию,» сказал Ладд, левой рукой нащупывая нагрудный карман. «Никому не делать ничего тупого.»

Павер пожал плечами в стиле «не торопись». «Только один из нас делает это,» сказал он.

Ладд показал свое удостоверение.

«Ладно,» согласился Павер. «Ты комиссар. Мне не нужны проблемы. Я управляю приличным заведением и--»

«Замолчите,» сказал Ладд. «Это место продолжает существовать благодаря терпимой позиции этого корабля и Комиссариата. По факту, это не 'заведение'. Это дыра в стене. Это притон. Кашлянете неправильно и мы выкинем вас с корабля. У вас нет прав, нет влияния, и никакой нафес власти. Так что хватит притворяться, что вы управляете самым лучшим салуном на Хан Нобилис.» Павер кивнул. «Я знаю свое место, *Младший* Комиссар Нахум Ладд. Я маленький человек, и я выживаю. Давай достигнем понимания. Какова природа твоей проблемы?»

«Ваши люди были заняты убийством одного из моих солдат,» сказал Ладд.

«Этого страшного куса дерьма?» Павер пожал плечами. «Тебя волнует, что с ним произошло? Он нарушил правила дома. Он сделал слишком большую ставку. Моему кошельку больно, когда кто-то грубо с ним играет. Да, мои мальчики собирались убить его. Урок.»

«Вы допустили это?»

«Где смысл отрицать это?»

«Вам это не сойдет с рук,» сказал Ладд.

Павер вытащил сигарету с лхо и поджег ее. Он выпустил дым. «Ты знаешь турбинные залы, *Младший* Комиссар Нахум Ладд?»

«Рядом с реакторами? Да.»

«Внизу печи. Большие и горячие. Плавят кожу и кости за секунду. Мы убиваем солдата или двух, которые оскорбляют мое заведение, и следов нет. Все превращается в пепел. Никаких неудобных вопросов. Никто не возвращается. Аккуратно. Я это делают, чтобы сохранять мир.»

«Вы позволяете убийство?»

Павер пожал плечами.

«Почему вы это говорите? Мне? Я мла – Я комиссар! Я целюсь в вас. Я-- »

Он замешкался. Громилы засмеялись. Павер улыбнулся.

«Вы целитесь в *меня*, так ведь?» спросил Ладд.

Ладд почувствовал холодный толчок дула пистолета в затылок. Павер пришел не один из своего логова. Еще один из его парней стоял позади Ладда, нацелив ствол в заднюю часть головы.

«Одно тело в печи? Два? Для меня никаких проблем. Я бизнесмен, *Младший* Комиссар Нахум Ладд. У меня есть дыра в стене, чтобы сбежать.»

Павер зажал сигарету с лхо губами и вытащил пачку денег. «Если хочешь уйти,» сказал он, произнося слова с сигаретой во рту, «я в долгу не останусь. Сколько стоит твое молчание?»

«Если я соглашусь на взятку,» сказал Ладд, «я все равно смогу донести на вас.»

«Ах,» сказал Павер, прекращая отсчитывать наличку. «Ты увидел изъян в моих доводах. Ты слишком много знаешь.»

Произошло что-то странное. Казалось, что время растянулось. Ладд вздрогнул, ожидая почувствовать горячую пулю, прожигающую себе путь сквозь его мозг сзади, а его палец начал сжимать спусковой крючок автопистолета. Прозвучал выстрел, и что-то горячее и влажное расплескалось по задней части головы и плечам Ладда.

Павер кричал. Громилы двигались. Ладд выстрелил, и положил первого из них пулей в грудь.

«Баланс сил восстановлен,» произнес голос. «Руки на головы, фесовы подтирки.» Виктор Харк вошел в поле зрения Ладда. Он целился из большого боевого автомата в Павера. Из дула вытекал дым.

«На колени!» прорычал Харк. Павер и его люди быстро подчинились. Человек, которого подстрелил Ладд, лежал на лице в блестящей крови.

«В порядке, Ладд?» спросил Харк.

Ладд кивнул. Он посмотрел назад. На полу лежало тело, с пистолетом в руке. Выстрел в голову снес большую часть черепа. Ладд осознал, что течет у него по спине.

«Комиссар Харк,» объявил Харк, по правилам. «Это конец. Не ждите пощады и смиритесь с жизнью в мучениях.»

Павер начал причитать. Харк пнул его по ребрам.

Ладд прошел мимо съездившихся людей и подошел к Меррту. «Нам нужна медицинская помощь,» сказал он после быстрого осмотра. «Прямо сейчас.»

Харк кивнул и достал вокс.

Место Павера закрылось навсегда примерно через пятнадцать минут. Это было не первое заведение на душных палубах, которое появилось и исчезло быстро, и будет не последним. Когда солдаты Комиссариата повели Павера и громил прочь в наручниках, девушки схватили свои вещи и испарились.

«Что с Мерртом?» спросил Ладд.

«Что с тобой?» ответил Харк. «Ты уверен, что в порядке?»

«На мгновение было странно,» признался Ладд. «Я имею в виду, тогда. Спасибо, сэр. Я думал, что умер.»

«Такое случается. Сейчас странно?»

«Эм, ну... кажется все ускорилось и замедлилось, одновременно.» Харк кивнул.
«Время боя,» сказал он, как-будто это все объясняло.

V

Ларкин продолжал смотреть в снайперский прицел, водя его туда-сюда, пока прицельная сетка не сошлась на его цели.

Молодой человек. Мальчик, на самом деле. Сколько ему? Восемнадцать стандартных? Сама мысль заставила почувствовать Ларкина себя таким же старым и инертным, как умирающее солнце. Он не мог вспомнить себя в восемнадцать лет. Не хотел, на самом деле. Попытаться вспомнить свои восемнадцать лет сводилось к тому, чтобы вспомнить место и время, и это место было Танитом, и глухими лесами. Ларкин не любил думать о Таните. После всех этих лет, это все еще было гнетущей и личной потерей.

Хотя, он вспомнил мальчика. Ребенку, должно быть, было около десяти, когда он появился у них. Это случилось после Улья Вervун, после той мучительной войны, когда ряды Первого и Единственного увеличились за счет вливания Вергхастцев. Всего лишь ребенок-беженец, с малолетней сестрой, еще две души, влачащиеся вместе с последователями за силой. Пара сирот, спасенные и защищенные материнской яростью обесцвеченной блондинки из улья со слишком большим количеством пирсинга и татуировок.

Девушку из улья звали Тона Крийд. Сейчас она была Сержантом Крийд, первым женщиной-офицером полка, другом и товарищем, ее послужной список был выдающимся, ее значимость была доказана десятки раз. Ларкин был обязан ей жизнью, и не раз, и возвращал долги, и не раз. Видя ее в тот первый раз, на погрузочных полях снаружи Улья Вervун, тощей, грязной, наполненной яростью и злобой, тащащей двух немытых детей в транспортник с собой, Ларкин никогда и не представил бы, что подружится с ней, или будет ей восхищаться.

Как изменились времена. Теперь он ей восхищался. За все то, что она сделала, и за все, чем она была, и за все те наступления, которые она провела против Архиврага Человечества. Но больше всего он восхищался ей за то, что она была матерью двух детей, которые были не ее. За то, что она вырастила их в этой убогой, с переездами с место на место, жизнью.

Она проделала хорошую работу. Мальчик был высоким, сильным, хорошо выглядящим. Как и его отец. У него была уверенность в себе, и ум, и легкие отношения с другими. И это не было всем, чем он был. Это был тем, что он показывал.

Ларкин посмотрел еще немного, как Далин Крийд приближается, через свой прицел, а затем опустил его и притворился, что чистит его. Он сидел снаружи главного входа в казарму, спиной к металлической стене цвета хаки. Предлогом было то, что чистое пространство зала давало ему шанс протестировать и откалибровать прицел.

Он вытащил кусок ткани и начал полировать линзу. Его лонглаз, разобранный, лежал на палубе рядом с ним в ранце.

Люди собирались и расходились в отдающем эхом зале. Далин подошел к нему.

«Наблюдаешь, Ларкс?» спросил он, останавливаясь у скрестившего ноги человека.

«Никогда не помешает,» ответил Ларкин.

Далин кивнул. Он сделал паузу. Он не ожидал многого, но думал, что что-то будет. Комментарий насчет его первого дня, возможно.

«Ты в порядке?» спросил Ларкин, поднимая взгляд.

«Да. Ага. Я в порядке. А ты?»

«Золотой, как сам Трон,» сказал Ларкин, и вернулся к своей работе.

«Ладно. Хорошо. Тогда, увидимся,» сказал Далин.

Ларкин кивнул. Далин подождал секунду, а затем вошел в казарму.

Ларкин дотронулся до своей микро-бусины. «Он идет,» сказал он.

«Он идет,» сказал Варл. «Ты идешь?»

Гол Колеа сидел на краешке своей вровати, переворачивая страницы воспитательного учебника духовной связи.

«Он не захочет, чтобы я был там, путающимся под ногами,» ответил Колеа.

«Нет, захочет,» сказал Варл, с согнутыми руками, отжимающимся от каркаса.

«Почему?»

Варл пожал плечами. «Не знаю. Может потому, что ты его отец? Кончай притворяться, что читаешь и оторви задницу.»

Колеа бросил сердитый взгляд. «Откуда ты знаешь, что я притворяюсь, что читаю?»

Все еще с согнутыми руками, Варл очень медленно и очень осторожно поднял свое тело вверх, пока его голова почти не стала внизу. «Ты держишь эту книгу вверх ногами.» Колеа заморгал и уставился в учебник в руках.

«Нет.» Варл выпрямился. «Ага, но тебе надо проверить. Хватит увиливать и оторви задницу.» Колеа отшвырнул книгу в сторону и встал. «Ладно,» сказал он. «Но только потому, что ты использовал слово 'увиливать', и теперь я боюсь оставаться наедине с тобой.»

«Он идет,» сказал Домор.

«Уже?» спросил Каффран.

«Ларкс только что воксировал.»

«Ты достал?» спросил Каффран. Он был занят тем, что сворачивал одеяло на кровати.

Глаза Шогги Домора добродушно заморгали бы, если бы они не были огромными аугментическими имплантами. Он залез в сумку и вытащил бутылку сакры. На бутылке, фляжке из-под воды, была рукописная надпись «Еще Разок Превосходный».

«Реальная штука,» сказал Домор, кидая ее Каффрану. Каффран поймал бутылку и улыбнулся над надписью.

«Не свежак и сожжет-нафиг-твой-желудок, прямо из дистиллятора Костина,» добавил Домор. «Реальная вещь. Спелая, Зрелая. Припрятанная.»

«Припрятанная?»

«В шкафчике Обела, для 'будущих развлечений', но все равно вещь.»

«Сколько стоила?»

Домор покачал головой. «Когда я сказал Обелу, для чего это, он просто отдал. 'Смочите лоб младенцу', сказал он.»

«Он не младенец.»

«Не, он нет.»

«Он *нет!*»

«Я знаю, что он нет.»

«Просто, чтобы было ясно. Как я выгляжу?»

Домор пожал плечами. «Как узкозадый фес? Ты что сделал, накрахмалил свою форму?» Каффран помедлил. «Да,» признался он.

Домор захихикал. «Тогда ты преуспел в том, чтобы выглядеть, как узкозадый фес.»

«Спасибо. Это почему ты снова стал моим другом?»

«Чистая фесова случайность,» улыбнулся Домор.

Голова высунулась из двери. Она была заскорузлой и неприятной, как выдвинувшаяся голова испуганной черепахи.

«Привет, отец,» сказал Домор.

«Он идет!» провозгласил Цвейл.

«Мы знаем, отец. Так же, как и знали,» ответил Каффран.

«Большой день,» добавил Цвейл. Он посмотрел на Каффрана и нахмурился.

«Узкозадый фес. Ты что, так хотел выглядеть, сынок?»

«Тихо,» сказал Каффран.

Казарменный Зал 22 был широким огороженным местом, отданным под расквартировку Танитского Первого и Единственного. На противоположной стороне зала Колстекский 15-ый располагался в сходных условиях. Немногим более четырех тысяч солдат, упакованные для длинного путешествия, для долгой прогулки по Дороге Славы.

Сами казармы представляли собой металлические коробки, высотой в пять этажей. У каждого солдата была собственная ячейка, как у животных на ферме. В каждой ячейке были койка и шкафчик, и большинство солдат улучшили личное пространство стратегически расположенными плащ-палатками и камуфляжными накидками.

Было жарко и шумно. Дым висел под потолком от сигарет с лху и трубок. Химическая вонь доносилась от уборных в южном конце. Танитцы лежали повсюду, расслаблялись, опирались на перила на лестницах, играли в карты и регицид, грелись у огня на складных стульях. На открытом пространстве за пределами казармы, солдаты играли в громкую игру кикбол, раздетые до маек.

Танитцы, Вергхастцы, Белладонцы. Три расы, связанные вместе в одну боевую единицу.

Далин шел через лагерь. Он чувствовал смутное уныние. Никто не признал его, даже люди, с которыми он регулярно общался. Несколько «привет», несколько кивков. Никто не спросил, как прошел его день.

Хотя, это было нормально. Он не хотел суеты. Он очень долго был одним из них, но не одним из них. Сейчас, в конце концов, ему исполнилось восемнадцать, и он тренировался, чтобы получить свои нашивки. К этому он стремился всю свою жизнь. Что быть одним из них, равным, Имперским Гвардейцем.

Далин иногда размышлял, стремился ли бы он в Гвардию, если бы его жизнь пошла другим путем. Если бы война не уничтожила его родной улей, где он рос, он, возможно, стал бы шахтером, как его отец. Его настоящий отец. Но война выбрала его, и воины забрали его, и их профессия была всем, что сейчас взывало к нему. Быть Гвардейцем. Быть Призраком, что еще более важно. Одним из избранных Гаунта.

Сражаться и, если потребуется, умереть, во имя Бога-Императора Человечества.

Ему было больно. Чертовы Кекси и Сару. Ему было больно, и все, чего он хотел, так это свалиться на койку и уснуть, чтобы боль прошла.

Он прошел за угол пятого блока в примыкающее место, где солдаты дремали и играли. Он услышал странный звук, стаккато, как оружейный огонь.

Это были аплодисменты.

Женщины и мужчины, все до одного, Призраки стояли вокруг него, и дико аплодировали. Он остановился и заморгал.

«Далин Крийд! Далин Крийд! Первый день в 'В'! Далин Крийд!» Далин снова заморгал и огляделся на улыбающиеся лица вокруг него. Они выглядели... гордыми. Соединенные с ним, как будто владели им, в самом лучшем смысле.

Мах Бонин стоял на возвышении, руководя приветствием. «Далин Крийд! Покажите ему наше одобрение!» кричал он.

«Это...» осклился Далин. «Это...»

«Это так, как Призраки приветствуют одного из своих,» сказал Домор, выходя вперед. «Далин, это редкий момент, так что извинишь нас, если мы используем его по-максимуму.»

Он потряс руку Далина.

«Твой отец здесь,» сказал он сквозь аплодисменты.

Далин огляделся и увидел Каффрана, улыбающегося ему.

«Оу, ты про Каффа,» сказал он.

«Все хорошо?» спросил Каффран, подходя.

Далин кивнул. «Ты что сделал со своей формой?» спросил он.

«Только ты не начинай. Слушай, я сделал кое-что. Я надеюсь, что тебе понравится. Я достал тебе место в казарме, вверх по лестнице, в двух ячейках от моей. Все условия.»

«Я еще не в Гвардии, Кафф.»

«Я знаю, но ты будешь.»

Далин улыбнулся и пожал руку Каффрана.

Дермон Каффран не был достаточно взрослым, чтобы быть биологическим отцом Далина, но, как супруг Тоны Крийд, он растил мальчика и его сестру, как своих

собственных детей, насколько Гвардейская жизнь позволяла это. Затем начались осложнения.

«Я достал тебе это,» сказал Каффран, вытаскивая сакру. «Чтобы произнести тост за тебя.»

«Спасибо.»

Далин медленно повернулся, выражая признательность аплодисментам. Он видел всех: Обела, Бана Даура, Велна, Раффлана, Бростина, Лайсу, Каобера, Нессу Бурах. Здесь был Ларкин. Ларкин подмигнул. Старый пес.

Вперед вышел Цвейл, держа псалтырь и бутылку со святой водой. «Небеса, Далин Крийд. Ты, внезапно, стал очень высоким,» воскликнул он. «Я думал, что смогу благословить тебя, но боюсь, что не достану!» Далин ухмыльнулся и склонил голову.

Толпа затихла, когда Цвейл сделал знак аквилы на лбу Далина. «Именем Бога-Императора, который наблюдает за всеми нами, и Святой, чье дело мы делаем, я благословляю твою душу против ужасов тьмы,» провозгласил Цвейл. Он побрызгал святой водой на плечи Далина.

«Император защищает,» закончил он. Грянули аплодисменты.

Тона Крийд появилась рядом с Каффраном. «Наслаждайся этим,» сказала она Далину. «Призраки не производят много шума обычно.»

«Им вообще не нужно было беспокоиться, ма,» сказал Далин. Она улыбнулась, и кратко дотронулась пальцами до его щеки. По правде, когда Призраки так собирались, это было для того, чтобы сказать 'прощай', а не 'привет'. Чтобы попрощаться с еще одним другом или товарищем, потерянным в мясорубке. А сейчас это было выражение приветствия, отдавание чести живущему. На сердце у Крийд было тяжелее, чем предполагала ее улыбка.

Они приветствовали ее сына в ряды Имперской Гвардии, в ту жизнь, у которой был только один конец. Это все было так же, как и сказать 'прощай', и она это знала. С этого момента, раньше или позже...

«Здесь есть кое-кто, кто хочет сказать несколько особенных слов,» сказал Варл, появляясь из толпы.

Варл поманил. В тени рядом со стеной Колеа напрягся и откашлялся.

Затем он отошел назад, когда высокая фигура быстро прошла мимо него.

Это был Гаунт.

VI

«Я бы не пропустил это,» сказал Ибрам Гаунт. Наступила тишина.

«Как ты?» спросил Гаунт.

«Хорошо, сэр. Хорошо,» ответил Далин. «Только начали.»

«Ты будешь хорошим солдатом,» сказал Гаунт. «Это сакра, Каффран?» Каффран замер, полуспрятав бутылку. «Возможно, сэр.»

Гаунт кивнул. «Ты в курсе, что здесь предписания насчет запрещенного алкоголя?»

«Я слышал что-то об этом, сэр,» признался Каффран.

«Тогда нам лучше выпить его до того, как кто-то заметит, так ведь?» сказал Гаунт.

Каффран улыбнулся. «Да, сэр.»

«Доставай стаканы, Кафф,» сказал Гаунт. «К слову, что за фес с твоей формой? Несчастный случай с крахмалом?»

«Ну, можно и так сказать,» сказал Каффран.

Принесли рюмки. Бутылка опустела, когда заполнилось столько рюмок, на сколько хватило.

Гаунт поднял свою. «За Далина. Первого и следующего.»

Они опрокинули. Далин почувствовал, как его тело наливается теплом.

«Мы идем по Дороге Славы,» сказал ему Гаунт, отдавая свою пустую рюмку Домору. «Знаешь, куда она ведет?»

«Эм, к славе?» сказал Далин.

Гаунт кивнул. «У меня полная уверенность, что к тому времени ты станешь солдатом, Далин. Я покажу тебе славу, и буду гордиться тем, что ты стоишь рядом со мной.»

Гаунт огляделся. «Я знаю, что меня здесь не ждали. Но мне нужно было придти. Вот и все. Продолжайте.»

Он ушел.

Солдаты окружили Далина, пожимая ему руку и взъерошивая ему волосы.

«Давай!» прошипел Варл.

«Не сейчас,» ответил Колеа. «Он счастлив. Я не хочу путаться под ногами...»

«Гол...»

Колеа повернулся и ушел.

«Очень умно, сэр, если позволите сказать,» сказал Белтайн, следуя за Гаунтом по казарме.

«Что именно, Бел?»

«Разделить спиртное вот так.»

Гаунт кивнул. «Далину нужна будет ясная голова утром. Что-то неправильно?»

Белтайн улыбнулся и покачал головой. «Ничего такого прямо сейчас, сэр.»

«Тогда свободен, Бел. Спасибо.»

Гаунт дошел до медицинских палаток. Дорден, уважаемый старший медик, стоял в дверях главной операционной.

«Ты не выглядишь счастливым,» сказал Гаунт.

«Мы все еще не знаем, куда летим?» спросил Дорден. Гаунт покачал головой.

«Тогда пошли, взглянешь на это.»

Дорден повел его в помещение для грузов, который был заставлен коробочками от Муниторума.

«Только что прибыли,» сказал он. «Приказ распространить их по полку, двойная доза.»

Гаунт взял коробку и прочитал ярлык. «Противолихорадочное лекарство?» Дорден кивнул. «Что-то тебе напоминает?»

«Я созову совещание,» сказал он.

VII

Серафина. Буквы были вырезаны на тяжелой железной конструкции вентиляционного канала, и еще раз рядом, и еще раз. Эзра ап Нихт пробежался пальцами по буквам. *Серафина*. Это было, понял он, название большого корабля, на котором они плыли. Он нес свое название повсюду на металлической конструкции, как будто в напоминание, что он настолько большой, что человек мог забыть, где он находился, и нуждался в напоминании.

Эзра бывал раньше на большом корабле, но не настолько большим, как этот. Он был настолько огромным, что был миром внутри мира. Гаунт сказал Эзре, что корабль был «перевозчиком», транспортным пораблем. Несколько дюжин полков перевозились в его внутренностях, больше людей, чем он когда-либо видел за всю свою жизнь до того, как покинул Антилл.

Не было никакого ощущения, что они движутся. Никакого парящего ощущения полета. Только глухая вибрация на палубе, гармоничный звук в тяжелом железе каналов, стен и обшивки.

Он снова прикоснулся к слову, двигаясь по буквам слева направо, как Гаунт учил его. Его губы задвигались.

«С... сера... сераф... фина...»

Он услышал шум и остановился, резко отдернув руку. Он пытался овладеть чуждым языком, но это было тяжело, и ему не нравилось, когда люди видели, как тяжело это ему дается.

Он был Нихтгейнцем, Лунатиком, лучником Антилла. Людям не стоило видеть его слабости.

Уже было достаточно плохо, что они видели его без воуда.

По проходу приближался Ладд. С Ладдом все было нормально, потому что Гаунт доверял Ладду, и Ладд с Эзрой сражались вместе в лживом городе.

Нахум Ладд увидел, что Эзра Ночь ждет его, когда подошел. Личные покои Гаунта находились в конце Казарменного Зала 22, с доступом через узкий проход, окруженным системой каналов и труб. Эзра решил охранять этот узкий проход, как дух воина, охраняющий тайное ущелье в каком-нибудь древнем мифе. За месяцы после их первой встречи, Ладд начал расслабляться около возвышающегося партизана, хотя его первое впечатление, что Эзра собирается убить его особенно тихим и эффективным способом, никогда не покидало его. Когда он встретил его в первый раз, Эзра был зловещим гигантом с дредами и раскрашенной кожей. Гаунт отмыл его, немного уменьшив дикий облик. Воуд исчез, как и косматые грива и борода, и мозаика вокруг глаз, но Эзра, все же, выделялся. Ненормально высокий, тощий, он носил черную одежду Гвардии, тяжелые ботинки со шнурками и камуфляжный плащ. Его череп был побрит, и имел благородную форму. Его кожа была цвета серого оружейного металла. Его глаза были скрыты за старыми потрепанными солнечными очками, которые когда-то дал ему Варл.

Все об Эзре Нихте, на самом деле, было скрыто. Скрываться – именно это делали Нихтгейнцы. Они скрывались сами и скрывали свои мысли, свои эмоции, свои надежды и свои страхи. Ладд знал Эзру, но он совершенно не *знал* его. Он сомневался, что вообще кто-то знал. Даже Гаунт.

«Хистью, соуле Эзра,» сказал Ладд. С небольшим обучением от Гаунта, Ладд практиковался в Нихтгейнском языке, всего лишь несколько фраз. Ладду казалось нечестным, что только Гаунт может разговаривать с ним.

Эзра кивнул, слегка развеселенный. Акцент Ладда был ужасен. Гласные были слишком короткими. Ладд почти произнес *хистьюх*, слово, обозначающее отруби для свиньи, вместо *хистью*, приветствия.

«Хистью, соуле Ладд,» ответил Эзра.

Ладд ухмыльнулся. Это было почти приличным разговором по стандартам Эзры ап Нихта. Очень длинные гласные в акценте Эзры забавляли Ладда, в особенности то, как он произносил его имя, звучало как «Льюд» (Lewd – развратный).

«Мы собираемся на совещание,» сказал Ладд. «Этим путем пройдут еще люди.» *И я бы предпочел, чтобы ты их не убивал*, было невысказанным концом предложения.

Эзра считал себя собственностью Гаунта, и только по этой единственной причине следовал за полковником-комиссаром на всем пути от Антилла Гереона. Как Ладд понял, Эзра не расценивал себя в качестве раба.

Гаунт владел им, как кто-нибудь владеет хорошим мечом или отличной винтовкой. Как часть этих взаимоотношений, Эзра защищал Гаунта и его жилище с тем, что адъютант Гаунта Белтайн описал как «материнская ярость». Несколькими днями ранее, Белладонский сержант спешил по проходу, чтобы доставить Гаунту пакет с приказами, а Эзра накинулся на него из тени, предполагая в нем, возможно, убийцу. Потребовалось время до того, как Эзра достаточно убедился в невиновности человека, чтобы отпустить его горло, и гораздо дольше до того, как сержант стал нормально дышать.

Эзра снова кивнул. Он понял. Ладд предупреждал его, любезно, что идут другие, давая ему время исчезнуть. Он не любил компании.

У начала прохода послышались голоса. Ладд бросил взгляд назад. «Это остальные,» начал он, «так что мы--»

Он снова повернулся. Эзра ап Нихт испарился, словно его тут никогда и не было.

Ладд вздохнул, покачал головой, и пошел дальше.

Шли остальные. Из тени труб, Лунатик наблюдал за ними, его рейнбоу был заряжен и нацелен. Первый – Майор Роун, идущий с Дорденом, старым хирургом. Эзра не знал Дордена хорошо, но он относился к нему с теплотой. Нихтгейнцы уважали старших их племени, и Эзра выказывал такое же почтение к старейшинам клана Призраков. Роун был другим. Из иномирцев, которые пришли в Антилл, Роун был одним из самых яростных воинов, и только за это он заслужил уважение Эзры. Гаунт тоже ценил Роуна, и это тоже многое значило.

Кроме того у Роуна было качество. Злоба. У народа Эзры было слово – *срахке* – которое они использовали для людей, таких как Роун. Буквально, оно означало остроту лезвия недавно заточенного кинжала.

Следующими прошли Майор Колеа и Майор Баскевиль, и Белтайн, адъютант. Они весело разговаривали. Колеа, Вергхастец, был большим человеком, физически

впечатляющим, с духом надежности и решительности вокруг него, таким же сильным и тяжелым, как глыба оуслита. Но вес его личности смешивался с хорошим юмором. Баскевиль был Белладонцем, хорошо сложенным, компактным человеком, в котором, как и у Колеа, соединялись твердая надежность с живительной меткой доверия. Белтайн, Танитец, был маленьким и сияющим, и таким слабосложенным, что казалось, что солдатская служба совершенно для него не подходит.

Но Эзра видел, как Белтайн сражается, и видел, как он выжил в Антилле. Наряду с Гаунтом и Ладдом, Белтайн был одним из тех немногих Призраков, которых Эзра мог считать друзьями. Хотя, на языке Нихтгейна, слова для «друг» означали просто «кого-то, кого Я могу считать заслуживающим доверия партнером по охоте».

Белладон, Вергхаст, Танит... с этого момента вещи для Эзры становились сложными. Гаунт объяснял это много раз, но это все равно все еще казалось необычным. Сражающимся кланом был Танитский, Танитский Первый и Единственный. В какой-то момент их истории, после, как сказали Эзре, огромной битвы, Танитский согласился принять людей из другого клана в свои ряды. Это были Вергхастцы, и некоторыми из них были женщины. Два клана стали одним. Такое, по опыту Эзры, никогда не случалось среди племен Антилла. Пока болезни или голод не опустошали одно племя, и были нужны партнеры для размножения.

Затем наступил черед лживого города. Эзра был там и видел все, сопровождая Гаунта на войну. Во время экспедиции Гаунта на Гереон, его сражающийся клан был отдан другому лидеру, и был привязан к третьему клану, который назывался Белладонский. После возвращения Гаунта, и гибели в войне другого лидера, все три клана объединились под началом Гаунта и взяли название Танитский Первый и Единственный.

Это, насколько Гаунт и остальные, казалось, думали, было хорошо.

Эзра не был уверен. В Антилле, кланы редко успешно объединялись. Для начала, был запах. Ни один клан не пах одинаково. Как они могут объединиться, когда их тела дают такой различный запах?

С закрытыми глазами, Эзра легко мог их различить. Смола Танита, рудная пыль Вергхаста, твердая сталь Белладона. С открытыми глазами все становилось еще

более очевидным. Танитцы были худыми и жесткими, с бледной кожей, с темными волосами. Вергхастцы были более мощными, плосколицыми и белокурыми. Белладонцы были между ними по строению, с темной кожей и более мягким голосом.

Эзра не понимал, как такое слияние сражающихся кланов может работать. Даже при том обстоятельстве, что они могли. В лживом городе, они сражались до победы вместе из-за чрезвычайных обстоятельств. Подлинная связь еще должна быть доказана, и это испытание произойдет, куда бы они ни отправились, куда бы огромный корабль не отвез их.

В мозгу Эзры еще более усложняло ситуацию то, что Гаунт не был Танитцем, Вергхастцем или Белладонцем.

Он был другим, с запахом хорошей, промасленной кожи. Так же другими были Ладд (пепел и кремь), и Харк (костная мука и химикаты). И, так же, старик Цвейл, хотя, как это понимал Эзра, клан держал Цвейла поблизости, чтобы их мог развлечь скачущий псих. Вожди Антиллы часто оставляли дурачкам жизнь именно по этой причине. Названиями для них были *жестир* или *фуле*.

Гаунт, Ладд, Харк. Они были Танитцами, но не Танитцами. Это озадачивало. Сражающийся клан, уже перемешанный кровью и запахом, позволил вести себя людьми из кланов из других мест.

Эзра решил, что никогда этого не поймет, даже если доживет до сорока лет.

Колеа, Белтайн и Баскевиль прошли по проходу в жилище Гаунта. Через мгновение сам Гаунт прошел мимо, один, шагая целенаправленно.

Эзра опустил свой рейнбоу. Затем он быстро поднял его снова, когда последняя фигура прошла мимо.

Мколл. Начальник разведчиков. Начальник охотников. Танитец, настолько Танитец, что его Танитский запах был сильнее, чем у кого-либо, хотя Эзра сомневался, что кто-нибудь сможет выследить след человека.

Внезапно Мколл остановился, на полпути по проходу, повернулся и посмотрел прямо в тени, в то место, где скрывался Эзра. Он улыбнулся.

«Все в порядке, Эзра?» спросил он.

Эзра замер, затем кивнул.

«Хорошо,» оскалился Мколл. «Продолжай.» Он ушел в жилище командира.

Для таких людей, как Мколл, у Нихтгейнцев тоже было слово. Это было *сидзе*. Оно означало – призрак.

Комната была весьма маленькой, всего лишь стальной коробкой, со столом в центре. Белтайну пришлось, за несколько дней после погрузки на транспортник, выпросить, позаимствовать или украсть несколько стульев, чтобы превратить место в некоторое подобие комнаты для совещаний. Церковные скамьи с драной обивкой, несколько табуреток, пара кресел с высокой спинкой, оба из которых так свободно болтались на ножке, что трещали и раскачивались.

«Всем привет,» сказал Гаунт, снимая плащ. «Садитесь.» Офицеры полка стояли из вежливости. Теперь они заняли свои места.

Колеа с Роуном расположились на одной скамье, Дорден и Харк на другой. Баскевиль рванул на одно из трещащих кресел, а Мколл расположился на его близнеце. Белтайн уселся на табурет. Ладд занял угол комнаты и остался стоять.

Комната была темной, освещаемой только светом снаружи, пробивающимся сквозь дверь и высокими оконными прорезями.

Гаунт кивнул Ладду, и младший комиссар зажег потолочные лампы.

Подняв плащ за петлю на воротнике, Гаунт отряхнул его, пока нес к ряду крючков на стене.

«Давайте начнем с основного. Есть, о чем доложить?»

«Люди хорошо расположились, сэр,» сказал Колеа. «Хорошая дисциплина.»

«Гол прав,» сказал Баскевиль. «Никаких безрассудных поступков. Все гладко.» Он наклонился вперед, когда говорил, и его хилое кресло произвело скрежет дерева.

«Эли?» спросил через плечо Гаунт, вешая свой плащ.

Элим Роун был вторым офицером полка, главным человеком в Танитско-Вергхастско-Белладонской пирамиде командования, сформированной лично собой, Колеа и Баскевилем.

Он продолжил сидеть со сложенными руками, и пожал плечами. «У меня нет причин опровергать эти утверждения. Танитцы всегда отлично себя вели во время переездок. По моему опыту, Вергхастцы тоже. За Белладонцев говорить не могу.»

Это был подкол. Гаунт резко обернулся.

«Эли...»

Баскевиль фыркнул и откинулся назад. Еще один неприятный скрип раздался от его кресла. Он сказал, «Майор Роун и я достигаем понимания. Он провоцирует меня и моих людей, сэр, а я позволяю его насмешкам стекать с меня, как дождь. Приедем на место, и Белладонцы согласятся позволить Роуну натереть их медали.» Гаунт захихикал. «При условии, что он мило попросит?» осведомился он.

«Естественно,» сказал Баскевиль. Его кресло снова жалобно застонало.

«Кажется я вспоминаю,» сказал Гаунт, «что просил тебя усердно поработать, чтобы ввести Белладонцев в нашу компанию, Эли.»

«Я усердно работаю,» сказал Роун. «Ты должен был видеть, когда я становлюсь ублюдком.»

«Мы все видели *это*,» усмехнулся Мколл. Когда он двигался, по каким-то причинам его кресло, такое же хилое, как и у Баскевиля, не производило совершенно никаких звуков.

«Есть одна вещь, сэр--» начал Ладд.

«Не сейчас,» предупредил Харк.

Ладд замолчал и поджал губы.

«У меня есть время,» сказал Гаунт. «Давайте послушаем.»

Ладд прочистил горло и сделал шаг вперед, вынимая лист бумаги из кармана.

«Был случай, недавно, сэр. На душных палубах... так они называются?» Он отдал бумагу Гаунту. Гаунт быстро прочитал.

«Меррт?»

«Я разобрался с этим,» сказал Харк.

«Ты разобрался с этим?»

«Да, Ибрам. Старая тема.»

Гаунт кивнул. Он отдал бумагу назад Ладду. «Это досадно. Такой человек, как он. Есть причины?»

Глаза Харка были прикрыты больше, чем обычно. «Он – сломанный человек. Как и был после Монтaksa. Такие люди слетают с катушек.»

«Ты поместил его под арест?»

«Да,» сказал Харк. «На весь переезд. На все шесть недель. Я полагаю, это все еще шестинедельное путешествие?»

«Насколько я знаю,» сказал Гаунт.

«Не хочу злорадствовать,» пробормотал Гол Колеа, «но просто очень хотя помочь Баскевилю... могу я просто сказать, ха-ха, это Танитец переступил черту?»

«Можешь,» сказал Гаунт.

Баскевиль улыбнулся так широко, что его кресло крякнуло.

«Смешно,» сказал Роун. «Вы Вергхастцы такие же смешные, как Белладонцы, а они, позволь тебе сказать, смешные.»

Колеа посмотрел на человека на скамье рядом с собой. «Ты меня убил, Эли. Ты и твой чувство юмора. Ты меня убил.»

«Ой, темной ночью и при благоприятной возможности,» ответил Роун.

Прозвучал дружный смех. Улыбаясь, Гаунт залез в карман висящего плаща и вытащил коробочку с печатью Медицинского Департамента.

Он положил ее в центре стола, чтобы все могли ее видеть.

«Вот причина, по которой я созвал собрание.»

Роун, Харк и Колеа наклонились вперед, чтобы осмотреть коробочку. Так же, как и Баскевиль, с протестующим визгом от его кресла. Мколл кивнул.

«Противолихорадочные?» просил он.

«Противолихорадочные,» ответил Гаунт. «Ингибиторы.»

«Двойная доза,» сказал Дорден. «Это были мои инструкции. Двойные дозы для всех, с данного момента.»

«Мы получаем уколы от лихорадки перед каждой высадкой на планету,» сказал Баскевиль, повернув голову к Гаунту с еще одним скрипом от кресла.

«Да,» согласился Гаунт.

«Но не двойную дозу, и не сразу,» сказал Дорден.

«Прямо как перед Гереоном,» сказал Мколл, наклоняясь вперед и взяв коробочку для осмотра. Его кресло не произвело ни единого звука.

«Гереон?» спросил Баскевиль. «В этом есть смысл?»

«Это всплыло у тебя в голове?» спросил Роун.

«Да, в этом есть смысл,» сказал Гаунт. «Когда я повел команду на Гереон, это была всецело вражеская территория. Они нашпиговали нас хорошо, двойными дозами. Они понимали, что нам нужно выживать так долго, как только возможно, на мире, богатом заразой Хаоса. Теперь, представим, что обычный пехотинец получает укол в руку или зад каждые несколько недель во время транзита, и не спрашивает зачем. Я знаю лучше. Я спрашиваю.»

«Думаешь?» начал Колеа.

«Всегда,» улыбнулся Гаунт. «Я думаю, что это означает, что нас переправляют для попытки освобождения. Нас собираются высадиться на удерживаемый Хаосом мир.

Высшее Командование все еще не подтвердило пункт назначения, но я верю, что начальство собирается бросить нас на трудную цель.»

«Я думал, что политика такая, чтобы игнорировать миры, которые слишком тяжело отбить?» сказал Мколл.

«Полагаю, что политика изменилась,» сказал Гаунт. «Я думаю, что они хотят, чтобы мы отбили миры, которые не можем проигнорировать.»

Мколл откинулся назад и выпустил долгий, печальный свист. Его кресло не произвело совершенно никакого звука.

«И что, на самом деле, это означает?» спросил Колеа.

«Это означает подготовку с двойными усилиями,» сказал Гаунт. «Это означает плотную тренировку, круглосуточно. Это означает, если мы сможем, подсказать другим полкам начать то же самое.»

«Я могу это сделать,» сказал Харк. «Я знаю комиссаров у Колстековцев и Бинарцев. Мы сможем передать.»

«Ты понимаешь значение слова 'хитрый', Виктор?» спросил Гаунт.

«Это мое второе имя,» улыбнулся Харк. «Виктор чертов хитрый Харк.»

«Держи это в голове,» ответил Гаунт. «Я не хочу, чтобы меня обвинили в разжигании паники. Есть кое-что еще.»

Он посмотрел на своего адъютанта. «Бел? Согласно коррекции курса, сколько удерживаемых врагом миров в, примерно, шести неделях от Анкреон Секстуса в этом направлении.»

«Два, сэр,» ответил Белтайн.

«Названия?»

«Лодиус, сэр. И Гереон.»

Гаунт посмотрел на старший офицерский состав. «Я очень хочу, джентльмены, чтобы мы возвратились на Гереон. Ради освобождения, о котором они никогда не думали, что мы можем принести.»

«Гереон сопротивляется,» пробормотал Роун.

«Будем надеяться,» сказал Гаунт. «Ладно, на этом все. Идите и будьте готовы. Что-то еще?»

«У меня вопрос,» сказал Баскевиль. «Когда я двигаюсь, мое кресло трещит, но когда Мколл делает это, звука нет. Что это за чертовщина?»

«Тренировка разведчика,» тихо рассмеялся Мколл, поднимаясь и похлопывая Баскевиля по руке.

Собрание разошлось.

«Я слышал, что твой сын начал тренировки,» сказал Дорден Колеа.

«Что? Да, Да, начал.»

«Это хорошо. Он хорошо справится, я думаю.»

«Надеюсь, что так.»

«Отец и сын снова в строю,» задумался Дорден. «Это великолепно. Как новое начало.»

«Я не настолько его отец, док,» сказал Колеа. «Его кровный отец, да. Но есть Кафф. Можно сказать, два отца и один сын.»

Дорден кивнул.

«Черт!» внезапно сказал Колеа. «Гак, это было грубо с моей стороны. Простите, док.»

«За что?» спросил Дорден.

Когда-то в рядах Танитцев были отец и сын. Дорден и его сын Микал. Микал погиб во время обороны Улья Вервун.

«Я не подумал...» начал Колеа.

Дорден покачал головой. «Мой сын умер на Вергхасте. По стечению обстоятельств, тогда твой сын присоединился к нам. Теперь он учится быть Призраком. Сын потерянный и сын обретенный. Один отец лишен, один... прости, *два* отца горды. Я думаю, в этом есть какая-то завершенность, не так ли, Гол? Определенная симметрия?»

«Надеюсь, что так,» сказал Колеа.

«Только одно,» добавил Дорден. «Гол, во имя Императора, присматривай за ним.» Старшие офицеры разошлись. Гаунт сел за стол на одно из ужасно трещащих кресел, просматривая бумаги. Белтайн принес ему чашку кофеина.

«Что-нибудь еще, сэр?» спросил Белтайн.

«Нет, это все, Бел. Спасибо.»

Белтайн ушел. Гаунт просматривал бумаги.

«Герюн?» спросил голос.

Гаунт оторвался от своей работы. Эзра стоял в дверях.

«Этоо...» медленно произнес он, коверкая слова. «Этоо праавда, соуле?»

«Что мы направляемся на Гереон?» ответил Гаунт. «Я не уверен, Нихт. Но я думаю так. Ты слушал? Конечно, слушал.»

«Герюн, итте персист лонге, фоеереффер,» сказал Эзра.

«Да,» сказал Гаунт. «В это я всегда верил.»

VIII

Еще один дневной цикл, еще одна изнурительная работа, еще один шаг по Дороге Славы, еще одна муштра в ПВН. Восемь дней с начала ПВН, и что-то новое этим утром.

«Новое тело,» сказал инструктор Кекси. «Новое тело. И как тебя, страшный, зовут, не так как дерьмо-на-моем-ботинке?»

«Меррт.»

Кекси осмотрел вновь прибывшего с ног до головы и начал долгий и ритуальный процесс, опуская его перед подразделением. Ничто не было запрещено. Кекси потратил очень много времени, сравнивая лицо Меррта со множеством вещей, уборной ямой, кишками грокса, и тому подобное.

Далин пытался не смотреть или слушать. Он уставился на точку, далеко на противоположной стене Подвала, и ждал начала упражнений.

«Эй, Святой! Один из твоих, так ведь?» прошептал Форбокс.

«Что?»

«Танитец?»

«Ага.»

«Он здесь за 'Н'?» закинул удочку Форбокс. «Что он сделал?»

«Я не в курсе.»

«Я имею в виду, что он со своим лицом сделал?»

«Ранение,» прошептал Далин. Он знал не много о Меррте. Меррт был одиночкой и особо не контактировал. Насколько Далин мог вспомнить, лицо Меррта всегда выглядело, как люк трюма.

«Кто-то тявкнул?» спросил Кекси, внезапно отворачиваясь от Меррта к остальному подразделению.

«Кто-то в строю тявкнул?» Он навел Сару на них и провел вдоль шеренги, как будто дубинка могла учуять преступление, как сторожевая собака.

«Какой-то поносный скальп разминает свои губы, эх?» поинтересовался Кекси. Умудренные трюками инструктора за последние восемь дней в ПВН, никто не ошибся, сказав «Нет, инструктор».

«Тогда, начнем,» провозгласил Кекси, поглаживая Сару так, как будто это предполагало, что дубинка разочарована, что не надавала затрещин. «Пять кругов, три раза! Шевелитесь!» Тремя днями позже Кекси собрал подразделение на стрелковой палубе, переделанном трюме в середине корабля. Это было очень большое место, и, по сравнению с ним, Подвал казался ящиком. Они вошли туда по решетчатым мосткам, когда предыдущая толпа повалила оттуда по нижним подходам: река бритых скальпов и смеха внизу. Офицеры в тире, в защитных плащах и с наушниками, раздали им винтовки, которые были промаркированы большими, белыми номерами.

Слева, аттестованный боевой отряд проводил учения по разминированию в стрелковой зоне, которое изображало улицы и здания при помощи грузовых ящиков и поддонов. Отряд поддерживал боевую готовность, обозначая, что тянущиеся дни долгого пути не сделали их вялыми и унылыми. ПВН мог слышать их разносящиеся туда-сюда крики, крики и ответы угол за углом, оружейные выстрелы.

Кекси кричал то и се. ПВН собралось рядом, пытаясь выглядеть полезными, проверяя свое оружие, пока офицеры вели их к стрельбищу в группах по сорок. У линии, в неряшливых укрытиях, сделанных их досок и брезента, каждому раздали по настоящей обойме, и они начали стрелять по бумажным целям в дальнем конце песочницы.

Воздух стал густым от выделений тепла и трещащих звуков множественных разрядов. Это был звук, как будто зажигался огонь, как будто сотни веток ломались одновременно, неровный, резкий треск, который прокатывался по линии стрелков туда-сюда.

Зазвучал звонок. Стрелки сдали свои обоймы и отступили, дав место следующей группе.

Так чередования шли всю смену.

Далин взял оружие, которое ему дали, с большим уважением. Он раньше стрелял много раз. Тебе не вырасти среди Призраков, чтобы не отличить один конец лазгана от другого. Но он в ПВН был не за наказание или переподготовку, и его не выбрасывали из рядов. Ему никогда официально не давали оружие.

Ему его выдали до полудня, и Далин был этому весьма рад. Это был старый, обшарпанный марк I, с шелущащейся и отслаивающейся краской, сломанным креплением для штыка, и складным прикладом, который принадлежал другому оружию в прошлой жизни. Офицеры держали склад такого оружия для тренировок: металлолом или останки с полей сражения, которые Муниторум посчитал непригодными для использования на службе.

Он подошел к линии, когда наступила его очередь, и вставил ячейку, которую ему выдал инструктор.

Лазган произвел звук, похожий на треск камыша, и резко дернулся влево. Он поправил. Ближайший офицер ходил вдоль ряда, выкрикивая каждому советы, но Далин не обратил на него внимания и прислушался к своему собственному внутреннему голосу. Каффран, учащий его стрелять, учащий его основам стрелковой подготовки в лагере на Айэкс Кардинале, или на обсиде Херодора, или среди кивающих анемонов на Анкреон Секстусе.

Зазвучал звонок. Далин вынул ячейку, отдал ее офицеру и отошел к месту сбора. Позади него зазвучали новые выстрелы, похожие на тра-та-та-та барабанов полка.

«Любой,» кричал Кекси, быстро ходя сквозь отряд, «любой, кто наберет меньше тридцать, получит три дня упражнений в наказание.»

Прозвучало несколько стонов.

«Кому-нибудь есть что сказать? Эх, отправьте мне это в письменной форме, через Сару.» Далин отошел в сторону. Сейчас у него было некоторое время между стрельбой, и он решил почистить свое оружие. Оно было покрыто грязью и старой

смазкой, и от этого спусковой крючок туго нажимался. Он старался очистить его, чтобы ходило легко.

«Что ты делаешь, Святой?» спросил Глыба, с удивлением глядя на усилия Далина.

Глыба и Красотка, и несколько других, использовали передышку между стрельбой, чтобы усесться задницами на пол и разговаривать.

«Улучшаю свой счет,» ответил Далин.

«Когда получится, сделай мне одолжение,» сказала Красотка. «Выстрели Кекси в мозг.»

«Зачем ждать?» спросил Глыба. «Почему не сделать это прямо сейчас?»

«Потому что,» сказала Красотка, «мозг инструктора настолько чертовски мал, что нужно быть снайпером, чтобы попасть в него.»

Далин отметил, что Меррт был в их группе. Меррт был единственным скальпом, кроме Далина, что обслуживал свое оружие. Старый солдат подстраивал мушку и прицел, поднимая оружие к плечу после каждой подстройки.

Он ни с кем не говорил, и никто не говорил с ним.

Далин вспомнил, теперь, когда подумал об этом, что когда-то Меррт был снайпером. Специалистом.

У него не должно возникнуть проблем с этим упражнением, подумал Далин.

В конце упражнений, Кекси вытащил их со стрельбища и выстраивал в проходе, пока выкрикивал счет с планшета, который дал ему один из офицеров. Все были напряжены перед тем, как услышать свое имя вместе с магической тридцаткой или выше. Тридцать было боевым стандартом, приемлимым средним уровнем, который должен был показать человек, если хотел быть в Гвардии, как и требования к весу, росту и зрению.

Или из-за отсутствия усилий, или из-за некомпетентности, пятнадцать членов ПВН набрали меньше, включая Глыбу. Даже он не смог выдать «хо-хо-хо» на это.

Большинство из остальных показали счет между тридцатью и тридцатью пятью, а пять процентов выбили пятьдесят и выше. Меррт набрал сорок восемь. Когда Кекси зачитал это, казалось, что Меррт вздрогнул, и проскрежетал какое-то едкое слово.

Кекси уставился на Меррта, сузив глаза, задумавшись, было ли какое-то сочное нарушение, на которое можно наброситься.

«Ты говоришь, скальп?»

«Нет, инструктор.»

Кекси разглядывал его еще какое-то время, а затем вернулся к зачитыванию списка. Он дошел до Далина. Далин набрал шестьдесят шесть, на двенадцать очков больше, чем самый лучший из остальных. Прозвучало несколько ликований и свистов, когда Кекси зачитал счет, но они резко затихли. Кекси пошел к Далину – используя эту легкую походку, с плечами назад и перекачиванием бедер – и уставился ему в лицо.

«Еще ни одно тело не набирало такой счет.»

Далин не знал, что сказать, так что он ничего не сказал и продолжил смотреть прямо перед собой.

«Я сказал, это хрень. Ты меня слышишь, понос? Что ты сделал? Подкупил офицера? Перевел пару цифр?»

«Нет, инструктор.»

«Нет?»

«Нет, инструктор.»

«Тогда как ты это объяснишь, эх?»

Далин хотел сказать, что стрелял раньше, что у него есть опыт, но то же самое могли сказать и остальные из «П» и «Н» в подразделении. Он хотел сказать, что его хорошо учили, и что его учителя были самыми лучшими.

Он хотел сказать, что это, возможно, меньше связано с навыком меткой стрельбы и больше связано с простым обучением оружию, и что большинство из них смогли бы

набрать больше пятидесяти, если бы, всего лишь, потратили время на проверку и настройку, и *прислушались* к своим винтовкам.

Но все, что он смог сказать, это «Удача, инструктор?»

«Нет такой вещи, как удача,» сказал Кекси. «Позволь мне доказать это высказывание.» Кекси ударил Сару по коленям Далина, а затем обрушил тупой конец дубинки на поясницу Далина, когда тот согнулся. Оскалившись, Кекси замахнулся дубинкой по ребрам мальчика, получив в ответ несколько громких, глухих звуков от предплечья Далина, когда оно поднялось для защиты.

Кекси отступил назад, пнув в живот Далина левой ногой. Далин хрипел и извивался.

«Видите?» злорадствовал Кекси, громко и смеясь. «Он набрал наивысший счет, но он совершенно не выглядит чертовски удачливым, так ведь?»

Никто не ответил.

«Так ведь?»

Прозвучал приглушенный ответ. Раздраженный, Кекси снова посмотрел на Далина и снова пнул.

«Это не правильно.»

Кекси замер и развернулся. Меррт, держа руки в бока, вышел из строя к инструктору.

«Ты что сказал?»

«Это... гн... гн... не правильно,» повторил Меррт, его неуклюжая челюсть давала осечки пару раз между словами.

«Что?» в голосе Кекси был высокий, почти капризный тон неверия. Он вытянул шею вперед и приложил руку к уху. «Черт возьми, *что?*»

«Ты слишком счастлив с этой палкой,» прямо сказал Меррт. «Ты раздаешь удары, когда кому-то нужно наказание, так это работает, но он этого не заслужил. Что за дурак наказывает кого-то за то, что тот гн... гн... делает правильно.»

«Дурак, который отвечает за твою чертову жизнь,» заявил Кекси, и пошел к Меррту. Все остальные отпрянули назад. Они знали этот сумашедший взгляд.

«Может быть, но я, тем не менее, говорю, что правильно,» сказал Меррт. Он раскинул руки, раскрыл ладони, и задрал голову, так что теперь смотрел на потолок. «Давай, ударь меня. Я говорил вне очереди, со мной нужно что-то сделать, но не с ним.» Кекси подошел вплотную и слегка опустил свою дубинку. Никто и никогда не привлекал внимание Сару. Это, так же, лишало всего удовольствия.

Кекси позволил ухмылке появиться на его лице, как медленный разрез ножом. Это собиралось стать интересным.

IX

Во время транзита казарменные часовни на палубах проводили свои религиозные службы согласно времени на корабле. Главное богослужение проводилось сразу после полуденного вахтенного звонка.

На корабле полуденное время было осью, вокруг которого крутилось все время. Приказом было, чтобы все часы были синхронизированы с вахтенным звонком.

«Служба после звонка» длилась, примерно, сорок минут. От Гвардейца ожидалось, что он будет присутствовать, по меньшей мере, на нем, если позволяли служебные обязанности. Призраки использовали Барабанную Часовню, неподалеку от кормовой части, в грузовом отсеке среднего размера, который был переоборудован и освящен. Место было холодным и скромным, грубо обшитым деревом и брезентом. Служение велось префектами и священниками Экклезиархии, которые пользовались дешевым ладаном, который пах затхлостью и пылью. Здесь не было пышности и регалий гражданской церемонии, не было богатства и пьянящего парфюма толпы улья. Тощие священники в обветшалых робах увещевали паству поддерживать честь и традиции Гвардии, славу Империиума и дух Человека.

Харк слушал, не слыша ничего из того, что говорили. Со своего места в конце, он осматривал ряды коленопреклоненных фигур, отмечая лица. Не удивительно, что явка была постоянно низкой. Служение было скучным.

Прошное Харк было привилегированным, и он помнил события в храме, в городах, где он вырос. Слава и роскошь: экклезиархи в пышных шелках, несомые к кафедре шагающими платформами на золотых ногах, хоры, возносящие гимны к высоким стропилам соборов, свет, льющийся белым сквозь колоссальные окна позади алтаря.

Он встретился с Ладдом снаружи, когда паства разошлась. У Ладда был блокнот.

«Много?» спросил Харк.

«В основном несколько тех же самых,» ответил Ладд. Он показал Харку блокнот, переворачивая страницы и указывая на несколько имен. «Постоянные отсутствующие.»

Харк прочитал и кивнул. «Мы найдем главных неверующих днем, Ладд. Сделаем им строгий выговор.»

Харк огляделся и осмотрел уменьшающуюся толпу. «Его здесь не было, так ведь?»

«Нет, сэр.»

«Пример для подражания. Напирает на нас, чтобы мы повысили посещаемость, а сам не является. Я не упустил его, так ведь?»

Ладд покачал головой. «Уже третий день подряд. Если бы он... я имею в виду, если бы он был кем-то другим, напротив его имени уже была бы красная галочка.»

«Думаю, я должен объяснить это ему,» сказал Харк. «Продолжай, Ладд.» Харк прошел по покрытому ржавчиной и залитому водой полукилометровому проходу, назад к полковой канцелярии, группе комнат и кают в середине корабля. Большинство сотрудников были официальными лицами от Муниторума, или офицерами из батальонов поддержки и командирами рот. Комиссариат тоже присутствовал.

В нескольких больших комнатах, расположившиеся за столами при тусклом свете комиссары и кадровые офицеры сдавали письменные экзамены по теории боя, тактике и дисциплине, или занимались симуляционными тестами вокруг столов со схемами.

Он увидел и узнал лица вокруг одного стола. Бан Даур, Колосим и Обел работали над тактической проблемой с тремя Колстекскими офицерами. Они все выпрямились, когда он подошел. Он бросил взгляд на светящуюся гололитическую проекцию, которая висела над консолью между ними.

«Штурм?» спросил он.

«Принципы и применение пограничного прикрытия,» ответил Даур.

«Средний уровень, урок три,» ехидно добавил Колосим.

Харк тихо рассмеялся и кивнул. Симуляция, которая им противостояла, была сложной и требовательной.

«Чувствительность ко времени?»

«Реальное время,» ответил Даур.

«Тогда не хочу больше отвлекать вас. Вы видели полковника?» Даур проверил свой наручный хронометр. «Разве он не должен возвращаться со службы?» Харк покачал головой.

«Я видел его, примерно, час назад в 22,» сказал Обел. «Я не знаю, куда он шел, но меч был при нем.»

«Спасибо,» сказал Харк. «Удачи с этим.»

Харк нашел Гаунта десятью минутами позже в одной из индивидуальных тренировочных комнат. Гаунт подписался на доске снаружи комнаты, и добавил «НЕ БЕСПОКОИТЬ».

Харк все равно вошел внутрь. Сразу за дверью были стойки с тренировочным оружием и несколько манекенов. За ними, тихими и бездействующими, была тренировочная клетка.

Гаунт был в основной части комнаты, занятый поединком с четырьмя тренировочными дронами: многоногими машинами с массой оружейных конечностей. Они окружили его, атакуя. Гаунт был раздет по пояс, сильно потая, пригибаясь и крутясь, атакуя своим силовым мечом. Каждый четкий удар, который он делал, по чувствительным к давлению накладкам на животах и головах дронов, отключал их на десять секунд. После каждого обратного отсчета, они возвращались к жизни и возобновляли свои атаки.

Четыре дрона. Четыре в одно и то же время. Харку это казалось чрезмерным. Он всегда восторгался навыками работы с клинком Гаунта, и понимал, что требовалось очень много практики, чтобы поддерживать такой навык ближнего боя отточенным. Но четыре...

Он посмотрел еще. Он заметил отметину на спине Гаунта, внизу, слева от позвоночника. Татуировка, или... ?

Харк с удивлением уставился. Отметина была кровью, кровь текла из глубокого пореза. Он осознал, на что смотрит.

У всех дронов были обнаженные клинки. Все вместе, четыре машины нападали на Гаунта шестнадцатью обоюдоострыми, полуметровыми клинками.

«Фес!» выдохнул Харк. «Отключить! Отключить!»

Гремящие машины продолжали кружиться и нападать. Все, что Харку удалось сделать, так это отвлечь Гаунта, который на мгновение бросил взгляд в сторону, а затем был вынужден сделать безумный защитный шаг назад, чтобы избежать режущей руки-лезвия.

Харк рванул вперед. «Отключить!» приказал он. «Вокс-контроль: отключить! Отрезать! Отключить энергию!» Почувствовав его движение, ближайший дрон отстал от Гаунта и направился к нему, заскользив металлическими ногами с тренировочного мата на металлическую палубу. Его руки-лезвия вращались и резали воздух.

«Фес!» снова произнес Харк, быстро пятясь назад. «Да что это за фес? Отключить!» Гаунт выругался. Он выдохнул, когда резко пригнулся и повернул свое тело под пролетающими лезвиями одного из дронов. Затем он поднялся и отбил оружие другого в сторону своим мечом. Он яростно ударил ногой и заставил дрона, спотыкаясь, отступить.

Третий был рядом с ним. Гаунт развернулся и резанул под его защитой, проведя силовым мечом сквозь торс и голову во вспышке искр. Края рассеченного металла ярко светились, пока головная секция падала в сторону.

Гаунт перепрыгнул через безжизненную машину.

Четвертый дрон был прямо перед Харком. Харк вытащил плазменный пистолет из-под плаща и поднял его, чтобы выстрелить.

Но Гаунт добрался до выключателя на дальней стене комнаты и стукнул по нему. Три оставшихся дрона затихли, со стонущим звуком отключения энергии.

Харк опустил пистолет, поставил на предохранитель и убрал его. Он посмотрел через комнату на Гаунта. Полковник-комиссар тяжело дышал. Он выключил силовой меч, когда потянулся за полотенцем, чтобы вытереть лицо и грудь.

«Опасное оружие и отключенное голосовое управление?» спросил Харк.

«Я верю в упорные тренировки.»

«У тренирующегося должен быть помощник и медик, если он планирует сделать тренировочных дронов способными к реальной травме. Существующий приказ--»

«57783-3. Я знаю о правиле.»

«И наказание?»

Гаунт бросил взгляд на Харка.

«Голосовое управление никогда не должно отключаться,» сказал Харк. «Ты мог погибнуть.»

«В этом и был смысл.»

«Какой у этой тренировки предполагался конец, Ибрам?»

«Когда с меня было бы достаточно, я бы отбился и ударил по выключателю по стене. Ты опередил события, Виктор. Чего тебе надо?»

«Мне надо, чтобы ты был жив и вел Призраков, когда мы прибудем в следующую зону,» ответил Харк.

«Я верю в упорные тренировки,» повторил Гаунт. «Я верю в то, что нужно испытывать себя.»

«Как и я,» сказал Харк. «Я был на стрельбище, провел несколько спаррингов и тренировок. А то, что ты делаешь, равносильно помешательству.»

Гаунт пожал плечами. Он отбросил влажное полотенце и потянулся к рубашке.

«Тогда будем надеяться, что тебе никогда не придется сражаться со мной, Виктор,» сказал он с волчьим оскалом. «Что тебе, на самом деле, надо?»

«Ты пропустил службу.»

«Разве?»

«Да. Это прискорбно, потому что мы стараемся подстегнуть симулянтов на посещение и, откровенно, ты не показываешь пример.»

Гаунт вытащил хронометр из кармана брюк и посмотрел на него. Он был старым, потрепанным, ремешок давным-давно был заменен на плетеный браслет.

«Согласно этому, до полуденного звонка осталось семнадцать минут.»

«Значит он отстает,» сказал Харк. «Примерно на сорок пять минут.»

«Он хорошо показывал время на Гереоне.»

«Сейчас он не совсем хорошо показывает время, Ибрам. Что? Ты улыбаешься.»

Гаунт надевал хронометр на запястье. «Я заводил его каждый день с самой погрузки. Пятнадцать дней транзита, а я не синхронизировал его с полуденным звонком.»

«Значит?»

«Дневные настройки, Виктор.»

Харк нахмурился. Стандартной практикой Гвардии было, во время долгих перелетов, настраивать длины дневного и ночного циклов на корабле, чтобы они совпадали с циклами на мире назначения, так чтобы за средние и долгие по времени перелеты солдаты могли привыкнуть к другому биологическому ритму. Это помогало с акклиматизацией. Изменения не происходили одним махом. Время сокращалось или добавлялось постепенно за несколько дней. Синхронизация на полдень держала всех в ногу.

«Значит, ты живешь по времени Анкреон Секстуса?»

Гаунт кивнул. «А время на корабле установлено на дневной цикл, который, примерно, на час короче.» Он пошел туда, где висел его плащ на ограждении тренировочной клетки и вытащил из кармана планшет. «Я просмотрел справочник сектора, чтобы проверить,» сказал он, когда включил планшет и пролистывал данные, «но я был, в любом случае, совершенно уверен. Это было знакомо.» Он показал Харку экран. Плотные расположенные данные показывали графики приливов

и сезонные таблицы восхода и заката, сгруппированные по географическим регионам, для нескольких миров в местной группе. Один был подсвечен.

«Гереон,» сказал Харк.

«Практически то подтверждение, которого мы хотели,» сказал Гаунт, выключая планшет и убирая его.

«Вот почему я отключил голосовое управление, Виктор. Мы возвращаемся, и я хотел напомнить себе, на что это было похоже.»

Х

Члены ПВН, которые провалили стрелковый этап, и сюда включили Далина и Меррта, нарезали круговые марши следующие три ночи.

Круговой марш включал в себя полное облачение, загруженные ранцы и тяжелый кусок бревна, имитирующий винтовку. Марш включал в себя обход корабля, из конца в конец и обратно, по наружным коридорам у корпуса корабля, двадцать раз. Кекси, который шел по маршруту, уверил ПВН, что это было эквивалентно пятидесяти километрам.

Кекси не совершил марш вместе с ними. Он прошел с ними маршрут, а затем пересек корабль по транзитным залам, пока они с трудом шли вокруг корабля, или пробирались по низким проходам над энжинериумом, и встретил их на обратном конце пути.

Был соблазн срезать углы маршрута, искушение, которое почти запланировал Глыба, но Кекси установил дюжину сервиторов на контрольных точках. Пропусти один из этих маркеров, не соизволь одному из них зарегистрировать твой жетон, когда ты проходишь мимо, и тебе придется провести кое-какое особенное время с Сару перед тем, как повторить марш.

Большая часть маршрута шла через мерзкие металлические проходы и длинные, неокрашенные, неотопленные туннели, где мало кто занимался делом. Они пробежали трусцой через ущелья позади тяжелых плит корпуса, позади клепаных щитов пыльной обшивки. Они бежали по открытым местам между покрытыми маслом полевыми генераторами, которые воняли озоном, и шлепали по покрытым ржавчиной отсекам, заполненным водой от конденсации. Они тяжело шли по пустым хранилищам, где грязные цепи свисали с потолка, невидимые в тени. Они с трудом пробирались по вонючим камерам с земельным хозяйством и домашним скотом и сквозь жаркую духоту гидропоники.

Они начинали в весьма хорошем настроении, намереваясь проделать марш и позволить Кекси отсосать. Глыба даже пытался упросить остальных шагать в ногу, чтобы сохранить темп.

Еще до того, как они закончили даже первый круг, эти хорошие намерения исчезли. Задыхающиеся, с ногами в волдырях, с синяками на локтях и коленях от ударов по преграждающим переборкам, и, в довершении, удрученные осознанием того, что в точности из себя представляли двадцать кругов, это все растянуло их в длинную линию, с трудом пробирающуюся по маршруту, измотанными и доведенными до отчаяния.

Каждый раз, как он появлялся, ухмыляющийся, в какой-нибудь точке маршрута, Кекси подгонял их, и говорил каждому отставшему по очереди, насколько он бесполезен. Для марша он выучил несколько новых оскорблений, или же хранил некоторые особенно любимые для этого особенного случая.

Далин не обижался на него. Он вырос с пониманием, что это была основная нить несправедливости, пролегающая через солдатскую жизнь. Солдатская служба была о целом, о подразделении, и о том, как это подразделение функционировало с точки зрения дисциплины и согласованности. Как только человек привыкал к разочарованию, несмотря на то, был ли он прав или нет, он начинал работать с подразделением, и жизнь становилась легче.

Он, так же, понял важность примеров.

Кекси не избил Меррта после стрелковой тренировки. Даже его логика боевого пса осознала, что непродуктивно избивать человека, который просил об этом. Такой поступок, так же, мог принизить его в глазах отряда. Кекси решил остаться выше этого. Вероятно, он думал о самом себе, как о непостижимом.

Кекси определил Меррта на марш. Затем он сказал остальным, что десять кругов марша, которые они получили за то, что не набрали счет выше тридцати, теперь стали двадцатью кругами, спасибо тому, что он называл «губой» Меррта.

На третьем круге, Далин стал бежать в ногу с Мерртом. Это был первый раз, когда он вообще говорил с ним.

«Я хотел--» начал он.

«Забей,» ответил Меррт, даже не оглядываясь.

«Это было...» Далин замешкался. «Это было по-Призраски?»

Это заставило Меррта бросить взгляд в сторону, его впалые глаза были яркими и любопытными над отвратительным лицевым протезом. «Гн... гн... по-Призраски?»

«Я имею в виду, из-за того, что я в полку.»

Меррт покачал головой. «Фес просто был неправ. Я бы высказался, не важно кто это был.»

«Оу.»

Они бежали дальше, через погрузочную шлюзовую камеру и наружу, по решетчатому полу складского отсека. Решетки звенели от их ног.

«Как ты попал в ПВН?» спросил Далин.

«Обычным способом.»

«Ага, но как?»

Меррт резко остановился и Далин остановился с ним. Тела цокали мимо них, тяжело продвигаясь вперед.

Меррт на секунду уставился на Далина, прямо в лицо. «Я тебя знаю?» спросил он.

«Я--»

«Ты меня знаешь?»

«Нет, но--»

«Тогда буду благодарен, если ты оставишь свои фесовы вопросы при себе. Я гн... гн... не твой друг.»

«Прости,» сказал Далин. Он чувствовал себя смущенным, а этот ответ сделал только хуже. Меррт отвернулся и начал снова бежать.

Внезапно он остановился и повернулся к Далину. «Если ты хочешь знать,» сказал он, «я высунул голову из гн... гн... укрытия во время битвы на Монтakse.»

«Нет, я имел в виду--»

«Я понял, что ты имел в виду. Ответ все еще тот же.» Меррт снова отвернулся и начал бежать.

Через мгновение, Далин последовал за ним.

XI

На свободной палубе за жилыми ячейками собралась толпа, чтобы посмотреть, как команда Призраков пинает мяч с несколькими солдатами из казарм Колстековцев. Здесь было много добродушных криков и проклятий.

Колеа наблюдал за игрой с одной из возвышающихся площадок, облокотившись на поручни. С ним был Варл, курящий самокрутку. Время от времени, они обменивались философскими замечаниями о сравнительных навыках играющих, в особенности о нежелании Бростина передавать мяч кому-нибудь.

«Это похоже на то, как будто он инвалид.»

«Большой, чем те, о которых мы знаем.»

«Точно.»

Внизу в толпе несколько Белладонцев начали выстукивать тра-та-та на чем-то вроде самодельных барабанов, чтобы подстегнуть Призраков. Это был быстрый ритм. Это звучало похоже на барабанный марш отряда, исполняющего казнь.

«Это место, куда мы направляемся--» начал Колеа.

«Никто точно не знает, куда мы направляемся,» ответил Колеа.

«Ага, но если так. На что оно похоже?»

Варл был одним из отряда Гаунта, отправившегося на оккупированный мир, Гереон, почти три года назад. Тот факт, что все они вернулись назад живыми, было главным чудом. Обычно болтливый человек, Варл мало говорил об этом.

«Это плохое место,» сказал он своему другу. «Настолько плохое, насколько возможно. И я не могу представить, что оно стало лучше с тех пор, как я был там.»

Колеа кивнул.

«Хотя, я буду рад вернуться назад,» признался Варл.

«Серьезно? Почему?»

«Вен и Док Керт. Мы оставили их там. Их выбор. Мы все хотели вернуться за ними, если сможем.»

«Ты думаешь, что они все еще живы?»

Варл пожал плечами. «Док? Я не знаю. Но Вен... ты можешь представить что-нибудь в этой Вселенной, у чего есть яйца, чтобы убить Вена?»

Колеа ухмыльнулся и покачал головой.

Варл стряхнул пепел со своей самокрутки с лхо и заткнул окурок за ухо. «Пойду, сделаю что-нибудь с этой игрой,» сказал он. «Может быть, пристрелю Бростина.» Колеа находился на площадке в одиночестве несколько минут, когда Тона Крийд подошла и встала рядом с ним. Он кивнул ей, но какое-то время ничего не говорил.

В конце концов, он сказал, «Как парень?»

«Хорошо справляется, 'особенно в отряде полукровок'.»

«Это хорошо.»

«Он в более хорошей форме, чем я когда-либо его видела,» добавила Крийд, «хотя прямо сейчас его беспокоят ноги. Несколько последних недель, много круговых маршей.»

«Нда?»

«Наказание.»

Колеа нахмурился. «Наказание за что?»

«За то, что он слишком хорош. За то, что показывает это инструктору. Из него делают пример, и он проглатывает это.»

«Может быть инструктора нужно--» начал Колеа.

Она покачала головой. «Нет, нет, Гол. Все нормально. Далин хочет этого. Он знает, как работает Гвардия, и он придерживается правил. Инструктор давит на него, потому что он никогда не видел такого образцового рекрута, и не может стряхнуть с

себя ощущение, что это какой-то трюк.» Внизу раздались внезапные крики, и барабаны снова подняли темп.

«Ты сам можешь спросить его, как он,» сказала она.

«Я не собираюсь путаться под ногами.»

«Ты его отец.»

«Я его выживший биологический родитель,» ответил Колеа. «У него есть отец и мать.»

«Ты его отец,» повторила Крийд. «Нет ничего хорошего в той жизни, которой мы живем, так что я не верю, что имеет значение, как ты, я и Кафф уживаемся вместе все это время. Далин был бы не против, если бы ты выказал интерес.»

«Может быть.»

«Я бы сказала, что ему бы понравилось, если бы выказал интерес.» Колеа поджал губы и задумался об этом. Он не смотрел на нее. Его глаза неподвижно смотрели на игру внизу.

«Сделай это, пока не слишком поздно,» предложила Крийд.

«Слишком поздно?»

«Мы идем по Дороге Славы,» сказала она. «Раньше или позже, мы доберемся до ее конца, и ты знаешь, что ждет там. Оставишь это до конца, и может быть слишком поздно.»

XII

Они было в Подвале, очищая снаряжение. У каждого из них было свое имущество, лежащее на подстилке. Кекси мог пройти мимо, случайно отправив пинком тарелку или кружку через помещение, если они не стояли по правилам. Иногда он поднимал посуду, подбрасывал ее слегка в воздух, когда выпрямлялся, и использовал Сару, как биту, чтобы отправить ее к потолку.

Далин мог видеть отдаленные фигуры нескольких товарищей в дальнем конце Подвала, подбирающих свои, запущенные в воздух, предметы.

Кекси подошел к Далину. Когда он подошел, Далин стоял по стойке смирно, с подстилкой у ног.

Найди здесь ошибку, желал он.

Он услышал ворчание Кекси – легкое разочарование от того, что он не нашел ничего, чтобы поднять.

«Собери это. Давай,» прошипел Кекси, двигаясь к следующему кандидату.

Это был конец пятой недели для подразделения ПВН. В конце дневного цикла, они сдадут потрепанное тренировочное снаряжение, с которым носились последние три недели, и получают служебные вещи. На следующий день они получают свое оружие. Затем, последние три дня плотной подготовки.

С каждым шагом становилось все труднее. К Кекси добавились офицеры Комиссариата, чтобы заточить разум вместе с телом. Было ощущение порядка, дисциплины. Никто больше не играл.

Просто осмотревшись, Далин мог видеть, как изменилась большая часть подразделения. Интенсивные тренировки сделали их всех худыми и крепкими, даже Форбкса. Залатанные одежды, которые они носили, свободно висели. На телах не было никаких признаков жира. Их руки и ноги были мозолистыми и сильными.

Их обритые черепа только начали покрываться волосами. Их мысли были напряжены, как проволока. Вне подразделения, они ходили приосанившись и с важным видом.

Всего лишь через четыре дня их отправят в родные полки для возвращения к служебным обязанностям или, как Далин, пройдут Основное Наставление и станут Гвардейцами.

Не каждый в ПВН мог пройти это. Статистически, говорил Кафф Далину, обоснованное количество людей из любого подразделения ПВН, снова проходило его. На Втором Фронте этот показатель был выше, где ненормально высокий процент качества солдат был ниже стандартов, к стыду Крестового Похода.

Некоторые фесы никогда не достигнут уровня. Это было правдой для этой толпы. Здесь были лентяи, которые не смогут соответствовать физическим оценкам, или идиоты, которые не могли следовать приказам, а так же, здесь были личности, как Жидкий, которые *не хотели* больше, чем *не могли*. Жидкий был в достаточно хорошей форме, но его отношение было все еще отвратительным. Далин был вполне уверен, что Жидкий был одним из тридцати, или около того, кого завернут назад.

Раньше или позже, повторяющихся симулянтов всего лишь выпнут со службы, чего большинство из них желало, или казнит Комиссариат, чего большинство из них не хотело.

Далин подхватил свой ранец и понес его к группе, которая закончила собираться. В ней были Форбокс и Красотка, и Хамир, один из 'В' кандидатов. Он с Далином особенно хорошо сошлись.

Хамир был высоким, с оливковой кожей, юнцом из Фортис Бинари. Он последовал за своим отцом и дядями с Бинари после основания и, как Далин, жил среди следующих за силой, пока не стал достаточно взрослым, чтобы получить аквилу. У Хамира были умные глаза и слегка ученые манеры, так что Форбокс дал ему прозвище «Школьник».

«Никакой Сару для тебя, Святой?» спросила Красотка.

«Он знает, когда его победили,» ответил Далин, смотря через зал на Кекси, который охаживал кандидата по лопаткам за неправильное связывание спального мешка.

«Почти там,» сказал Хамир.

«Что?» спросил Далин.

Хамир посмотрел вверх на лампы. «Мы почти там. Чувствуешь это?»

«Где?»

«В конце обучения. Начало Гвардейской жизни. Куда бы не направился этот транспортник. На твой выбор.»

«Я собираюсь пропустить это,» уныло пробормотал Форбокс.

Далин, Хамир и Красотка уставились на него. Он засиял. «Это была шутка,» сказал он.

Когда подразделение собралось, а последние отставшие бежали на свои места, подгоняемые Сару, Далин высмотрел Меррта. Он не говорил с ним с той ночи на круговом марше, недели назад. Ни до, ни после. Меррт держался сам с собой.

Далин чувствовал ужасную жалость к Меррту, которую, он был уверен, старый человек не одобрил бы. Жалость шла от того факта, что основная масса ПВН была юнцами. Меррт был стариком среди них.

Казалось жестоким видеть его, вынужденного повторять безумные тренировки основ 'В', как взрослого, вынужденного играть в детские игры. Он был выше этого, далеко за этим. Он повидал настоящую жизнь и почувствовал ее плоть. Он не нуждался в курсе повышения квалификации.

Далин не был уверен в том, что Меррту это было нужно. Меррт просто выполнил обязанности в ПВН и никогда не произнес слов недовольства. Он больше никогда не вставал перед Кекси. По мнению Форбокса, это было потому, что «со ртом, как такой», Меррт ненавидел говорить, но Далин верил, что это не из-за этого. После того дня на стрельбище, несмотря на то, что он побивал множество из них с тех пор, Кекси никогда не был уже столь мстительным и несправедливым.

«Все в порядке?» сказал Далин, вставая рядом с Мерртом.

Меррт обернулся, затем кивнул.

«Могу я задать вопрос?» сказал Далин.

Меррт пожал плечами.

«На стрельбище--» начал Далин.

«Мы об этом говорили,» быстро сказал Меррт.

«Нет,» ответил Далин. «Нет, не тогда. Я имею в виду, потом. На стрельбище, ты регулярно набираешь, шестьдесят, шестьдесят два?»

«Ага.»

«Ты никогда не кажешься довольным этим?»

«Какой у тебя счет, сынок?»

«Около семидесяти одного.»

«Ты гн... гн... гн... доволен этим?»

«Фес, да. Конечно.»

Меррт вздохнул. «Знаешь, сколько я выбивал? В обычный день, я имею в виду?»

«Нет?»

«Девяносто семь,» сказал Меррт. «Девяносто семь, без проблем. Это было во мне. Лучший показатель был девяносто девять в трех случаях.»

Последовательные, постоянные девяносто четыре вводили человека в снайперы. Далин знал, что специалисты, как Раесс, Бэнда и Несса Бурах, и даже сам Ларкс, были довольны неизменными девяносто пятью.

«Сейчас я наскребаю шестьдесят один. Ты думаешь, что я гн... гн... гн... доволен?»

XIII

Тона проснулась с таким потрясением, что ее руки схватили ячеистую сетку стены ячейки и заставили ее греметь и трястись. Послышались приглушенные жалобы из ближайших ячеек.

Было темно, и здесь был тяжелый запах тел в ночном цикле. Кафф спал. Она вышла наружу. Казарменный зал был темным, горели только палубные лампы, но лампы на потолке прогревались. Приближался дневной цикл.

Она посмотрела на свои руки. Они были бледными в скудном голубом свете. Она не могла видеть, как они трясутся, но знала, что так и есть.

Она пошла по проходу к жилищу Гаунту и услышала звуки клинка, ударяющегося по другому клинку. Она вытащила боевой нож и осторожно пошла вперед.

Появился Эзра, магически, из теней, и покачал головой. Она убрала нож.

В конце прохода, на маленькой палубе перед входом в личные покои Гаунта, два человека бились на мечах при свете ламп.

Гаунт и Харк, оба в бриджах и майках, проводили дуэль. Фехтование было интенсивным, и, судя по поту на них, они занимались этим давно. Прислонившись к трубопроводу, сложив руки, Роун наблюдал за ними.

«Что это?» спросила Крийд.

Роун бросил на нее взгляд. «Просто спарринг. Они проводят его прямо перед началом дневного цикла уже недели.»

«Зачем?»

Роун пожал плечами. «Практика. Харк сказал что-то об улучшении своих навыков.»

«Да?»

«Ну, если бы я хотел убить его, я бы выбрал ствол,» ответил Роун. Тона смотрела на сражающихся.

Гаунт всегда отлично владел мечом, и она полагала, что за последние несколько лет не видела никого лучше. Но Харк, которого она всегда считала тяжелым и медленным, хорошо держался.

«Зачем ты здесь?» спросила она Роуна.

«Просто смотрю. Кто знает. Может один ошибется и другой убьет его.»

«О ком из них ты говоришь?» спросила Тона.

Роун оскалился. «Без разницы.»

Гаунт и Харк разошлись и отсалютовали друг другу.

«У нас зрители,» отметил Гаунт. Харк кивнул и сделал глоток из вляжки с ближайшего столика.

«Говорят, что вышел приказ на высадку,» сказал Роун. «Я просто пришел сказать тебе это.» Гаунт кивнул. «Тебе что-то нужно, Крийд?»

«Личное дело,» сказала она.

«Дай мне минутку,» сказал Гаунт, убирая в ножны меч и наливая себе воды.

«Роун сказал мне, что вы хотите улучшить свои навыки владения мечом,» сказала Крийд Харку.

«Полковник-комиссар недавно мне очень хорошо напомнил о важности упорных тренировок, сержант,» сказал Харк. «Маленькое напоминание для самоуспокоения. Он был достаточно убедителен, чтобы предложить немного поучиться.»

Она кивнула. Гаунт махнул ей рукой и она присоединилась к нему, пока Харк завязал разговор с Роуном.

«Что такое, Тона?» спросил Гаунт.

«Чувствую себя душой, говоря это, но--»

«Просто скажи.»

«Мне снилось, что вы умерли.»

«Я умер?»

«Да.»

«Ты уверена, что это был я?»

Она замешкалась. «Думаю так. Во сне было так.»

«Ты мне говоришь эт из-за сна не Гереоне?»

«Да, сэр. Там мне приснился Вайлдер, и это оказалось правдой. Я думаю, что это связано с Гереоном.»

«Спасибо, Тона. Я понимаю, что трудно было признаться в такой странной вещи. Хотя, вот что я скажу тебе... Гереон не убил меня в первый раз. Я не собираюсь давать ему второй шанс.» Она кивнула, изобразив фальшивую улыбку и поняла, что Гаунт смотрит мимо нее. Появился Белтайн.

«Бел?»

«Только что выдали, сэр,» сказал Белтайн, отдавая честь и вручая конверт Гаунту. Гаунт разорвал его и вытащил листок.

«Этого мы ждали,» сказал он. «Мы прибываем через десять часов, и после этого корабль соединится с остальными в месте назначения. Всем отрядам боевая готовность и приготовиться рассредоточению.»

«Я займусь этим,» сказал Роун.

«Я с тобой,» сказал Харк, последовав за ним.

«Это все?» спросила Крийд.

«Что?»

«Вы смутились, когда читали приказы, сэр,» сказала она. «Там было что-то еще?»

«Просто список подробностей о диспозиции,» сказал он. «Не о чем беспокоиться.»

XIV

Мостик и уровни под ним были почти единственными местами на борту огромного корабля, где человек мог поволить себе посмотреть наружу. Большинство обитателей проводили долгие переезды на расположенных друг над другом глухих палубах, внутри бронированного корпуса, как семена в коробке, но палубы мостика были снабжены иллюминаторами и окнами.

После выхода из варпа, корабль постоянно замедлялся, а бронированные заслонки поднялись над иллюминаторами, как веки на глазах.

Странный, серебристый свет рвался внутрь из пустоты снаружи, свет, идущий вразрез с горячим свечением палубных ламп и приборов. Ожидая, с фуражкой под рукой, Гаунт подошел к ближайшему иллюминатору и уставился наружу.

Он всегда неправильно помнил абсолютную черноту космоса. Он думал о ней, как о солидном, богатом, материальном черном, и представлял это в своем воображении, а затем, когда он снова видел это, он всегда удивлялся. Чернота была черной, как ничто другое, не допускающая ни формы, ни изменений, но невозможной глубины. Свет звезд и других объектов, просто расположившихся на ней, был жестким и крошечным. Звездный свет изливался на фоне черного, как вода по стене.

Поблизости была звезда, конус серебряного света, яркая, как сигнальный огонь, даже сквозь иллюминатор, толщиной в метр, и Гаунт смог почувствовать слабый импульс, прошедший по палубе, когда корабль повернулся к ней. Это было место сбора. Они приближались к нему сквозь массу стоящих кораблей, все, как один, освещенных солнцем и отбрасывающих контуры на остальные, некоторые отбрасывали свет от двигательных систем, работающих на холостом ходу.

Множество похожих на соборы кораблей были огромными, огромными, как транспортник, на котором он находился, а некоторые еще более огромными: производственные корабли, корабли поддержки Муниторума, грузовые корабли. Огромные и древние крейсеры и фрегаты были обращены по направлению к солнцу, как укрепленные мечи. Местами транспортные корабли и танкеры двигались вместе

в длинных стаях, как морские создания. Маленькие корабли – люггеры, шаттлы, катера, лихтеры и буксиры – порхали между и вокруг огромных кораблей, иногда яркими пятнами в солнечном свете, иногда мерцая выхлопами в укрытии огромных теней циклопических корпусов.

Гаунт начал считать корабли и потерял счет на семьдесят три. Солнечный свет и жесткие тени делали трудным различать формы. Однако, это была флот. Флот, собирающийся для вторжения в большом масштабе.

Гаунт задумался, какой из этих греющихся на солнце гигантов нес на себе Вон Войтца.

«Сэр?»

Гаунт отвернулся от иллюминатора и обнаружил младшего палубного офицера, ожидающего его. Офицер, подчиненный корабельному Мастеру-Компаньону Вокса, вручил Гаунту лист с сообщением и учтиво ожидал, пока он его прочитает. Гаунт скатал шарик из листа в руке.

«Будет ли ответ, сэр?» спросил офицер.

«Нет. Просто вновь отправьте мой первоначальный запрос.»

«С уважением, сэр, его отклоняли уже три раза,» осторожно рискнул высказаться офицер.

Гаунт был весьма хорошо осведомлен о двух скатанных бумажках в кармане своего плаща. «Я знаю, но повторите его, пожалуйста.»

Офицер замешкался. «Мастер-Компаньон ясно дал понять, что у него не будут все доступные частоты во время фазы маневров.»

«Еще одна попытка, пожалуйста.»

Гаунт ждал двадцать минут, пока человек не вернулся. За это время, с серией глубоких стуков и тяжелых вибраций, транспортник остановился у другого корабля, чей корпус почти закрывал иллюминаторы. Глухой шум двигателей и незакрепленных кабелей начал отдаваться эхом с нижних уровней, вместе со случайным отдаленным скрежетом сирен тревоги.

Младший офицер снова появился, торопясь по широкой железной лестнице, ведущей из центрального помещения вокса. Бормотание палубной команды, проводящей проверку после остановки, наполнило межуровневное пространство. Офицер отдал документ Гаунту, но сочувственный взгляд на лице человека сказал Гаунту, чего ожидать.

«Очень хорошо,» вздохнул Гаунт, пробежавшись глазами по повторяющемуся сообщению: ПРИКАЗОМ ШТАБА ЛОРДА ГЕНЕРАЛА, ЗАПРОС ОТКЛОНЕН.

«Вас зовут Гаунт, сэр?» спросил человек.

«Да. А что?»

«Для вас есть отдельное сообщение.» Офицер сверился с планшетом. «Группа в пути, чтобы встретиться с вами, и ожидает, что вы будете ждать их на кормовой палубе 7.» Это был первый раз, когда он увидел Комиссара-Генерала Балшин после кампании на Анкреон Секстусе.

Она мгновение постояла на поднятой рампе, пока не увидела его, а затем быстро поспешно пошла в его направлении. Два человека в темной униформе Комиссариата шли по бокам.

Палуба была холодной, и воняла выхлопными газами. Пар от пневматических зажимов висел, как туман, и изредка плыл от резких порывов из направленных вентиляционных каналов.

Гаунт склонил голову и сотворил знак аквилы на груди. «Леди комиссар-генерал.»

«Гаунт,» ответила она с кратким кивком. Ее лицо было суровым и бледным, как белый мрамор, и на ее лице не проскользнуло никакого признака теплого отношения. Ее фиолетовый правый глаз, яркий и напоминающий бусинку, чрезвычайно сильно контрастировал с аугментикой, вживленной в левую глазницу.

«Я не ожидал, что мой протест навлечет персональный визит такой августейшей особы, как вы,» сказал Гаунт.

«Протест?» спросила она.

«Да, касательно привлечения резервов.»

Балшин нахмурилась. «Я об этом ничего не знаю, Гаунт. Я здесь не из-за этого.»

«Оу,» пробормотал Гаунт. Он подозревал что-то такое.

«Я здесь, чтобы проинструктировать вас, Гаунт, и снабдить особыми приказами. Цель армады--»

«--Геренон.»

Балшин позволила себе легкую, насмешливую улыбку. «Конечно. Вы должны были выяснить это.»

«Комиссар-генерал, если даже я не был уверен в этом раньше, ваше прибытие стало бы именно тем подтверждением, которое мне было нужно. Без сомнения, у вас есть особые приказы для Призраков?»

«Точно.»

«Из-за их специализации, и из-за моего прежнего знания целевого мира?»

«Бесценного прежнего знания, Гаунт.»

«Вы льстите мне.»

«И не собиралась, сэр,» сказала она. «Гаунт, вы однозначно выбраны, чтобы сослужить великую службу Богу-Императору.»

«Да защитит Он всех нас,» пробормотал один из комиссаров рядом с ней. Гаунт бросил на него взгляд и узнал человека, эффективного, но скользкого лакея Балшин, Фарагута.

«В самом деле, защитит Он всех нас,» повторил Гаунт.

«И здесь есть шанс для этого,» сказала Балшин. «Шанс на быстрый успех. Я не позволю, чтобы эта возможность была упущена. Месяцы планирования, Гаунт. Думаю, настало время, чтобы ввести вас в курс дела.» Она обернулась к шлюзу. «Здесь есть где-нибудь тихое место, где мы можем обсудить это?» Гаунт кивнул. «Если вы сообразовываете пойти за мной.»

Балшин повернулась назад и глянула через плечо. «Сюда!» прорычала она в сторону открытого люка транспорта.

Появилась фигура и пошла, чтобы присоединиться к ним сквозь истончающийся пар.

Это была Саббатина Кёрк.

XV

В полном боевом облачении, Призраки собрались в шеренги в блоке. Гаунт поправлял фуражку, пока шел к ним, чтобы проинспектировать, и слышал, как Роун с Харком выкрикивали команды дальним шеренгам подтянуться, но такие наставления были чисто косметическими. На фоне были вой лифтов, и приглушенные фанфары и бой барабанов из ближайших казарм Колстековцев.

Гаунт остановился перед шеренгами, Роун отдал ему честь, и он повернулся на пятках к солдатам. Он прочистил горло.

«Мы прошли дорогу,» объявил он, «теперь слава всего лишь в шаге.» Послышался одобрителный шепот. Некоторые из Призраков ударили по винтовкам.

Гаунт поднял руку для тишины. «Через два часа и пятьдесят минут мы погрузимся на десантные корабли для высадки. Высадка на планету будет продолжаться пять часов. Высадка будет в горячую зону. Ожидайте мощного сопротивления с самого момента высадки. Оставайтесь в своих ротах, чтобы получить приказы.»

Он пробежался взглядом по шеренгам. Никто не шелохнулся.

«Целевой мир – Гереон,» выкрикнул он. «Я говорил вам, что однажды покажу вам его. Цель – торговый город Кантибл. Не буду говорить вам, чего я от вас ожидаю, потому что вы знаете, что я от вас ожидаю.» Он сделал паузу. «Солдаты Империиума,» крикнул он, осознанно изменив фразу, которая когда-то начиналась, «Люди Танита...», «вы хотите жить вечно?» Послышалось дружное ликование. Гаунт кивнул, и сотворил знак аквилы. «Император защищает!» крикнул он. «Разойтись!»

Шеренги разбились на роты для получения приказов. Гаунт видел некоторых из командиров – Обела, Домора, Мерина, Варэйна, Даура и Колосима – собирающих свои отряды в группы и открывающих кейсы с картами.

К нему подошел Дорден, с медицинским снаряжением на себе.

«Доктор?»

«Пожалуйста, ты бы не мог поговорить с ним?» сказал Дорден, делая жест в сторону Аятани Цвейла. Старый священник, в полном облачении, стоял на колене, чтобы завязать шнурки на паре больших по размеру – и, несомненно, одолженных – Гвардейских ботинок. Распятие с навершием в виде орла лежало на палубе справа от него, золотое кадило слева.

Гаунт кивнул. «Отец--» начал он.

«Засунь это себе в задницу,» сказал Цвейл.

«Простите меня?»

Завязав шнурки, Цвейл поднялся на ноги, помогая своему тощему телу подняться рукояткой распятия.

Он потряхнул полы своей голубой робы, чтобы прикрыть заскорузлые колени и тощие голени.

«Твое предложение, Гаунт. Засунь его себе в задницу.»

«Это очень по-церковному, отец. И все же, что это может быть за предложение?»

«Конечно такое же, какое сделал Дорден. Что я должен благословить людей и сделать свою 'свят свят' штуку, а затем пожелать всем удачи и остаться здесь.»

«И вы не хотите делать этого?»

Цвейл надулся и подергал свою длинную белую бороду. «Не хочу и не собираюсь. Дорден говорит, что я слишком старый. Говорит, что я 'с медицинской точки зрения' слишком старый, как-будто это совершенно другой вид слишком старого. Я в такой же форме, как Тембаронгский грокс! Я в такой же форме, как человек, в половину моложе меня!»

«Однако,» вклинился Дорден, «человеку, в половину моложе вас нужно тоже надо будет готовить кашу.»

«Заткнись, фесов костоправ,» ответил Цвейл, и топнул ногой. «Я иду с вами. Я иду с вами, чтобы помогать нуждам полка.»

«Отец--» попытался вмешаться Гаунт.

«У меня есть ботинки, если это то, о чем ты беспокоишься», сказал Цвейл, поднимая полы, чтобы доказать это.

«Я не об этом», сказал Гаунт.

«Я иду с вами», прошипел Цвейл, схватив Гаунта за рукава своими похожими на когти пальцами. «Это место, куда мы направляемся, это бедное место...оно было слишком долго нечестивым. Возможно, для него уже не будет искупления, но я должен попытаться. Я подумал, что ему нужен такой человек, как я, больше, чем такой солдат, как ты, Ибрам, но я согласен, что оружейный огонь тоже засчитается.»

Гаунт мгновение смотрел на него. Затем он взглянул на Дордена. «Аятани Цвейл будет сопровождать нас.»

Дорден пожал плечами и закатил глаза.

«Сэр?»

Харк присоединился к ним. Крийд и Каффран были с ним. Их глаза были суровыми, в них читались душевные страдания. Гаунт глубоко вздохнул. Он боялся этого момента.

«Они могут с вами поговорить?» спросил Харк.

«Конечно. Идите, доктор. Вы тоже, отец.»

Гаунт отвел Крийд и Каффрана в конец зоны сбора.

«Это правда?» спросила Крийд.

«Насчет включения резерва?» спросил Гаунт. «Да, боюсь, что это правда.»

«Мы можем что-то сделать?» спросил Каффран.

Гаунт покачал головой. «Я лично пытался исправить это, но не встретил никакой поддержки.»

«Это не правильно», сказала Крийд. Гаунт никогда не видел ее такой хрупкой.

«Нет, не правильно, но ввод резерва – это стандартная военная практика. Это одна из обычных тактик Магистра Войны, когда требуются людские ресурсы, и Трон знает, что здесь они нужны. Тактический Департамент и Комиссариат одобрили. Я буду

продолжать пытаться до самой высадки. Если потребуется, даже после нее. Но вам придется прямо сейчас принять то, что Гвардия – это огромный и измельчающий в пыль механизм, и он слепо прокатывается по личным запросам и протестам. Он любит целесообразность и эффект массы, и ненавидит исключения. О чем я говорю, так это то, что мы, может быть, не сможем повлиять на это решение.»

«Это не правильно,» снова сказала Крийд.

«Он должен был стать Призраком,» сказал Каффран.

«Да,» сказал Гаунт. «Должен был.»

XVI

Он чувствовал себя так, как будто Сару была его тупым концом где-то между головой и животом. Он онемел, почти оцепенел. Его глаза горели. Он огляделся и увидел такую же боль и удивление на лицах остальных.

Странно. Он весьма был уверен, что этот день будет самым лучшим днем в его жизни: прошедшим Основное Наставление, ставшим Гвардейцем, получившим свою личную винтовку у оружейника. Получившим свои солдатские нашивки, свою аквилу, свою одежду...

... ставшим Призраком.

Оружие в его руках чувствовалось, как мертвый груз. Никакого ощущения гордости не было от того, что он держал его.

«Что с нами будет дальше, Святой?» спросил Форбокс.

Жидкий и некоторые другие озвучили свое неверие. Кандидаты, как Далин, по меньшей мере, ожидали, и желали, увидеть активные действия после ПВН. Жидкий и такие, как он, сделали все, чтобы избежать следующего цикла тренировок. Для них новости были сногсшибательными.

Мрачный комиссар среднего возраста, по имени Собайл, пришел к ним, чтобы поделиться новостями, прямо перед тем, как им вручили их снаряжение и оружие. Он стоял перед ними под лампами Подвала, и ему потребовалось полвека, чтобы донести сообщение.

«Настоящий приказ, отданный в сегодняшний день 777.М41, повелевает, чтобы пригодные солдаты направились на театр боевых действий, Высшее Командование распорядилось ввести в строй все резервные подразделения, включая штрафные, в следствие чего они будут собраны, им отдадут распоряжения, и они будут посланы на фронт. Никто, с данного момента, не состоит в резерве, будь то по причине наказания, переподготовки или воспитания, и все должны вернуться, или присоединиться, к другим тактическим отделениям. Исходя из настоящих целей,

этому подразделению будет дано название Тактическое Подразделение 137, или ТП 137. Детали последуют. Храни вас Бог-Император. На этом все.»

«Гол?»

Гол Колеа не поднял взгляд.

«Гол? Оторви задницу, прозвенел звонок.» Варл шел по проходу между пустыми ячейками. Внизу, Призраки вытекали из казарменного зала, как вода, вытекающая из цистерны.

«Гол? Харк станцует на твоих костях, если ты не двинешься,» сказал Варл. Оба человека были нагружены разгрузками и боевым облачением, с ранцами за спиной, шлемы висели на поясах. У обоих в правых руках были винтовки.

«Я иду,» сказал Колеа. «Я собирался дать ему это. Я собирался дать ему это раньше, но сегодняшний день казался правильным днем.»

Он посмотрел на Варла, и протянул левую руку. Танитская кокарда, умышленно покрытая сажей, лежала в его ладони.

«Идем,» сказал Варл.

Колеа кивнул. Он положил кокарду в нагрудный карман.

«Об этом Тона меня предупреждала,» сказал он. «Я слишком затянул.»

ВЫСАДКА НА ПЛАНЕТУ

I

Они не ждали рассвета. Они не ждали мягкой погоды или благоприятного прилива. Они не ждали, потому что они были сильнее погоды и намного мощнее приливов.

Они были ярче рассвета.

Вдоль западного берега, по линии прибрежных городов и поселений, которые были соединены и укреплены в длинную змею стены с бойницами, называвшуюся К'эздрок, или К'эздрок'атт Шет Магир, небо стало белым. Оно стало грязно-белым, кислотно-белым, и белизна давила на высокие крыши и бойницы. Горячие, сухие облака катились с моря, и объединялись в плотный туман в нижних частях К'эздрока, как будто океан испарялся.

Здесь не было ветра, и все было тихо. Видимые статические разряды собирались, как плющ, вокруг поднятых стволов орудий, стоящих в готовности по всей семидесятикилометровой крепости.

На западе появилась щель, над океаном, и нахлынул холодный ветер. За секунды он превратился в шторм, стремительный, несущийся на восток пояс ветра, который захлестал по защитному валу города-форты, и сдул солдат со стены, согнул прибрежные деревья и погнал море, волна за волной, на рокитовое основание К'эздрока.

Пока мощный ветер ревел над берегом, земля сотряслась, как будто на нее упал ужасающе большой вес, и раздался звук, самый громкий звук, который когда-либо слышал человек, и которые не убил его. Это был звук атмосферы, когда миллионы тонн металла упали в нее, как камни в пруд.

Меньше чем через минуту, первые удары достигли К'эздрок'атт Шет Магира. Они не были теми прекрасными вещами, теми крепкими романтическими цветками огня, которые люди могли видеть изображенными на триумфальных фресках; они не

вызывали ореола очистительного света, никакого блеска, чтобы осветить сзади благородного героя-святого Империи.

Первые удары были, как копья плавленого стекла, обжигающе синие, появляющиеся и исчезающие в наносекунды.

Облака, через которые они пролетали, оставались рваными. Там, где они прикасались, земля испарялась и превращалась в кратеры тридцати метров шириной. Защитные валы, бронированные башни, толстые барьеры из камня и металла исчезали, и вместе с ними, орудийные батареи и команды, которые располагались здесь. Не осталось ничего, кроме расплавленного стекла, пепла и глубоких каменных чаш, таких горячих, что светились розовым.

Каждый удар сопровождался ужасной атмосферной декомпрессией, которая всасывала обломки, как взрыв бомбы, только в обратном направлении.

Удары производили батареи гигантских военных кораблей, зависших над тропосферой. Их роскошные корпуса сияли золотом и бронзой в перламутровом свете восходящего солнца, а их огромные темно-красные носы разрезали тончайший тюль высоких холодных облаков, так что они напоминали флот морских галер из легенд. Область большой высоты была так разрежена и спокойна, что их массивные орудийные системы выбрасывали наружу копья видимого тепла с едва слышимым выдохом.

Другие корабли, огромные транспортники, опустошали себя в небо, как раздутые королевы насекомых, дающие жизнь миллионам яиц. Их отпрыски падали бурей с выжженных и проколотых облаков, и подхватывались и переносились ураганскими ветрами, несущимися от моря. Бесчисленные десантные корабли хлынули, как косяки рыб. Тучи десантных капсул полетели лавиной, как зерна с руки сеятеля.

Защитники К'эздрака начали стрелять, хотя их усилия были едва ощутимым дождичком на фоне потопа. Затем проснулись более тяжелые огневые точки, и воздушные взрывы разнеслись над берегом. В конце концов, мощный оранжевый огонь начал расплескиваться по небу, закручиваясь в длинные ленты от чудовищных штормов. Клубы черного дыма исполосовали воздух, как сотни грязных отпечатков пальцев.

Для своих обитателей, К'эздрок всегда казался горизонтальным: длинные парапеты и защитные стены пролегали на километры, изгибаясь и закручиваясь вокруг изгибов берега, с плоскостями из грязи, приносимой приливами, прибрежными болотами, трепещущими на ветру травами и волнистой поверхностью серого моря. Это было место широких углов и перспектив, широкого размаха.

За пять минут, эта горизонтальность изменилась. Место стало вертикальным, где эта вертикальность была настойчиво навязана с неба лучами и полосами ослепительной энергии, пронизывающей облака. Небо стало высоким и далеким, подсвеченным внутренним огнем. Укрепленные блоки К'эздрака уменьшились до, всего лишь, силуэта на поверхности мира, пока возвышающееся небо светилось над ним, как какой-нибудь прекрасный вид на восшествие на небеса, или парящую лестницу, ведущую к подножию Золотого Трона.

Копья света, такие чистые и белые, что казалось, что они обладают качеством святости, лились вниз от невидимого бога, и превращали облака в полированную позолоту, а дым в серый шелк.

Буря десантных кораблей упала на горящую линию К'эздрака. Они прилетели, жужжа, как нашествие пожирающих посевы насекомых, и ударили, как дробь. Яростные росчерки света и всплески цвета осветили семьдесят километров стены в попытках отбросить их. Тысячи трассеров пронзили воздух, как ожерелья. Темные ракеты с воем уносились вверх, оставляя за собой горячую грязь. Многоствольные турели барабанили и стучали, как поршни, и превратили небо в шкуру леопарда из черного дыма от зенитной артиллерии.

В крутой стене крепости, орудийные порты истекали светом, как зараженные раны, когда энергетическое оружие перезаряжалось, а затем выплескивало ленты света.

Десантные корабли горели в воздухе. Некоторые плавились, как падающие снежинки во внезапном солнечном свете, а некоторые взрывались в ярких резких вспышках и обрушивались на стены градом металла. Некоторые падали в море, оставляя за собой печальный дым, или зарывались, как трассирующие снаряды в башни и трубчатые шпили К'эздрака. Одна огромная башня, в южном конце городской области, наполовину обрушилась после такого столкновения, и от нее осталась

только часть, стоящая над поднимающейся пылью, каменный палец с расширенной вершиной, похожий на гигантскую бедренную кость, воткнутую в землю.

Некоторым десантным кораблям удалось сесть на землю неповрежденными.

II

Далин Крийд ничего этого не видел.

Он испытывал ужасную турбулентность спуска, трясясь, как бусина в голом метеллическом гробу десантного корабля. Он слышал пронзительный вой двигателей, как будто духи вопили, чтобы их выпустили. Он чуял и ощущал страх: кислый пот, вонючее дыхание, желчь, дерьмо.

Страх заставлял некоторых людей вопить, как младенцев, а остальных молчать, как мрамор. Священник отряда, плосколицый, потрепанный парень по имени Пинцер, цитировал Шестнадцатую Молитву, я *молю тебя*. Многие солдаты проговаривали ее вместе с ним, некоторые говорили быстро и громко, как будто беспокоились о том, что не смогут закончить ее до того, как умрут, или до того, как забудут, чем она заканчивается. Остальные говорили так, как представляли себе, как представляли каждое слово всей силой своей воли. Пока остальные проговаривали, как заклинание, в суеверном ритме, чтобы это принесло удачу, они проговаривали ее осторожно, как будто слова сами по себе были бессмысленными, и акт того, что ты произносишь их, означал все.

Некоторые просто бормотали строчки, возможно, даже не понимая, что они говорят, просто для того, чтобы обратить свои закипевшие мозги на что-нибудь еще, кроме безумной паники.

Крийд видел мертвый взгляд в глазах Форбокса, в глазах Хамира тоже. Это был погруженный в себя взгляд, и он показывал, насколько полно надежда оставила их, и как глубоко их личности зарылись глубоко в мысли. Повсюду вокруг него были глаза, которые показывали то же самое. Крийд был уверен, что в его собственных глазах тоже этот мертвый взгляд.

Турбулентность была невообразимо сильной. Здесь была просто неослабевающая тряска, прыжки и грохот, и никакого уменьшения воя двигателей. При особенно мощных кренах, некоторые из отряда визжали, предполагая внезапную смерть, которую они предвкушали.

Визги заставляли Пинцера забывать слова. Он продолжал возвращаться и снова начинать говорить. Он не выглядел напуганным – в отличие от скальпов из ТП 137, он проделывал такое раньше. Но Крийд мог сказать, что для священника было усилием, чтобы сохранять выражение лица. Это было нелегко, не важно, сколько раз ты это проходил.

Тряска и шатания стали настолько интенсивными, что Крийд больше не мог выносить этого. Отсюда нельзя было сбежать, не было выхода, и он впал в такое отчаяние, что, подумал он, он мог бы открыть люк и сделать шаг наружу, позволив оглушающему ветру унести его прочь.

Четкий голос проговаривал Шестнадцатую Молитву. «Боже-Император, по чьей благодати я существую и в чьем свете я расту, я молю тебя послать мне силу вытерпеть этот час...» Он осознал, что это был его собственный голос.

Собайл, комиссар, тихо сидел в ремнях безопасности, смотря на ряды солдат из конца салона. Он выглядел так, как будто присутствовал на особенно скучном ужине.

Рядом с комиссаром, Кекси – Сержант Кекси, сейчас он был им – прислушался к интеркому, а затем потянулся и энергично потряс шнурок звонка. Кекси был главным. Майор Брюндел, их недавно назначенный командир, летел на другом десантном корабле.

«Отряд, подъем!» заорал Кекси.

Зидон, солдат в двух местах дальше от Крийд, наклонился вперед и блеванул на стальной пол между его ботинок.

«Эх, я сказал встать, а не блевануть,» рявкнул Кекси.

Крийд ослабил свои ремни и взял свой лазган.

Тридцать секунд.

Он увидел, как Комиссар Собайл взял кое-что из своего ранца и положил себе на колени. Это было кое-что, чего он никогда не видел у Гаунта, и никогда не слышал, чтобы он такое использовал.

Это был кнут.

III

Зидон умер первым. По крайней мере, первым, кого увидел Крийд. Позже Форбокс сказал ему, что Колстековец по имени Фиброддер лишился головы, пока они все еще были в корабле. Раскаленный добела обломок, возможно кусок от другой десантной машины, пробил корпус за две секунды до открытия люка. Плоский, острый и вращающийся, объект попал Фиброддеру в затылок с эффектом, сравнимым с циркулярной пилой, и вскрыл его череп ровно на уровне ушей.

Крики и рвота от заляпанных кровью солдаты, пристегнутых рядом с трупом Фиброддера, потонули в мучительном ударе приземления. Приземление было таким жестким, что Крийд почувствовал себя как, как будто его кости оторвались от сухожилий, а зубы вылетели из десен. Его челюсть захлопнулась, и он прокусил себе язык.

Его рот наполнился кровью, но боль сделала его бдительным: абсурдная, крошечная, нелепая боль, негодование. *У меня есть предостаточно, о чем беспокоиться, а я только прикусил свой фесов язык?*

Кекси и остальные офицеры дули в свистки. Воздух был жарким, и он полностью заполнился острым желтым дымом, как только люк открылся. Грохот врывался снаружи. Это был орудийный огонь, по большей части: неумеренный, безмерный стрекот автопушек, стреляющих в небо.

Крийд выбрался на холодный воздух, почувствовал гравий под ботинками, твердую землю. Дым был густым, и сильные, глубокие удары избыточного давления продолжали притуплять его слух. Пригнув головы, они все побежали, с оружием, прижатым к груди. Раздалось громкое *пок-пок-пок*, и глухой стук гальки отразился от ближайшей металлической пластины. *Не гальки, не гальки...*

Крийд не знал, бежит ли он в правильную сторону или нет. Он не понимал, как они могут определить, в какую сторону бежать. Дым проглотил как Кекси, так и звук его свистка. Они были в чем-то вроде рокритового ущелья. Потрепанные серо-зеленые башни вырастали на другой стороне.

Он посмотрел назад. Десантный корабль лежал, как туша убитого животного. В последние секунды своего полета он пробился сквозь укрепленную стену и упал на двор позади нее. Крийд не понял, можно ли это было считать хорошим приземлением или плохим.

Он осознал, что здесь было чертовски много вещей, которых он не понимал. Он начал составлять список.

Он сплюнул кровь, которую держал во рту с тех пор, как прокусил язык. Он услышал голос Собайла, рывкающего насчет «разбежаться в укрытия».

Он посмотрел вверх.

Сквозь полог движущегося дыма, он мог видеть небо. Оно было наполнено огнем, задушено гигантскими перьями желтого и янтарного пламени. Настолько, насколько он мог видеть, небо пузырилось взрывами, большими и маленькими: воздушными взрывами, снарядами, трассерами, ракетами. Это казалось случайным и приводило в замешательство.

В небе были видны черные точки – другие корабли, другие воздушные суда. Еще два десантных корабля, летящие боевым построением, внезапно пролетели низко над головой, пролетев над укрепленной стеной, и исчезли около башен на дальней стороне. Рев от двигателей был болезненным. А еще более болезненным был обстрел, который начался с башен, и последовал за ними.

Хлопья сажи летели сквозь дым. Крийд отвел глаза от неба и попытался понять смысл развертывания. Учитывая, сколько они провели в Подвале, изучая основы взаимодействия подразделения, сейчас это было очень мало заметно.

Комиссар Собайл появился из дыма примерно в сотне метров дальше. Он настойчиво указывал одной рукой и махал своим кнутом другой. Толпа солдат пробежала мимо него, предпочитая, как это показалось Крийду, слепо нырнуть в плывущий дым, чем стоять где-нибудь поблизости от его кнута.

Крийд начал следовать за ними. Они направлялись к основанию одной из башен. Когда он повернулся, воздух задрожал и еще один корабль проревел над головой. Он нечаянно посмотрел вверх.

Десантный корабль был гораздо ниже, чем предыдущие два. Крийд мог видеть детали его фюзеляжа. Его хвостовая часть была в огне. Он смотрел на нее с нездоровой притягательностью, зная точно, что должно было произойти, одновременно понимая, что он не мог ничего сделать, чтобы предотвратить это.

Корабль пролетел над ним. Он был в тридцати метрах, но это заставило Крийд все равно пригнуться. Корабль врезался в ближайшую башню, к которой бежали он и остальные солдаты.

Он врезался с огромной силой. В одно мгновение были движущаяся масса корабля и неподвижная поверхность серо-зеленой башни; затем появился огромный и разрастающийся огненный шар, набухающее огненное облако, которое поглотило десантный корабль, как будто он был втянут во внутреннюю часть башни. Обломки – огромные куски камней, миномет и поперечные балки – полетели наружу, оставляя за собой дым и огонь.

Солдаты, которые добежали до основания башни, повернулись и побежали назад. Он четко видел ближайшего из них. Это был Зидон. У него все еще были пятна рвоты на подбородке. Он орал *«Назад, назад!»*

Огромные куски каменной кладки и горящие секции уничтоженного корабля – одной из них был все еще работающий двигатель – обрушились, как ливень. Лавина обрушилась на бегущих солдат и накрыла их волной пыли.

Зидон был в десяти метрах от Крийд и все еще бежал к нему, когда каменный блок упал на него. Это был большой оуслитовый блок, больше, чем смогли бы поднять два человека. Одна сторона все еще была покрыта серо-зеленой штукатуркой. Зидон не упал под ним и даже не согнулся. Блок просто расплющил его самым полным и внезапным способом. Он был там, а затем он исчез, и все, что осталось, было каменным блоком с торчащей человеческой ногой с одной стороны, и другой с другой стороны. Сила насильственного сжатия отправила мощный и странно направленный поток крови более, чем на двадцать метров. Кровь на мгновение оставила темно-красный, сверкающий след, похожий на драгоценные камни. Затем еще больше пыли упало на красные капли, скрыв их.

IV

Позади башен, в этом отдельном секторе крепости К'эздрок'атт Шет Магир, была пустыня из огня и разрушений. Кекси и Собайл собрали отряды и умудрились связаться с некоторыми из роты из второго десантного корабля ТП 137, который забрался за стену периметра. Признаков Майора Брюндела не было.

Они были ближе к нескольким главным оружейным позициям зоны, и подвергались вторичным эффектам от их обстрела.

Огневые позиции, по большей части противовоздушные и противоорбитальные орудия, стреляли с максимальной скорострельностью.

Их вспыхивающие выстрелы разрывали небо над головой, а земля беспрерывно сотрясалась. Это подавляло чувства. Это было слишком громко для ушей, слишком ярко для глаз и ни один голос не мог перекричать это. Крийд попытался найти укрытие. На открытом пространстве, бомбардировка была такой же грубой для чувств, как, например, если очень мощные лампы прижать к каждому глазу, а затем быстро включать и выключать. Даже с закрытыми глазами, вспышки проходили белым светом и отпечатывались тонкими нитями.

Крийд полупрыгнул, полуупал в рокритовый дренажный ров, пролегающий вдоль края двора. Булыжник усеял его сухое дно. Он прошел мимо тела солдата Гвардии, скрючившегося во рву, как будто спит, но даже самый глубокий сон так не расслабляет тело.

В конце рва он встретился с отрядом, ведомым Ганиелем, Хауберканцем, которого Кекси назначил капралом. Глыба был среди солдат. Они пересекли задымленный перекресток, и вышли туда, насчет чего Крийд был уверен, что это были шахты с боеприпасами для двух гроыхающих огневых позиций. Где-то по пути Кекси присоединился к ним. Он повел их к низкой стене, а затем заставил укрыться.

Крийд поначалу не был уверен, зачем. Затем он увидел клубы каменной пыли, поднимающиеся над верхом стены, и осознал, что они были под яростным огнем малокалиберного оружия, звуки которого затерялись в бомбардировке. Губа,

Колстековская девушка в ПВН за то, что спорила со своим старшим офицером, медленно упала. Она упала на землю, а ее ноги яростно дергались несколько секунд. Затем ее конечности обмякли.

Когда стрельба стала происходить время от времени, Кекси повел их за стену. Он сделал это с простым жестом и уверенным взглядом. Казалось ясным, из этих обоих событий, что игнорировать его было более опасно, чем выбежать из укрытия в простреливаемую зону.

Крийд начал бежать, возглавляя Глыбу, Ганиеля и Бинарца, зовущегося Кирпичником. Крийд почувствовал движение воздуха около своего лица, когда пули прошли мимо.

Они достигли укрытия за перевернутой рокритовой плитой, которую ракета вырвала из двора, легли, и начали стрелять. Почему-то доставляло удовольствие, чтобы начать отстреливаться, в конце концов. Его первые выстрелы были в приступе ярости, несмотря на то, что он не видел, куда стреляет.

Кекси занял укрытие за турбиной двигателя в пяти метрах. Розетка, Траск и Багирс проскользнули позади него. Остальные трое не были так удачливы. Оползня срезало лазерным огнем в тот самый момент, как он покинул укрытие. Его тело лежало на земле, куртка горела. Обаяшка, упорный маленький Бинарец, который был вместе с Крийд и Самиром одним из немногих 'В' кандидатов в ПВН, пробежал половину пути, когда ему попали в колено, и он растянулся. Он перевернулся, зажимая свое разбитое колено, и ему попали тотчас в то же самое колено. Этот выстрел проделал путь сквозь его сжатую левую руку и оторвал три пальца.

Обаяшка кричал от боли. Бардене остановился и повернулся, чтобы помочь ему, и был убит болтом, попавшим в основание позвоночника, что заставило его распластаться лицом вниз. Секундой позже, оружейный огонь избавил Обаяшку от мучений.

Крийд перезарядился. Каменная пыль и фуцелин резали его глаза. Прозвучал горн, глубокий и долгий, и громкий, похожий на заводскую сирену.

«Эх, поглядите на это,» заорал Кекси.

Крийд повернулся, чтобы посмотреть. Позади них двигались боги-машины.

V

На фоне неба, разорванного в клочья от огня, с берега шли титаны, чтобы сравнять с землей К'эздрок'атт Шет Магир.

Крийд видел их раньше – в книгах и пиктах, а, так же, на нескольких настоящих победных парадах. Он однажды вынашивал замысел, чтобы стать принцепсом, когда вырастет, пока искреннее желание быть Гвардейцем не возобладало.

В эту секунду он не мог больше вспомнить, почему он сделал такой выбор. Если бы не все это, быть принцепсом в такой бронированной штуке, как эта, было бы намного безопаснее.

Крийд знал, что титаны были большими: он был просто не готов к масштабу их ярости. В том плане, как они продвигались, уничтожая стены и плато без усилий, и так, как их орудийные конечности выносили окончательный приговор целям на огромных расстояниях впереди.

Примерно в километре, слева от Крийд, было два, штурмующих крепостную стену, титана, но его внимание было приковано к третьему, ближайшему, идущему через стены позади них.

Он был выкрашен в матовый хаки, на его боках были нарисованы большие белые цифры. Его движения были громоздкими, как будто тяжелый старик тащится за своими внуками. Его голова и туловище качались вперед и назад на ногах с каждым шагом. Слышался звук механизмов, гигантской гидравлики, трещащего металла. Пушка вулкан, его правая рука, медленно наводилась, выстреливала быстрым залпом, затем снова наводилась и повторяла. Крийд видел крошечный свет под жучиными бровями, и ощущал себя так, как будто бегло увидел душу машины, даже хотя это было, определенно, только светом из кабины.

Титан был на их стороне, но он ужасал его, и он ужасал людей вокруг него. Это была военная машина, и она находилась в своей естественной среде. Крийд чувствовал, что ему нечего делать рядом с ней. Для начала, откуда титан знает, что кричащие точки, вокруг его ног, были лояльными солдатами Империиума? Откуда ему известно

это едва различимое различие, когда с каждым неловким шагом он опрокидывает защитные стены потоком кирпичей или рвет ограждения из колючей проволоки, как будто это высокая трава?

Крийд подумал, что если бы он был принцепсом, управляющим такой силой, он бы вытаптывал все на своем пути и, впоследствии, если бы ему сказали, что он раздавил друзей на своем пути к врагу, он бы сказал «Но мы победили, и это все, что имеет значение.» Было нелепо думать, что титан будет озабочен тем, что лежит у него под ногами. Ты спускаешь его с привязи, а затем убираешься у него с пути.

Было ясно, что сержант пришел к точно такому же мнению. На пределе своего голоса, он кричал отрядам убираться направо. Огонь малокалиберного оружия все еще лился на них, как летний дождик, но титан у них за спиной приближался, как приливная волна. Еще одна стена обрушилась вокруг его голеней, наполнив воздух хлопающими звуками сталкивающихся друг с другом блоков, наполнив их ноздри свежим, сухим запахом каменной пыли. Пушка вулкан снова взвыла, разрывая воздух над ними шипящими копьями света. Крийд чувствовал, как его кожу покалывает и волосы на его руках поднимаются, когда близкие энергетические выстрелы ионизировали воздух.

Он мог чувствовать озон и масло, и горячий металл. Стальные пластины обшивки завизжали, сухие и несмазанные, когда сделали еще один содрогающий шаг вперед. Заревел горн. Гул заводского горна был голосом титана, его предупреждением, не для врага, но для своих. *Убирайтесь с дороги, я иду. Убирайтесь с дороги, или умрете.*

Они начали бежать, направо, как и приказал Кекси. Сержант тоже бежал. Снова Крийд почувствовал пронзительное дуновение от зарядов, разрезающих воздух рядом с ним. Он увидел, как мимо пролетают лазерные заряды. Летящий камень ударил его по ноге. Он увидел, как солдат, бегущий в нескольких шагах вперед него, закрутился и упал. Он спрыгнул в воронку.

Земля содрогалась от поступи титана, когда он проходил мимо. Внизу, в воронке, маленькие камни и песок подпрыгивали с каждой встряской.

На него приземлилось тело. Это был Глыба. Он лягался и пытался встать, и несколько раз уронил свою винтовку.

«Святой?» сказал он, осознав, на кого свалился. Это заставило его засмеяться, хотя Крийд и не мог слышать этого из-за горна титана. Хо-хо-хо, двигался рот Глыбы. У него был порез на одном глазу, а его левая щека была покрыта сажей. Крийд знаком спросил, был ли он в порядке, но Глыба не понял. Кафф научил Крийда, как общаться знаками. Это была уловка, по-Призраски.

Напоминание заставило Крийда вздрогнуть. Не было ничего героического или захватывающего в ситуации, в которой он находился, ничего даже отдаленно благоразумного или здорового. Это была безумная, изнуряющая драка, наполненная страхом и шокирующими вспышками увечий, и без ясной цели. Он мечтал о жизни Гвардейца, желал жизни Гвардейца, а если это была она, то она была ужасной и идиотской. Он чувствовал себя обманутым, как будто Кафф и его ма, и Варл, и все остальные лгали ему все эти годы. Никто не захотел бы этого. Никто не выбрал бы это.

Кроме, может быть, если был он шел через все это, как Призрак, а не как член сраного подразделения ТП 137, может быть, тогда было бы все... возбуждение, героизм, цель.

«Что будем делать?» кричал Глыба, на свой манер частично жалобно, частично с сарказмом. «Что будем делать? Теперь мы можем пойти домой, хо-хо-хо?»

Крийд выглянул из воронки. Он высматривал Кекси или комиссара. Он увидел Ганиеля в ближайшей канаве вместе с Форбоксом, Кирпичником и Розеткой. Он увидел тело на голом рокрите, полуповернутое на спине, истекающее кровью. Кто это был? Важно ли это?

Крийд не понимал, в какую сторону идти, или что делать, если он туда доберется. Он не видел никакой ценности в том, что Имперская Гвардия притащила его и его товарищей в это место.

«В тебя попали,» прокричал Глыба.

Крийд посмотрел. Нижняя часть его штанов была продырявлена и мокрая от крови. Это не был тот камень, который отскочил от его ноги. В него попали, а он не осознал этого.

Титан прошел мимо в пятидесяти шагах слева от них. Его тень, отбрасываемая из-за кипящего огня горячей цистерны, скользила над ними. Земля продолжала содрогаться с каждым шагом, а воздух все еще раздирал горн, скрежет металлической обшивки и вой пушки.

Крийд вытянул шею, чтобы посмотреть на титана. Он продирался во внутренние дворы, минуя шахты с боеприпасами на своем пути к основным огневым позициям. За собой, на одной лодыжке, он тащил часть электрической проволочной ограды, как кандалы, и подпрыгивающие гудящие проволоки сыпали искрами и шипели. Внезапно Крийд осознал, что на самом деле ему напоминал титан. Медведя.

Годы назад, когда он был со следующими за силой на другом транспортнике, там был танцующий медведь, большой черный урсид с какого-то болотного мира, которого один из полков хранил, как талисман. Он был прикован к шесту за одну из задних ног, и дрессировщик тыкал в него заостренной палкой, чтобы тот поднимался и танцевал под мелодию оловянной дудочки. Медведь мог достаточно хорошо это делать. Он вставал, высокий и огромный, с согнутыми по бокам предплечьями, и качался из стороны в сторону, в некотором смысле забавно изображая человека, но он не был двуногим. Как только было возможно, он переставал притворяться человеком и опять становился на все четыре конечности, чтобы снова стать простым большим зверем.

Вот, что ему напомнил титан: дикого зверя, гигантского плотоядного, наученного реветь и тащиться на двух ногах, медленно, неловко, желая вернуться обратно в свою естественную позу.

Глыба подергал его за рукав.

«Чего?»

«Видишь это?» указал Глыба. Появился Собайл, ведущий двадцать членов отряда через дымящийся булыжник. Там были еще солдаты. Несколько дюжин фигур в

коричневых одеждах забирались на территорию сквозь пролом, который оставил титан во внешней стене.

Дюжины стали сотнями, сотни – тысячами. Крийд заморгал. Он видел полковые знамена и слышал звуки рожков. Андроманский Регулярный, понял он по позолоченной вышивке на одном знамени, Шестой Полк. Регулярная Имперская Гвардия размером в батальон, толпой приближалась с зоны высадки на берегу. Людская волна наполнила открытое место и продолжила идти за титаном, как пола плаща. Крийд мог видеть белые и желтые вспышки из их винтовок, когда они стреляли по бункерам.

Ракеты с воем уносились вверх в дыму.

«Вставай,» сказал Крийд Глыбе. «Вставай. Пошли.»

VI

Со слегка поднятой уверенностью от того, что рядом было так много других, ТП 137 выдвинулась вперед.

Комиссару Собайлу даже не было нужды пользоваться своим кнутом. Они хлынули на широкий двор или плац позади сети огневых точек, следуя за тащущимся титаном.

Вражеские орудия все еще грохотали. По всему берегу, на километры в каждом направлении, защита К'эздрок рвалась в утреннем небе, наполняя воздух ударами и эхом от ударов. Пелена от испарения фуцелина повисла, как туман над морем.

Небо казалось, Крийду, самой большой жертвой. Оно было опухшим от дыма и света от огромных пожаров. Огромные черные и оранжевые грибы вздымались к нему. К северу, огромные эскадроны атакующих воздушных кораблей кружились, как стаи птиц, собирающиеся на миграцию.

Один из наиболее отдаленных титанов, видимый над линией горящих крыш, получил прямое попадание от сверхтяжелого огневого укрепления. Центр его торса и голова взорвались огромным огненным шаром, который рос, извиваясь и расширяясь, и, в конце концов, превратился в кольцо пламени, которое поплыло в небо. Его структура раскололась, торс упал и тяжелые орудийные конечности, руки титана, отвалились и оторвали погнутые половины туловища. Оставшаяся часть машины осталась стоять: замершая, с недвижимыми ногами, и с почерневшим железным животом в огне.

Великий стон неверия поднялся от наземных войск при виде этого. Андроманский Регулярный начал штурмовать огневые позиции, зазвучали рожки и барабаны.

Крийд на мгновение был подхвачен волной и проташен вперед. Люди в коричневой униформе были повсюду вокруг него, и он не смог увидеть никого в тускло-сером из своего подразделения.

«Вперед, парень!» сказал ему один из Андроманских солдат. Он был большим парнем с желтоватой кожей, таким же косматым, как и остальные из его племени. Он ухмыльнулся Крийду.

«Идем! Император защищает!»

Крийд не был так уверен. Он был совершенно уверен, что он должен соединиться со своим собственным отрядом. Он осматривался, ища своих товарищей, но его нога наткнулась на булыжник и он упал.

Гвардейцы бежали мимо него. Некоторые выкрикивали боевые кличи. Он пытался снова подняться, но был сбит дважды бегущими людьми. Некоторые проклинали его.

Вражеский огонь раздался снова. Он свалился, как дождь, на Имперские войска из огневых гнезд и опорных пунктов около маячивших вдали укрепленных огневых позиций. Боевой дух, который массово гнал людей вперед, покинул их.

Наступающий поток отхлынул.

Крийд поднялся и начал бежать. Залп снарядов из минометов упал на рокрит недалеко от него, и превратился в конусы огня и щебня. Два или три человека взлетели в воздух и тяжело приземлились, как мешки с камнями. Других срезало, когда они повернули назад, под воющим пушечным огнем. Каждый выстрел мгновение был до того, как прилететь, и делал звук удара, который опрокидывал человека в кровавой дымке.

Крийд увидел большого Андромана, который говорил с ним. Он шатался рядом, чихал, выкашливал кровь, которая текла у него по лицу, на котором не было носа, верхней губы и верхних зубов. Человек прошагал мимо него, а после этого Крийд не видел, что с ним случилось.

Крийд бежал по открытому участку. Он был усеян телами. Андроманские Гвардейцы хлынули налево, от убийственного участка ниже огневых позиций. Приблизился титан, не обращающий внимания на изменение в потоке пехоты под ногами, не замечающий огня малокалиберного оружия и минометов, стучащих по его корпусу.

Отдельные части ТП 137 заняли укрытие в рокритовом водостоке, ведущему к тяжелому погрузочному люку.

Погрузочный люк, из проклепанного металла, был закрыт и сопротивлялся попыткам открыть себя.

Собайл увидел Крийда вместе с другими отставшими солдатами и хлестнул своим кнутом в их сторону.

«Смотрите за своим отрядом и держитесь вместе, бесполезные дебилы! Держитесь вместе и оставайтесь бдительными! Как мы справимся с поставленной задачей, если у нас нет сплоченности?» Крийд хотел ответить. Он хотел спросить, как они должны справиться с задачей, если они не знают, в чем она заключается. Он хотел спросить, имел ли сам Собайл хоть какое-то фесовое представление, что за задачи. У Крийда был длинный список вопросов.

Один из нетерпеливых ударов кнута Собайла ударил его по правому плечу и уголку челюсти, и он забыл о своих вопросах и о своем списке. Тугая кожа прошла сквозь его куртку и пустила кровь на его ключице. Это чувствовалось так, как будто его челюсть была вывихнута.

«Встать!» приказал Собайл, полностью безучастный к состоянию Крийда. Боль была такой острой, что Крийд едва мог двигаться. Его глаза наполнились жгучими слезами.

«Встать!» прорычал Собайл, и повернулся к остальным. «Я нахрен освежую следующего дебила, который забудет сосредоточиться. Все ясно?» Он свернул свой хлыст и бросил взгляд на Сержанта Кекси. Кекси чесал царапину на своей заскорузлой щеке. Солдаты собрались в тени водостока, тяжело дыша, пытаясь восстановить дыхание. Некоторые всхлипывали.

«Сержант?» сказал Собайл.

«Разбиться на отряды, вперед через двор,» сказал Кекси, указывая своим лазганом.

«Идем к ближайшей огневой точке со стороны, посмотрим, сможем ли мы прорваться и заткнуть ее.»

«Приказ отдан, 137-ой,» прогремел Собайл. «По местам!» Артиллерия, в километре или около того, внезапно загрохотала, как барабаны огромной марширующей группы музыкантов. Линия горизонта осветилась пульсирующими вспышками. Недалеко от водостока солдаты Андромана собирались для еще одной попытки пробраться через плац.

Крийд встал. Кровь текла из разорванной плоти на его щеке, а его плечо пульсировало. Он мог чувствовать, как плоть набухала. Пальцы правой руки онемели.

Добраться до места было издевательством. Из двух сотен и пятидесяти личностей, которые составляли ТП 137, около сорока собрались в промозглом водостоке. Крийд не знал, значило ли это, что остальные погибли, или были просто где-то еще, сбитые с толку. Еще один вопрос в его список. Этот кусок 137-го, казалось, стал «основным отрядом», потому что ему посчастливилось иметь в своем составе как комиссара, так и сержанта.

Сохранившихся остатков predetermined огневых команд или отрядов почти не осталось. Люди просто объединились с людьми, которых знали, в штурмовые команды, примерно одинаковые по числу тел.

Крийд объединился с ватагой Ганиеля, вместе с Багирсом, Розеткой, Траском и Форбоксом. Он увидел Глыбу в другой толпе с Капралом Карвелом. Глыба смущенно и удивленно осматривался. Порез на его глазу начал сильнее кровоточить.

«Где твое оружие? Где вверенное тебе оружие, рядовой?» прокричал Собайл.

Глыба внезапно осознал, что комиссар обращается к нему. Он огляделся и заморгал. Его руки были пусты, и они давно были пусты, а он даже не заметил. В последний раз, когда Крийд видел винтовку Глыбы, она лежала в воронке. Она, возможно, была все еще там.

«Думаю, я уронил ее,» начал Глыба. Он попытался изогнуть свои губы в улыбку, но отличительный смех не раздался.

Нет, нет, нет, подумал Крийд. Глыба не понимал, к чему он идет. Он не думал.

Ты не роняешь свою винтовку. Ты не теряешь свою винтовку. Гвардеец защищает вверенную ему винтовку ценой своей жизни, и наоборот. Это было основное и фундаментальное знание.

«Грубое нарушение, статья 155,» сказал Собайл и выстрелил Глыбе в голову. Глыба дернулся, как будто ему сказали ошеломительные новости. Это, определенно, не были смешные новости, потому что он не засмеялся. Он упал, обмякнув, и ударился головой по стене водостока, падая.

Последовал момент, когда даже артиллерия показалась тихой. Это был первый десять-девятью, свидетелем которого Крийд когда-либо был. Он почувствовал себя плохо. За весь день, наполненный потерями и отчаянием, это было самой дерьмовой вещью.

«Кто-то еще?» спросил Собайл, убирая в кобуру пистолет.

Все посмотрели в сторону. Они не хотели встретиться взглядом с Собайлом, или смотреть на Глыбу.

«Эх, дерьмовые скальпы!» бросил Кекси. «Если хотите быть настоящими чертовыми Гвардейцами, тогда лучше покажите мне и Императору, из чего вы сделаны. По свистку...» Сержант дунул в свисток. Они выбежали из укрытия и побежали, оставив Глыбу в тених с дымом, спокойно поднимающимся из раны, которая убила его.

VII

Отряд Капрала Ганиеля достиг западного угла большой укрепленной огневой позиции без происшествий.

Они все выдохлись после рывка через открытое пространство, и были напряжены от страха, когда делали его. Позади них, дым клубился от разбросанных камней. Шумная перестрелка бушевала позади ряда складов, выбрасывая трассеры и вспышки в снижающееся небо, и они могли видеть, как команда Капрала Карвела разошлась веером и бежала к восточному краю здания. Случайный, почти уставший пушечный огонь лениво рывкал с высокой крыши, и поднимал в воздух грязь вокруг них.

Вблизи здание было темным и тусклым. Оно было построено не из камня, а из какого-то синтетического материала или полимера, и обито просмоленными деревянными досками. Крийд мог видеть секции из смолы там, где оружейный огонь пробил дерево. При ближайшем рассмотрении, оно выглядело менее похожим на полимер, и более похожим на кость или окаменевшую ткань. Вблизи ощущался запах. Это был теплый, животный запах, слегка тошнотворный, слегка пряный. И он был совершенно неприятным.

Сзади подошел сержант с еще одним отрядом.

«Вперед!» проворчал он.

«Здесь нет двери, сержант,» сказал Ганиель.

Над головой провыла ракета и сотворила мощный взрыв позади разбитой морской стены. Два истребителя – Удары молний, решил Крийд – пролетели над огневой точкой на уровне крыш и направились к северным районам К'эздрок'атт Шет Магир. Городской пейзаж был густо усеян столбами дыма, как деревьями в лесу.

Подошел Собайл с еще одним отрядом. Он где-то нашел священника. Человек, слабый и нездоровый, хрипло дышал, когда бормотал слова прощения и благословения раненому.

Отряд Карвела обошел огневую позицию с восточной стороны. Они уже отсутствовали около тридцати секунд, когда раздался шипящий взрыв, который разорвал воздух, как сухую бумагу, и появилась вспышка за углом, за которым они исчезли.

Кекси приказал команде Ганиеля выдвинуться, чтобы проверить. У них не было личных воксов. Или не было свободных наборов микро-бусин, чтобы дать их ТП 137, внезапно повышенного до активного статуса, или такое крысиное отребье, как ТП 137 не заслужило такой дорогостоящей роскоши. У них в подразделении был вокс-офицер с полевым аппаратом, Колстековец, зовущийся Ходок, но Крийд не видел его после приземления. Возможно, он был мертв вместе с Майором Брюнделем.

Прикрывая друг друга с нервными поворотами лазганов из стороны в сторону, Ганиель, Крийд и Траск дошли до восточного угла. Багирс и Форбокс были рядом позади.

За углом пролежала широкая служебная дорожка, ведущая к погрузочным дверям, встроенным в заднюю часть огневой позиции, вход для тяжелых тележек составов с боеприпасами, идущих от бункеров. Территория была хорошо обработана по время первой фазы бомбардировки. Обстрел Флота не задел блокаузы с орудийными установками, но мастерски сровнял с землей ряд пустых бункеров позади них. Служебная дорожка была усеяна обломками и камнями от бункеров. Здесь было тихо, только немного плывущего дыма. Тяжелые орудия внутри огневой позиции были тихи уже несколько минут.

«Где Карвел?» спросил Ганиель.

Одна часть рокритовой дорожки дымилась с особенной силой. Дым поднимался от широкой, черной лужи из останков. Это были органические останки. Крийд почуял горящее мясо и сделал шаг назад.

«Карвел...» его вырвало.

Останки пяти человек лежали в темном, дымящимся, выгоревшем пятне. Они были испепелены, хотя некоторые их части тел все еще можно было опознать: черепа, грудные клетки, длинные кости, скрученные от жара винтовки.

Кости были черными с липким мясом и запекшейся кровью.

«Назад,» сказал Ганиель.

«Хорошая идея,» пробормотал Кекси. Он пришел за ними и взглянул. «Эх, бежим.» Он что-то сказал о танке, что Крийд не вполне отчетливо услышал из-за внезапного рева огнемета позади них, и порыв тепла ударил ему в затылок, пока он бежал.

Он никогда не видел танк, но он слышал и чуял его – глубокий, перемалывающий грохот двигателей, стук гусениц, вонь топлива. Согласно Кекси, танк спрятался в руинах бункера, охраняя служебную дорожку своим встроенным огнеметом.

Они бежали от него. Возмущенный, он выполз из своего логова и направился за ними.

«Назад. Назад. Найти укрытие!» кричал Кекси, когда они соединились с остальными. «Вражеская бронетехника прямо за нами!»

Собайл начал бежать. Они все начали бежать, рассыпаться в стороны, но Собайл бежал так, что Крийда навело на мысль, что он больше не беспокоиться о своих обязанностях и ответственности, и определенно не собирается рисковать своей шкурой, чтобы и далее сохранять как единство отряда, так и дебилские жизни любого бракованного подонка, которого повесили ему на шею.

Крийд снова услышал рев огнемета, когда танк очищал укрепленную огневую позицию. Он высматривал укрытие, любое укрытие, заметил воронку в рокрите и бросился в нее.

Он уже был здесь раньше. В маслянистой течи на верху воронки лежала винтовка Глыбы.

VIII

Он оставался в воронке столько, что, казалось, прошло год или два. Он обхватил голову руками, но они не заглушали нарастающий звук стучащих траков и трясущейся машины. Хлещущий рев огнемета звучал подобно влажному ворчанию огра.

Послышались вопли. Послышалось множество воплей. Некоторые продолжались дольше, чем вопль мог терпимо продолжаться.

Он попытался заблокировать все это. Все, что он мог видеть, это кроваво-красное небо над головой, покрытое плывущим дымом, и случайным послесвечением от большой вспышки. Он продолжал ожидать, что его заблокирует черное, промасленное брюхо танка, когда он прогремывал над ним.

Свернувшись, как нерожденный ребенок, Далин Крийд чувствовал себя более смертным, чем когда-либо за всю жизнь. Вся энергия самообмана юности вытекла из него и оставила только осадок боли позади. Его потребности уменьшились до низменного, простого уровня, и стали такими вещами, которые взрослые люди высмеивают, как слабости, в столовой или барной комнате, или кричат от стыда, в крайнем случае. Например, в дыре в земле, на пути танка.

В этот момент, он понял с ошеломительной ясностью, что это случилось, раньше или позже, с каждым мужчиной или женщиной, кто стал Имперским Гвардейцем. Это был момент, когда личность встречалась лицом к лицу с фактом того, что все, чего он с бахвальством хотел – боевых действий, славы, боевых шрамов и репутации – было, без исключения, несбыточным и не имело значения или награды, и все, что он презирал, как мягкое и слабое, и малодушное, было всем тем, что произошло.

Он хотел, чтобы шум прекратился. Он хотел, так же, чтобы быть в другом месте, но шум был ключевой вещью. Шум был безжалостным, и ему было нужно, чтобы шум прекратился. Он хотел, чтобы боль на лице и плече ушли. Он хотел увидеть ма. Он хотел, чтобы ему снова было одиннадцать, играющим с бумажными корабликами вместе со своей маленькой сестрой в водосточных желобах палубы транспортного корабля.

В этой дыре в земле, так похожей на могилу, эти вещи приобретали внезапную и резонирующую ценность, которая была далеко за пределами комфорта или реальности. Было еще кое-что, по чему он так же тосковал, но он не мог решить что это. Лицо, может быть.

Он понял, что испытывает всеобщее солдатское прозрение, но не понимал, что должно произойти потом. Было ли это мимолетным? Было ли это тем настроением, которое приходило и уходило, или его сердце опустело, а его мужество навсегда исчезло? Исчезла ли его боевая отвага? Был ли он бесполезен в качестве солдата?

Что, на самом деле, произошло далее, было громким взрывом, яростным и содрогающим, который прозвучал, как будто две наковальни столкнулись на сверхзвуковых скоростях. Металлический удар причинил физическую боль, сотряс его кости и заставил заболеть носовые пазухи.

Затем последовал второй взрыв, более сильный, чем первый, и ревущий со звуком горения.

Крийд услышал приглушенный голос сержанта, как будто издалека. «137-ой! 137-ой, перегруппироваться! Перегруппироваться!» Прозвучал свисток.

Он выглянул из воронки и увидел фигуры,двигающиеся через плотные волны жара.

Волны плыли от огромного костра в двадцати метрах от него, массивной кучи черного материала размером с ярмарочный костер, раздутым от оранжевого пламени.

Крийд выбрался из воронки. Он посмотрел на винтовку Глыбы и задумался, должен ли он взять ее с собой. В конце концов, он решил вынуть силовую ячейку и забрать только ее.

Он шел сквозь омывающий жар к своему собирающемуся отряду. На земле лежали обуглившиеся и дымящиеся тела. Одним был солдат, которого Форбокс прозвал Розеткой. Его фигура сморщилась и уменьшилась от экстремального жара, но Крийд мог сказать, что это был Розетка, потому что, непостижимо, но лицо Розетки осталось нетронутым, как маска на черном, как смоль манекене.

Кекси собирал отряд. Признаков Собайла не было, что было единственной неплохой вещью, которая произошла с самой высадки.

«Что произошло с танком?» спросил Крийд Кирпичника.

Бинарец кивнул в сторону костра.

«Это он?»

Это был, несомненно, он. Никто в точности не мог сказать, что уничтожило танк, но самым лучшим предположением был случайный выстрел от чего-то большого издалека. Согласно сержанту, «Иногда такое дерьмо случается на поле битвы.»

Комиссар Собайл вернулся живым через несколько минут, так что и такое дерьмо тоже, несомненно, случается на поле битвы. Он заработал своим кнутом и проделал в двух солдатах новые дырки за то, что они потеряли свои шлемы.

Они пошли на север, вдоль линии огневых позиций, к чудовищной перестрелке примерно в километре. Титан, давно ушедший, сравнял с землей укрепленные огневые позиции на своем пути. Большинство из них горели и были открыты небу. Некоторые взорвались, извергая темную тягучую жидкость в широкие озерца у своего основания. Как будто здания кровоточили. Кекси предупредил их не идти рядом, но ни у кого и так не возникло такого желания, и никто не захотел заглянуть внутрь руин.

Они добрались до главной дороги, которая шла на восток через мрачный город. Река Имперских танков и легкой бронетехники плыла во внутренние районы, направляясь к супербашням с верхушками в виде тыквы в сердце К'эздрака. Истребители проносились над танками. Городской район на дальнем конце дороги, регион темных башен и странных, похожих на гребень, структур цвета вольфрама, превращался в пыль точечным орбитальным огнем. Ленты света, до слез яркие, обрушивались вниз сквозь запятнанные облака и, с содрогающим грудную клетку ударом, превращали жилые блоки в кружащиеся бури пепла.

Там, откуда они пришли, еще больше титанов ступали на фоне горящего горизонта, видимые по пояс позади крыш, как будто они переходят реку. Они были

громыхающими силуэтами на фоне янтарных сумерек, их руки ярко мерцали от выстрелов лазеров.

Крийду казалось, как будто весь город был в огне.

Еще одна волна десантных кораблей начала разливаться над головой.

На усыпанной обломками мостовой, ТП 137 встретился с быстрым потоком Гвардейцев, Колстекский полк, быстро продвигающихся во внутренние районы позади бронетехники. Здесь были сотни Колстековцев, регулярные воиска,двигающиеся быстро и упорно, с вымуштрованной точностью и суровыми невозмутимыми лицами. Кекси и Собайл кратко поговорили с их беловолосым командиром, который указал на что-то на карте.

«Внимание!» крикнул Собайл, когда они вернулись. «Слушайте своего сержанта. Он говорит голосом Императора!»

Крийд не был уверен, что Инструктор Кекси говорил голосом Императора. Судя по тому, как Кекси одарил взглядом Собайла, Кекси тоже не был согласен с такой мыслью.

«Выдвигаемся для поддержки,» медленно сказал Кекси, повысив голос над грохотом танков.

«В этом районе много врагов, так что мы идем с Колстековцами, чтобы очистить его. Разобраться по отрядам. Смотрите за моими сигналами, и присматривайтесь к Колстекским офицерам. Я не хочу дерьмовых безбашенных ошибок от вас, дебилы.»

Сержант перенял характерное выражение Собайла для них, которое, все еще нелестное, было одним шагом от «скальпов», худших из худших, самых новых их новых, свежесбранных голов цирюльником Муниторума.

Сержант проверил время, и они выдвинулись. Крийд был уверен, что его хронометр был сломан, потому что с проверкой времени было что-то не то, и никакое паузы, чтобы подстроить хронометр, не было.

На середине следующей улицы оружейный огонь замерцал из возвышающегося серого здания, которое уже интенсивно горело. Огонь вырывался из окон верхних

этажей. Множественный пушечный огонь прошелся по улице и двинулся к передним рядам наступающих Колстековцев. Все разбежались по укрытиям. Раздались ответные выстрелы, но слишком много Колстековцев было поймано на открытой местности, и они были просто срезаны, как стебли кукурузы.

Крийд забрался в укрытие, когда началась полномасштабная битва на улице. Отряды Гвардии отстреливались из всего, что у них было, а невидимый враг, казалось, увеличивал темп огня для уравнивания. Крийд сделал пару выстрелов, но был вынужден залечь из-за серии близких попаданий, которые проделали глубокие дыры в каменной стене над ним. Он чувствовал, как страх снова растет в нем, замораживающий, пригвождающий страх, который нашел его в воронке.

Именно в этот момент начался дождь из тел.

Это было так пугающе, так нереально, что он поначалу не поверил. Живые тела людей в полном облачении падали с неба на улицу или натыкались на поверхности зданий. Каждый удар был шокирующе сильным: извивающийся, живой человек упал на камни и мгновенно стал кровавым месивом, обернутым в порванную одежду. Слышались крики, очень краткие.

Только когда Крийд понял, чему он стал свидетелем, он поверил. Приближающийся десантный корабль был подбит вражеским огнем, и бока его фюзеляжа оторвались. Пока он с визгом летел вниз, солдат пониженным давлением вырывало изнутри, и они усеяли улицы.

Крийд увидел подбитый десантный корабль за секунду до того, как он врезался в башню и испарился. Казалось, что некоторые люди, выпадающие из него, выпрыгивают.

Тела сыпались вниз, ударяясь, как зрелые фрукты. Несколько Колстековцев на земле были убиты падающими телами. Здесь была мерзкая вонь сырого мяса и экскрементов. Кровавая дымка плыла по улице.

Это заставило Крийда проблеваться.

Он низко согнулся и потер свое лицо, чувствуя острую боль от удара кнутом по челюсти. Он снова начал бормотать *Я молю тебя* и посмотрел на свой хронометр. В

конце концов, это не было неправильным. В конце концов, проверка времени совсем не была неправильной.

Его разум отказывался принять это, но он был Гвардейцем всего лишь час. Казалось, прошли дни – ужасные, варварские дни – но, всего лишь час назад, он был чистым и опрятным, поднимающимся на платформе сквозь палубу транспортника двухметровой толщины с остальными из ТП 137, пока военный оркестр играл, а десантные корабли заводили свои двигатели.

Один час. Один час безумия и крови. Один час, более дикий, чем все часы его жизни, собранные вместе.

А он еще даже ни разу не видел врага.

ВРАЖЕСКАЯ ТЕРРИТОРИЯ

I

Даже на расстоянии они могли слышать, как гончие лают в своих загонах внутри города. Должно быть, собаки чуяли их приближение. Они содрогали бледный день своим воем.

«Собаки,» заметил Ладд, с хрустом пробираясь по вереску.

«Большие собаки,» поправил Варл с несчастным взглядом. «Фесовы большие собаки.» Ладд посмотрел на Гаунта. «Они нас учуяли, сэр?»

«Ох, я уверен, что так,» сказал Гаунт, «но дело не только в этом.» Он кивнул в направлении горизонта. Далеко, за колышущейся вересковой пустошью, на западе дрожал свет, вибрирующее свечение, ярче и белее, чем бледный дневной свет и затянутое облаками небо. Это было похоже на то, как если бы гигантское зеркало раскачивалось прямо за горизонтом, ловя и отражая солнечный свет.

Это шло с берега, в четырехстах километрах от них. Это шло от места, которое Разведка Флота обозначила, как К'эздрок'атт Шет Магир, одно из восемнадцати ключевых объектов на Гереоне.

«Вот это фесовые песни и пляски,» пробормотал Варл, глядя на световое шоу.

Кантибл не был одним из восемнадцати ключевых объектов. Он даже не был одним из ста тридцати вторичных, или одним из пяти тысяч и семнадцати объектов второй фазы.

На комплексной логистической диаграмме Высшего Командования, он появлялся среди списка, обозначенного *Третичные/для разведки*. Легкие разведывательные, исследовательские полки и полки проникновения были отправлены впереди главных штурмовых сил, чтобы обезопасить мосты и очистить линии продвижения. Кантибл, муниципальный и административных хаб для сельскохозяйственного пояса

провинции под названием Ловенса, защищал один из главных коридоров, идущих с запада на восток, между К'эздраком и центральным регионом Летрики.

Но даже это не было главной причиной, почему их отправили сюда.

Гаунт посмотрел налево и направо. Вся мощь Танитского Первого подходила широким веером по колышущемуся лугу от зоны высадки, которая находилась выше на местности. Легкая бронетехника поддержки, которая должна была встретиться с ними, с пытением пробиралась по проселочной дороге на юге.

Впереди был лес, затем широкие фермерские поля, а потом и сам город. Над деревьями Гаунт мог видеть толстый перст башни ратуши.

Он всегда обещал вернуться. Он всегда обещал вернуться и принести то, что сопротивление и люди Гереона заслуживали с первого дня, с самого первого Дня Боли. Он понятия не имел, какой сейчас День Боли, хотя прикидывал, что где-то в пределах двух тысяч. Слишком долго. Возможно, слишком поздно.

Гаунт не посещал эту часть страны в предыдущий раз, поэтому не мог напрямую сравнивать, но, казалось, что все здесь превратилось в мрачные руины. Все было как-то испорчено, испачкано, заражено. Небо, земля, растения, погода. Ядовитый отпечаток, которым захватчики пропитывали все.

В этой части Гереона была ранняя весна, но воздух был жарким и душным. Вересковые травы были желтыми и сухими. Слышался глухой, постоянный треск в воздухе, как будто шипело солнце.

Радиация зашкаливала. Связь по воксу была неустойчива и полна визгов и фантомных голосов.

Лес впереди выглядел так, как будто состоял из эшеля и таликса, но они выросли неправильно и были чахлыми, с ненормально отросшими деформированными ветками. Лиственный покров выглядел, как осенний, с оттенками красного и желтого. Времена года на мире перепутались.

Сельскохозяйственные угодья так же были испорчены. Мерзкий черный урожай, продукт интенсивной ксенокультуры, покрывал дальнюю сторону долины. Гаунт мог

чують спелые фрукты. Остальные участки земли, бесплодные и истощенные из-за химикатов, были выжженными и коричневыми от солнца.

Вонючая розовая корка нитратов покрывала границы загубленной земли. Невозделанные поля и мертвая земля тоже воняли.

«Бесплодная (Untillable),» пробормотала Кёрк, когда уставилась на поля. Она была плотно обернута в тяжелый защитный плащ. «Они высосут нас досуха и превратят все в Антилл.»

Гаунт кивнул, хотя ему все еще было не по себе от того, что она рядом. Он говорил Фарагуту держать «специалиста» Кёрк в задних эшелонах, но оба, она и Фарагут, пошли в передних рядах сразу, как только десантные корабли опустели.

«Нам нужно все это сжечь,» сказал Гаунт Роуну.

«Сельхозугодия?»

«Урожай. Весь.»

«Бростин будет рад. По-видимому ты хочешь, чтобы это произошло сразу, как только мы возьмем город? Горящие поля слегка выдадут секрет, что мы здесь.» Гаунт сделал жест, как будто мог поймать доносящийся звук. «Послушай собак, Эли. Они знают, что мы здесь.»

II

Так значит, подумал Каффран, это и есть знаменитый Гереон. Место одной большой операции Призраков, в которой большинство Призраков не принимали участие. Те, кто ушел, и вернулся назад живыми, говорили о нем впоследствии скрытным, внушающим благоговение тоном, как будто это была темная тайна, которую они хотели забыть.

Оно совсем не было таким. Просто еще одно место, которое Архивраг отфесал. Конечно, должно быть было тяжело зарываться здесь, прятаться вместе с сопротивлением на оккупированном мире все то время. Каффран в этом не сомневался. Может быть, поэтому Роун, Варл и остальные говорили об этом так, как будто это было чем-то типа эксклюзивного испытания или посвящения, через которое они прошли, и никто другой больше не смог. Члены миссии Стурма все еще держались слегка в стороне.

Нет, Каффран не сомневался, что это было тяжелое путешествие, но другие вещи в космосе тоже ведь были тяжелыми.

Например, скучать по Тоне все то время, и друзьям, как Бонин, Варл и Ларкс. Думать, что он все мертвы и никогда не вернутся. Думать, что мертв Гаунт. Из-за этого Командование отдало Призраков на сторону, и вернуло назад их только тогда, когда он вернулся, как... «Призрак,» мягко, вслух, сказал Каффран. Лес вокруг него был тих. Сухие листья хрустели на легком ветру и холоде, бледный солнечный свет пробивался сквозь лесной полог. Он держал свою лазерную винтовку у груди и остановился.

Он мог слышать и чувствовать горящие поля на отдалении. Так как ветер менял свое направление каждые несколько минут, сквозь деревья летели сажа и пепел. Запах был резким. Горело что-то плохое.

Наступающие солдаты были почти тихи. Не было никакой возможности предположить размер пехотных войск, приближающихся к Кантиблу.

Это место должно было на многое ответить. Все было не тем же самым с тех пор, как Гаунт и остальные побывали здесь впервые, и они не были теми же самыми с тех пор, как вернулись назад. Это не было просто вынужденным вливанием остатков Белладонцев. Они были хорошими людьми и взаимоотношения были хорошими, такими же хорошими, как между Танитцами и Варгхастцами после войны в улье. На самом деле, Каффран скучал по Полковнику Вайлдеру, и сожалел о его утрате на Анкреон Секстусе.

Различия, которые на самом деле имели значение, не были большими. Это были мелочи. Это были месяцы, проведенные, чтобы справиться со смертью Гаунта только для того, чтобы выяснить, что он вернулся. Это было словно обратная печаль. Каффран почти негодовал по этому поводу, и он был не единственным.

Тона и он не были так же близки после Гереона. Все стало немного лучше погода, но все равно было не так. Она сторонилась его. Он поначалу подумывал, было ли это какой-то разновидностью заразы Хаоса, но дело было не в этом. Она просто изменилась. Она видела такое, чего не видел он. Он больше не был кем-то, с кем она могла поговорить, по крайней мере, не о вещах, которые имели для нее значение.

Ладно, это изменится, начиная с данного момента. Он собирался сам попробовать на вкус печально известный Гереон. Он собирался узнать его так, как она знает его, и это поможет ему рассеять тьму между ними. Они вместе очистят Гереон, и вернуться к тому, с чего начали.

Каффран знал, что остальные испытали то же самое. Варл и Колеа всегда были близки, а Варл был самым большим шутником в подразделении, но с тех пор, как Варл вернулся, даже Колеа не удалось разговорить его о Гереоне.

Призраки шли мимо него. Каффран осознал, что он замедляет линию. Он пошел вперед сквозь пятнистый солнечный свет.

«Все в порядке, рядовой?» проходя мимо, спросил Харк.

«Да, сэр,» сказал Каффран, возвращаясь в игру.

Харк посмотрел на него с почти сочувственным выражением. «Я знаю, о чем ты думаешь,» сказал он.

Каффран заморгал. Знает? О Тоне и Гереоне, и обиде на Гаунта, и –

«С нем все будет в порядке,» кивнул Харк и пошел вперед.

Каффран проклял себя, виновато и молча. Харк ошибался, потому что Каффран, настолько погрузившись в мысли, совсем не думал о том, о чем надо было. *Совсем.*

Далин. Фес!

Зайдя на пятьдесят метров в лес, Эзра ап Нихт остановился, медленно снял солнечные очки и заморгал на свету. Он притронулся пальцами левой руки к стволу дерева.

Гаунт говорил ему, что это Гереон, что они возвращаются на Гереон, но это не был Гереон. Это было мертвое место. Он мог чувствовать вонь смерти, так же уверенно, как человек может чувствовать вонь смерти от другого человека, пораженного болезнью.

Если это был Гереон...

Эзра снова надел солнечные очки и зарядил рейнбоу.

III

«Рервал?» тихо спросил Гаунт.

Адъютант Колеа вслушивался в свой передатчик еще немного, затем снял наушники.

«Бечевка докладывает, что они будут на позиции через десять минут, сэр,» сказал он.

«И когда они говорят о позиции, мы можем утверждать, что оба говорим об одном и том же месте?»

«Я сейчас проверю их координаты,» сказал Рервал.

«Тогда хорошо,» кивнул Гаунт. «Бел?»

Рядом, прислонив свой вокс-передатчик к стволу кривого дерева, личный адъютант Гаунта, Белтайн, аккуратно подстраивал его. Модифицированный громоздкой дополнительной силовой ячейкой и низкочастотным трансмиттером в форме S, его вокс был определенно нестандартным.

«Белтайн?»

Белтайн покачал головой. «Ничего, сэр.»

«Все еще ничего?»

«Я попробовал Дневную Звезду и Фонарь Мотыля. Ничего.»

«Пожалуйста, продолжай пытаться. Оставайся здесь и пробуй еще.»

Белтайн кивнул.

Гаунт махнул Капитану Мерину из Роты Е. «Он под твоей ответственностью, Мерин,» сказал Гаунт.

«Приставь к нему охрану. Постоянно шесть человек.»

«Сэр,» сказал Мерин.

Гаунт повернулся и прошел несколько шагов к краю поляны. Баскевиль дал ему бинокль.

«Может быть множество причин, почему они не передают,» сказал Баскевиль.

«Я знаю,» сказал Гаунт, подстраивая бинокль для четкого вида города.

«И не только плохие,» продолжил Баскевиль. «Отключение энергии. Поломка вокса. Атмосферные...»

«Я знаю. Мы их скоро найдем. Мы готовы?»

Баскевиль кивнул. «Я получил отстуки от Роуна, Колеа, Даура и Колосима. Варэйн, Камори, Домор и Обел на склонах. Толпа Аркуды прикрывает реку.»

«Мколл?»

«Когда это Мколл был не на позиции?»

«Верно подмечено.»

Небо, к югу от них, было затянуто дымом от полыхающих полей. Город, широкий кластер серо-зеленых кварталов и башен позади стены на гребне холмы, был тих. Собаки затихли.

Ладд с Харком прошли по лесу позади Гаунт и Баскевиля, и стояли с ними.

«Готовы?» спокойно спросил Харк.

«Позиция Бечевки подтверждена,» ответил Рервал.

Гаунт поджал губы. *Бечевка* было оперативным позывным для легкой бронетехники Дев Хетры, помогающей им.

«Передай им зарядиться и стоять на месте. Они не стреляют без прямого приказа от меня.»

«Понял, сэр.»

«Убедись, что и они тоже.»

«Бечевка,» мечтательно сказал Харк. «Знаешь, Ладд, на некоторых театрах боевых действий, все еще принято, чтобы комиссары носили хлысты.»

«В целях стимулирования, сэр?» спросил Ладд.

«Естественно. А какая еще цель может быть?»

Ладд пожал плечами. «Духовное смирение?» предположил он.

Харк фыркнул. «У тебя слишком много времени для раздумий, Ладд.» Гаунт посмотрел на них обоих. «Если вы разобрались, могу я начать атаку?»

«Конечно. Извини,» сказал Харк. «Я просто рассказывал мальчику. Комиссар с кнутом--»

«Лучше бы не показывался, когда я неподалеку,» сказал Гаунт. «Сейчас не Темные Века.»

«Оу,» весело улыбнулся Харк, «я тоже так думаю.»

Гаунт постучал по микро-бусине.

«Мколл?»

«К вашим услугам.»

«Вперед.»

«Пошел.»

Гаунт повернулся и вытащил свой силовой меч. Его активирование было именно тем сигналом, который требовался Баскевилю. Он показал на Рервала, который тотчас послал код для наступления.

Вдоль заросшего поля и кустов перед деревьями, первые ряды Призраков поднялись, с нацеленным оружием, низко пригнувшись, и начали быстро продвигаться к городу.

IV

Самый призрачный из Призраков просочился сквозь солнечный свет в сторону подножия городской стены. Они не делали ни звука, а их знаки были такими слабыми, что даже их руки шептали.

Не торопясь, Мколл, начальник разведчиков, шел от одной тени к другой, переливаясь из одного темного места в другое. У него был хороший вид на стену. Пост, два охранника в зоне видимости. Он поднял руку, дернулся пальцами и передал информацию.

Бонин двигался вперед в пяти метрах слева от него. Их навыки были идентичными, но их методы достижения тишины абсолютно различались. Это была странная деталь, которую только настоящие эксперты в разведке могли заметить, а у каждого Танитского разведчика была его собственная «изюминка» тихого передвижения. Мколл перетекал, как жидкость, проходя сквозь уровни тьмы. У Бонина был сухой дрейф, как у тени,двигающейся вместе с солнцем.

Каобер, в свою очередь, всегда казался на периферии зрения, всегда там, пока вы не посмотрите второй раз. Каобер, который был разведчиком с самого Основания, сохранял полковую специализацию пока Мколл, Бонин и Мквеннер отсутствовали на миссии на Гереон. Он проделал хорошую работу, и привел несколько новичков. Мколл был в долгу перед ним за это.

Жажжо был одним из тех новичков, повышенный до разведывательных операций после Айэкс Кардинала, первый Вергхастец в специализации. Его крепко усвоенные навыки были более индустриальными и механическими, чем у рожденных на Таните. У него никогда не будет их интуитивной грации, но Жажжо была сама сосредоточенность. Это было так, как будто он оставался тих и невидим силой воли.

То, что выглядело, как сады или огороды, покрывало склоны снаружи городской стены. Участки земли сильно заросли сорняками и ромашками. Вредители носились под покровом сухих листьев. Жажжо, пригнувшись, пролез под разбитыми воротами, и прошел между рядами деревянных навесов и мимо заросшего культиватора. Он

присел, в двадцати метрах дальше и правее Мколла. Он заметил еще пятерых охранников на городской стене над ним. Он подал знак об этом Мколлу.

Справа от позиции Жажжо был низкорослый кустарник и совершенно сухой загон, усеянный мумифицированными тушами животных. Хвлан, который передвигался скловно дым, занял точку у ворот и обеспечивал прикрытие, пока Маггс и Лейр пересекали загон в сторону зарослей зимнего утесника. Лейр был Танитцем, и передвигался так же неслышно, как медленно тающий лед.

Вес Маггс был Белладонцем, одним из главных специалистов по разведке в Восемьдесят Первом. Весьма хороший в том, что он делал, ему пришлось учиться с самых основ правилам, чтобы быть наравне с Танитскими экспертами. Он все еще был в небольшом благоговении от Мколла, и это уважение имело тенденцию ослеплять его насчет его собственных способностей.

Маггс был низким и широкоплечим, и у него был шрам, идущий вертикально вниз от уголка левого глаза. Вне службы его рот смог бы дать Варлу достойной состязание. У него, так же, был свой собственный стиль. Он назывался «старайся изо всех сил, чтобы тебя не увидели и не убили».

Он заполз в утесник на животе, перекатился в сухую грязную яму рядом с мертвым корнем и выглянул. *Чисто*, показал он Лейру, который передал это дальше.

Маггс работал плечами, чтобы посмотреть в другую сторону. Городская стена была сделана из камня, и покрыта чем-то вроде досок из серо-зеленого материала. На расстоянии десяти метров от них была дверь. Не главные ворота и даже не какие-нибудь второстепенные, какой-то вид шлюза или ливневого люка. Может быть, для сброса отходов.

Слишком много показывать. Он послал «второстепенный вход» и его положение.

Мколл кивнул на это.

Маггс метнулся сразу, как только ему пришел кивок. Секунду на солнечном свете, а затем в холодной тени у основания стены, прижавшись к холодным, вонючим доскам. Он прошел вдоль нее. Город был ужасающе тих. Место должно было быть начеку из-за того, что упало с неба этим утром.

Гончие скулили, поля горели, но место было тихо.

Он подошел к двери. Это был деревянный люк, высотой в половину роста человека, плохо вделанный в стену. Он был закрыт на засов, а засов был закрыт на древний висячий замок, но дерево было сырым и волокнистым. Маггс начал ковырять его своим боевым ножом, отрывая засов от мягкой доски.

Позади него, в утеснике, Лейр увидел, как приближается охрана. Один вражеский солдат в грязной зеленой боевой броне прогуливался по заросшим канавам возле стены, проводя быстрый осмотр дренажей и сточных труб.

Лейр постучал по своей микро-бусине и Маггс поднял взгляд и увидел приближающегося охранника. Рекомендованной практикой в этот момент было, чтобы Маггс сжался и спрятался там, где был, и позволил Лейру пригвоздить охранника сзади.

У Маггса были другие мысли. Он застучал клинком ножа по ржавому засову, как будто стучал маленький молоточек.

Какого феса, Маггс? заморгал Лейр, снимая с предохранителя, чтобы сделать выстрел, который, он был уверен, понадобится.

Охранник услышал стук, и направился прямо к его источнику. Как только он прошел по канаве к двери, Маггс сразу же поднялся на ноги одним плавным движением и вонзил свой клинок ему в шею. Маггс заключил его в объятия и забрал с собой в укрытие. Мгновение ока, и они оба уже были вне поля зрения.

Маггс отогнул засов и осторожно открыл дверь. Он был вынужден поддерживать обмякшее тело охранника, так что они делили одну канаву. Он пристально посмотрел внутрь.

Это был ливневый или канализационный сток, встроенный в стену, чтобы вода стекала в канаву. Дверь была простой крышкой на гораздо меньшем отверстии, сливы под основанием стены были заблокированы, по всей длине, тремя тяжелыми коваными железными решетками. Даже без решеток, сток был слишком мал, чтобы человек мог проползти там.

Однако, земля была сухой. Сток высох и расширился за месяцы без дождя, и стал пыльной, обезвоженной дырой, отрывающейся от фундамента каменной стены, как больная десна от зуба. Маггс мог легко достать и раскачать ближайшую решетку.

Он сделал знак Лейру. *Скажи Мколлу. Мы внутри.*

V

Прошло еще десять минут. По приказу Баскевиля, первая волна Призраков снова пошла вперед, приближаясь к склону стены, держась низко и используя в качестве укрытия ломкий мертвый подлесок.

Один из охранников на стене, в конце концов, заметил их, или, по меньшей мере, заметил движение на крутых откосах и насыпях внизу под стеной. Раздался крик, а затем древний стаббер начал плеваться медленными, отрывочными выстрелами вниз по склонам. Пули рвали растения и сухие листья, вздымая вверх похожие на бумагу обрывки. Пули производили высокотональное жужжание, когда прорывались сквозь земляной покров. Через мгновение начало стрелять второе орудие, затем третье. Лаз-локи затрещали с платформ на стене. Затем послышались отрывистые *тунк! тунк!* минометов, высоко подбрасывающих снаряды с дворов за стеной. Минометный снаряды вскоре падали на посевные участки и выбрасывали в воздух горячую, песчаную пену из дыма и земли, каждый с огненным сердцем, каждый, превращающийся в плотный дым, который уплывал вниз по склону.

Огонь минометов усилился.

«Разрешите наступать?» спросил Баскевиль Гаунта.

«Разрешаю,» сказал Гаунт.

Призраки, разошедшиеся веером на склонах ниже города, начали стрелять. Лазерные заряды дождем обрушились на верхушку стены. Расстояние было плохим, но усилия были больше для того, чтобы подавить вражеских стрелков. Команды легкой поддержки, находящиеся у края леса, открыли огонь. Сина и Арилл, Серч и Лоелл, Белкер и Финз, Мелир и Каилл, стрелки и заряжающие. Их орудия большого калибра начали свое *такка-такка-такка*, как гигантские швейные машинки, мощный огонь украсил главные ворота тысячами маленьких завитков дыма.

«Приступайте,» воксировал Гаунт, выдвигаясь вперед.

Снайперы полка ожидали этого. Все заняли свои позиции и у всех были свои цели. Жесси Бэнда наблюдала за головами вражеских часовых на стене сквозь свой прицел.

«Как банки на пне,» пробормотала она, когда прицелилась.

Голова взорвалась облачком красного. Бэнда моргнула, чтобы убедиться, что она правильно рассмотрела.

Рядом Несса Бурх оторвала взгляд от своего лонг-лаза. «Как банки на пне,» ухмыльнулась она, произнося слова слегка гундоса из-за глухоты.

Снайперы установили постоянный темп стрельбы, убивая каждую фигуру, которая была достаточно тупой, чтобы появиться на стене.

Скорострельность Ларкина была самой высокой. Пять убийств за три минуты. Он оставил одну цель свесившейся через парапет.

Что-то значительное взорвалось позади стены и минометы затихли. Разведчики делали свое дело внутри.

За стенами старый торговый городок был больным, разбитым местом. Грязь усеивала улицы, а все здания были в жалком состоянии, хотя многие, как городские стены, были отремонтированы или переоборудованы с использованием мешанины из неприятных материалов, которые нельзя было непосредственно опознать. Здесь была серо-зеленая обшивка, которые напоминала и доски и олово, и странная, похожая на смолу субстанция. Стены были укреплены опорами и железными балками, которые начали ржаветь, а множество крыш обвалилось. Городские статуи были разбиты и, местами, на стенах были отметины от старой перестрелки. Оккупанты украсили место мертвенно-бледными письменами, омерзительными шрифтами, тошнотворными граффити, которые расстраивали разум.

В воздух был запах, насыщенный и болезненный, и человеческие останки – кости по большей части – валялись везде. Это было так, как будто вместе того, чтобы захватить город и оккупировать его, Архивраг свил здесь гнездо.

Тихо пробираясь от входа, который обеспечил Маггс, разведчики приступили к работе. Жажжо и Каобер проследовали в тених через несколько боковых улиц, пока

не дошли до широкого, вымощенного двора под стенами, где восемь минометов были установлены на деревянные паллеты. Высокие слуги Хаоса составляли расчеты орудий. Они были мерзкими созданиями в серой чешуйчатой броне, высокие медные воротники механических голосовых коробок покрывали их рты и носы. У большинства были импланты в глазных впадинах. Некоторые применяли палки и кнуты на команде полуголых, истощенных бедняг – кожа, кости и лохмотья – заставляя их доставлять снаряды от штабеля с боеприпасами для орудий. Бедняги были заключенными, пленниками, ужасно тощими и запуганными, на их лицах были выжжены стигматы.

Каобер показал Жажжо, чтобы он привлек внимание выстрелами и отбил рабов, пока он выдвигается с трубчатыми зарядами, чтобы взорвать орудия.

Жажжо кивнул и пошел вперед, рядом с какими-то железными лесами, во двор. Без колебаний он открыл огонь, стреляя очередями лазерного огня по расчетам минометов. Две бронированных твари упали. Остальные повернулись, рассредотачиваясь, тянувшись за своими лаз-локами. Жажжо выстрелил еще несколько раз и сбил с ног еще одного. Рабы, на полпути между боеприпасами и орудиями, остановились и просто уставились на Призрака.

«Идем! Идем!» крикнул Жажжо, стреляя из лазгана с одной руки от бедра, пока второй яростно делал жесты. «Сюда!»

Никто из них не двинулся. Они просто глазели, с тупыми и пустыми взглядами. Некоторые все еще качали минометные снаряды на руках, как детей.

Каобер подготовил свои трубчатые заряды и спешил к нему. Он был озабочен тем, что люди не двигались. Они все еще были в радиусе поражения взрыва, который он не мог отменить.

«Идем!» снова крикнул Жажжо.

Опять пустые взгляды.

Выругавшись, Жажжо пошел к ним, выстрелив между двумя из них в одного из расчета, который добрался до своего лаз-лока. Серые чешуйки отлетели от разбитой

брони твари, когда лазерные заряды Жажжо пролетели сквозь нее и сбили на спину.

«Идем. Шевелитесь!»

Еще два врага завладели оружием и начали отстреливаться. Один выстрел из лаз-лока пролетел прямо над головой Жажжо. Другой, поспешный, попал в спину одному из застывших рабов. Человек, казалось пожилой, хотя надругательства могли беспощадно состарить его раньше времени, упал вперед замертво.

Снаряд, который он покачивал, покатился, стуча, по булыжникам.

Рабы остались стоять. Они не побежали, чтобы помочь ему, они не разбежались в страхе в поисках укрытия. Они на мгновение медленно повернули головы и с пустыми взглядами посмотрели на тело.

Жажжо вбежал среди них, все еще посылая выстрелы во врага.

«Идем!» закричал он, дергая за сопротивляющиеся руки и вялые плечи.

«Шевелитесь, во имя гака! Шевелитесь!»

Так близко, что он мог чувствовать их запах. Зловоние заставило его блевануть. Скверна, покрывающая их, была невероятна. Он мог видеть вшей и клещей. Их кожа ощущалась, как хлопок, тонкая и висящая на скелетах, там, где весь жир в теле исчез.

«Идем!»

Еще один выстрел из лаз-лока разнес голову женщины, которую он тянул. Ее тело прикрыло его. Когда она упала, Жажжо, без слов, поднял свою лазерную винтовку к плечу и открыл яростный огонь в полном автоматическом режиме в сторону миномета, обстреливая всех вражеских тварей, которых мог увидеть. Двое упали. Один закрутился, сбив миномет с трипода с глухим стуком.

Жажжо попятился назад, выпуская еще заряды. Больше не было времени. Времени для сострадания.

«Давай!» крикнул он в отчаянии.

Каобер сорвал ленту детонатора и кинул связку зарядов среди минометов. Он и Жажжо нырнули в укрытие.

Когда они поднялись, в клубящемся дыму, минометы были уничтожены. Все рабы лежали на земле, сбитые с ног взрывом.

«Я хо--» начал Жажжо. Каобер схватил его и отдернул назад. Не было никакого смысла проверять, остался ли кто-нибудь в живых. Попытка была бы такой же напрасной, как попытка спасти их с самого начала. Им нужно было уходить.

Все еще было дело, которое нужно сделать.

Мколл услышал и почувствовал взрыв, который заткнул минометы. Он был в двух улицах от двора, с Хвланом, направляясь к воротам. Он ожидал встретить большее сопротивление в городе. Место было полупустым. Они увидели нескольких вражеских гвардейцев, фантомов в чешуйчатой броне, которых, Мколл узнал это при своем предыдущем визите на оккупированный мир, называют экскувиторы, и убрались у них с пути. Экскувиторы спешили к стенам, призванные встретить атаку снаружи, которая началась пятью минутами раньше.

Здесь, так же, были и вражеские солдаты, люди, одетые в полированную зеленую боевую броню. Они бежали отрядами, под командованием экскувиторов или офицеров-сирдаров. Некоторые ехали на побитых грузовиках или хрипящих паровых машинах. Кантибл мобилизовал защиту, но где было все население?

Большинство домов и коммерческой собственности, мимо которых стремительно продвигались разведчики, были заброшены и пусты.

На ум Мколлу пришло, что здесь не было людей, потому что, как и любой ресурс, их задействовали.

Он видел такой процесс, полузаконченный, до того, как покинул этот мир первый раз. Оккупация прогрессивно эксплуатировала и расходовала чистые ресурсы Гереона: производство, минералы, урожаи, воду, плоть. Обширные территории страны были отданы под ксенокультуру, производящую генномодифицированные или загрязненные варпом посевы, которые истощали землю, высасывая питательные вещества из почвы. Посевы питали оккупационные войска, и, кроме того, собирались

в таких количествах, что их можно было переправить с планеты, чтобы снабжать ненасытные армии Архонта. За несколько лет, пока процесс не убьет плодородность, Гереон будет одной из хлебных корзин Архиврага в этом регионе. Топливо и металлы идут тем же путем. Однажды, с изумленным взглядом, Мколл наблюдал, как два жехгенеша, твари варпа, были преднамеренно выпущены в водные источники Гереона оккупантами. Эти... *создания*, выпивали озера, моря и водохранилища, и извергали воду сквозь варп на отдаленные, безводные миры, находящиеся во власти Архиврага. Он помогал убить обеих их них.

Плоть была, всего лишь, еще одним товаром. Тех из населения Гереона, кто не стал неофитами и новообращенными в новую веру, превратили в рабов, бесправных и без чувства собственного достоинства.

А еще точнее, этих скормили мясоперерабатывающим заводам, где плоть их тел была отделена, чтобы предоставить врагу источник запасных частей и трансплантатов. Мертвые, бесполезные и нежизнеспособные, питали печи, которые поставляли энергию на большинство гнустных новых предприятий Гереона, и небо освещалось красным в сумерках. В конце концов, печи ждали всех.

За долгие месяцы и дни боли, с тех пор, как он был тут в последний раз, Мколл осознал, что человеческие, как все конечные ресурсы, начали истощаться. Гереон был близок к истощению. Как и боялся Гаунт, и по секрету говорил Мколлу, они опоздали с освобождением.

Мколл с Хвланом неслись через высохшие, мертвые оболочки домов и производственных помещений. В каждой комнате была жаркая, застойная атмосфера и пожелтевшие признаки запущенности. Все было иссохшим и отслаивающимся. Стекла на окнах, там, где они еще были, были грязными, цвета амасека. Плесневелый грибок и ядовитая плесень, фиолетовая и пятнистая, были повсюду на стенах и потолках. Множество мертвых мясных мух, как горсть угольной пыли, усеивали каждый подоконник.

Они прошли сквозь похожее на склеп здание, которое когда-то, наверное, было мясной лавкой. В цеху, деревянные прилавки были темно коричневыми, и остатки сухого мяса висели на железных крюках, которые медленно покачивались на длинных черных цепях.

Хвлан подошел к задней двери и проверил, что снаружи.

Главные ворота, показал он, шестьдесят метров.

Мколл кивнул. Он снял холщовый ранец с плеча и положил его на один из разделочных столов. Один за другим, он вытащил трубчатые заряды, проверил каждый, и положил их друг к другу. Двадцать, и один, Роун положил его, «на удачу». Майор Роун, который знал о таких вещах, спасибо тому, что он объяснял, как «потраченная юность», лично сделал детонатор. Это был простой переключатель, приводимый в действие ртутью в уравновешенной емкости, стеклянном пузырьке, размером с мизинец Мколла. Перемещенная от удара или изменения положения, ртуть потечет вниз по пузырьку и замкнет контакты.

Мколл связал заряды и прикрепил к ним детонатор, прикрутив провода, которые шли от детонатора до крышек зарядов. Всего лишь маленький пергамент, расположенный между детонационным спуском и резервуаром, наполненным ртутью, делали оружие безопасным.

Стрельба снаружи усилилась. По опыту Мколла, у них было около десяти минут до того, как успех тайного проникновения не будет иметь никакого значения. Десять минут, чтобы достичь цели и доказать тактическую ценность разведчиков.

«Транспорт,» сказал он.

Хвлан, пригнувшийся у задней двери, с удивлением посмотрел на него. Это был первый раз, когда кто-нибудь из них говорил вслух за последние двадцать пять минут.

«Нам нужен транспорт,» расширил мысль Мколл. Он рассчитывал заиметь грузовик, трактор или что-то подобное. А теперь, когда они были здесь, внутри, он видел, как были ограничены ресурсы.

Хвлан подошел к задней двери. Позади был двор, примыкающий к нескольким сараям, которые, предположил он, служили для копчения или вяления мяса. В одном из них было видно что-то, вроде тачки.

«Дайте проверить, шеф,» сказал он, и вышел наружу.

Мколл ждал. Он услышал шаги, марширующие по дороге, и пригнулся под разделочным столом. Тень отряда экскувиторов прошла по покрытым грязью окнам.

Ручная тележка была бесполезной. У нее не было задних колес. Держа свой лазган на сгибе правой руки, как егерь, Хвлан подошел к сараям и обнаружил, что они стоят спиной к пристройке соседнего хозяйства. Он пересек узкий, тенистый двор и встал на цыпочки, чтобы посмотреть в окно.

Хвлан вздохнул.

Это была детская комната. Место было обшарено уже несколько раз до этого, и осталось гнить в беспорядке, но он мог видеть маленькие деревянные кубики, выкрашенные в яркие цвета, разбросанные по полу, изорванные останки кукол, и кое-какие неидентифицируемые кучки тряпья.

И, рядом с ним, детская коляска.

Он попытался открыть дверь. Замок был выбит давным-давно. Внутри был ужасный заплесневелый запах спертых воздуха, сухого гниения, разложения.

Он впервые осознал, со странной дрожью, что здесь совсем не было паутины. Арахниды, как крысы и вши, сопровождали человечество к звездам и проникали во все жизненное пространство. Что случилось со всеми пауками здесь? Было ли это что-то такое, связанное с Хаосом, что прогнало их, или – а у Хвлана всегда был пунктик насчет пауков – были ли отсутствие паутины признаком того, что пауки каким-то образом сговорились с Губительными Силами? Он не собирался прощать им такое, маленьким мерзким засранцам.

Размышляя о потенциальном зле от всех восьминогих тварей, Хвлан пересек комнату до перевернутой коляски. Без усилий и искусно, его ноги избегали любой валяющийся объект на его пути. Он сделал шаг в сторону, чтобы обойти кучу тряпья, чтобы добраться до детской коляски.

Куча тряпья была живой.

В мясницкой, Мколл замер, когда услышал эхо пронзительного визга из соседнего здания.

С плавным, экспертным спокойствием, он взял свой ранец и связку трубчатых зарядов, и положил их под стол, вне поля зрения. Затем он присел за большим, покрытым хромом, чаном.

Задняя дверь открылась. Два экскувитора, встревоженные криком, сошли с дороги и усталились внутрь. В укрытии, Мколл мог чують сладкий запах их масел и мазей, которые они использовали для нанесения на плоть. Это был запах, который он не чуюл давно, но он не забыл его. Он сжал рукоять своего лазгана.

«Эшет тюд г'хар вез?» сказал один экскувитор другому. *Что это был за звук/шум здесь/в этом месте?* Звуки трещали из голосовых коробок на их медных воротниках.

«Вой юдерета хаспа клой к'шулл мёк,» ответил другой. *Иди к остальным/сведи за обязанностями, пока я посмотрю/проверю/поищу.*

Как и Гаунт, и остальная часть команды операции Стурм, Мколл изучил основные элементы языка врага в качестве навыка для выживания.

«Десюк? Сейн вон шет?» *Ты точно/уверен?*

«Сюкде. Жж'жан фер гас третек иригаа.» *Иди/Я уверен. Здесь ничего, но я, тем не менее, должен проверить.*

Один из экскувиторов повернулся и пошел. Другой вошел у комнату, целясь из лаз-лока от груди.

Мколл встал, держа свой лазган вне поля зрения. Экскувитор вздрогнул, поворачиваясь, чтобы прицелиться в него.

«Элетрита ж'ден кух тарейа фа!» сказал Мколл. *Хорошо, что вы здесь! Посмотрите сюда/посмотрите на вещь, которая у меня есть!*

«Ябаш йе кух тарей?» сказал экскувитор, делая шаг вперед. *На что я должен посмотреть/должен изучить для тебя?*

«Серебряный клинок,» сказал Мколл, и воткнул свой Танитский боевой нож в лоб экскувитора. Экскувитор выронил свой лаз-лок и дотронулся обеими руками до пронзенного черепа. Мколл нагнул экскувитора на разделочный стол, левой рукой

держа череп твари, давя, чтобы нож вошел глубже. Грязная кровь хлестала из раны на рукоять ножа Мколла. Экскувитор забился в конвульсиях и обмяк.

Мягко, Мколл опустил тело на пол, вместо того, чтобы позволить ему упасть. Он выдернул нож. Другой экскувитор снова появился в дверном проеме.

VI

Экскувитор замер. Он увидел свежую кровь на разделочном столе, и тело своего товарища, скрюченного на полу. Он начал говорить и, в то же самое время, начал поднимать свой лаз-лок.

Мколл сделал движение запястьем и метнул окровавленный кинжал. Он вонзился, лезвием вперед, в левый глаз экскувитора, так глубоко, что рукоятка была остановлена краями глазной впадины. Экскувитор секунду качался, с головой, откинутой назад от удара. Затем он упал на лицо.

Мколл ринулся вперед, затащил тело внутрь и тихо закрыл дверь.

Куча тряпья чем-то напоминала человека. Старика, старуху, Хвлан не был уверен.

Что-то полумертвое и тощее до костей. Когда он задел это, и это ожило и завывало, он нечаянно пнул, и отбросил это в сторону. Это упало, повернулось и побежало внутрь дома.

Хвлан последовал за этим, понимая, что, во что бы то ни стало, он обязан заткнуть это, но оно исчезло, и не делало больше никаких звуков. Он пошел назад через обветшалые, заброшенные комнаты в детскую комнату и детской коляске.

Он только заглянул в нее, проверяя, когда позади него появился Мколл. Правый рукав главы разведчиков был пропитан кровью.

«Какого феса ты творишь?» прошептал Мколл.

«Транспорт,» ответил Хвлан.

На расстоянии половины города от них, Бонин с Маггсом забирались глубже в Кантибл, держась теней и нигде не оставаясь подолгу. Оба повернулись, когда слышали катящийся грохот от взрыва трубчатых зарядов Каобера.

«Храм?» прошептал Маггс, указывая.

Бонин покачал головой. *Айконоклав*, осторожно показал он.

«И что это такое?» с улыбкой прошептал Маггс.

Ты знаешь, как общаться знаками? гневно показал Бонин.

Да, показал в ответ Маггс, и, чтобы доказать это, тщательно показал, *Ты фесов недоумок.*

Бонин попытался не улыбнуться. Маггс был нормальным, для нетанитца. Фес, он был нормальным и для невергхастца.

Они нырнули в укрытие, когда отряд солдат пробежал мимо, возглавляя длинную, неуклюжую процессию экскувиторов, направляющуюся к воротам.

Здание, которое Маггс перепутал с храмом, было длинным, новым строением из тяжелого камня. Айконоклав был тем местом, где силы врага принуждали жителей к полному уничтожению любой иконы, статуи или украшения, которые прославляли Империум. Городской храм был двумя улицами далее, величественное, но разрушенное здание.

Они поспешили к нему. Здесь должен был быть знак, контакт. Разведка Флота сообщала, что это должно быть здесь. Маггс и Бонин не смогли найти ничего, кроме прискорбно разрушенных украшений храма и кощунственной работы врага. Великолепная мозаичная аквила на полу храма была повреждена молотами.

Может быть, здесь есть еще храм, показал Маггс. До того, как Бонин смог ответить, лазерный выстрел пролетел между ними, едва не задев обоих. Последовали еще несколько, но Маггс с Бониным уже перекатывались в укрытие.

Оккупационные солдаты в зеленой броне хлынули внутрь через главные двери древнего храма, стреляя на ходу. Бонин задумался, было ли это невезением, или враг держал храм под наблюдением.

Лазерные заряды вонзались в старые деревянные скамьи и стулья с высокой спинкой. Маггс и Бонин, оба на холодном полу, подняли винтовки и начали отстреливаться. Первая очередь Бонины свалила лидирующего солдата, а вторая убила двух людей позади него. Враг расходился по обе стороны храма, занимая укрытия позади колонн и каменных гробниц древней знати.

За временным укрытием щита из скамей, Маггс с Бониным вскоре обнаружат себя обойденными с обеих сторон. Укрытия, в которое можно отступить, не было.

«Не хорошо!» крикнул Маггс.

«Еще раз это скажи,» ответил Бонин. Он выстрелил очередью еще раз, которая попала солдаты оккупации в шею и сторону головы. Тело человека резко развернулось. Кровь хлынула у него из горла, когда он упал на скамью.

Маггс попытался двинуться, но огонь с края храма вонзился в мозаичный пол и отбросил его назад. Густой дым от выстрелов начал заполнять воздух и ловить лучи слабого солнечного света, пробивающегося сквозь верхние окна.

Бонин стрелял избирательно, но здесь было слишком много целей, в которые нужно попасть, слишком много целей, чтобы отбросить.

Ситуация, в самом деле, стала весьма отвратительной.

Полномасштабная битва бушевала около городских стен и главных ворот. В ответ на Имперскую атаку, войска, оккупировавшие Кантибл, наполнили стены солдатами и открыли огонь из тяжелых орудий, встроенных в высокие башни и у городских ворот. Хотя Архиврагу и потребовалось какое-то время, чтобы пробудиться, как будто из холодного оцепенения, сопротивление уже стало значительным.

За главными воротами, отряды подкрепления оккупационных войск высаживались с грузовиков и спешили по лестницам у главных ворот, чтобы занять позиции. Еще больше войск из городского гарнизона прибывали на машинах, которые мчались через город с холма из городской ратуши.

В тридцати метрах от ворот, Мколл выглянул из аллеи и посмотрел вниз, вдоль вымощенного булышником склона на ворота. Он подождал, пока два ветхих армейских грузовика проедут, отпустил деревянную ручку и встал назад в укрытие рядом с Хвланом. В его руке остался маленький кусочек пергамента.

Оккупационные солдаты выбирались из ревущих грузовиков около ворот, когда появилась детская коляска. Она свободно катилась, подпрыгивая на булыжнике, набирая скорость, пока спускалась по длинному уклону дороги. Пара солдат смотрели на нее с искренним смущением, другие звали друзей и товарищей. Детская коляска

прокатилась прямо рядом с несколькими озадаченными солдатами, мимо грузовика, направляясь к воротам.

Офицер, сирдар, закричал, осознав зловещий подтекст в загадочном явлении, который его люди упустили. Он кричал, чтобы кто-нибудь остановил коляску, схватил ее, чтобы не допустил, чтобы она достигла или ударилась о ворота.

Никто не двинулся. Замешательство замедлило их. Так что сирдар спрыгнул с борта грузовика, где стоял, и прыгнул к коляске, когда она проезжала мимо.

Он остановил ее в трех метрах от ворот. Он остановил ее резким пинком. Пинок плеснул ртуть по стеклянному пузырьку.

Последовал щелчок.

VII

Взрыв ранил, даже на расстоянии. Тусклый воздух снаружи города, казалось, треснул, как будто день, внезапно, разорвался. Все наступающие Призраки глубоко прочувствовали его теплыми полостями в телах и тугими узлами в суставах.

Главные ворота Кантибла поднялись на своих гигантских железных петлях на ярком облаке огня, и раскрылись, как огромные крылья, когда разлетались на куски. Только маленькие горящие щепки приземлились на землю. Блокгауз у ворот исчез в стремительной, крутящейся, поднимающейся массе дыма, и разрушился, разлетевшись шумным ливнем камней и черепицы.

Когда ливень пепла, шлака и горящих частиц обрушился на склоны холма, ликование раздалось от Имперских войск. Сразу же началось наступление.

Пригнув головы, Призраки начали заполнять главную дорогу, ведущую к горящим руинам ворот, направляясь в плывущее облако черного дыма, которое поднималось над городом и оставляло широкое пятно на бледном небе.

Сначала они не встретили сопротивления. Все вражеские отряды поблизости от ворот успарились во взрыве, или были так сильно покалечены, что умерли за минуты. Другие, особенно защитники на стенах дальше от ворот, были сбиты ударной волной, или в них попали обломки, или просто были ошеломлены взрывом до временной неподвижности от внезапной беды. Призраки хлынули в разрушенный пролом, не встретив сопротивления.

Рота G Капитана Бана Даура оказалась внутри первой, за ней по пятам следовала Рота F Ферди Колосима. Продвижение Даура было последовательным и эффективным. Он не выносил прохлаждаться при начальном наступлении, и настойчиво повел свои взводы в сеть главных улиц, чтобы закрепиться на опорных пунктах до того, как враг сможет восстановиться. Бан Даур был высоким, чисто выбритым и молодым человеком с хорошей родословной и учтивыми манерами. Встречаясь с ним, легко было забыть, что он был ветераном Войны за Улей Вербун и получил из первых рук мастерство в осадных боевых действиях и городской битве.

Гаунт всегда думал, что Даур был самым недооцененным командиром его подразделения. За Дауром не тянулся твердый дух солдатской службы, как у Колеа, Обела или Варэйна, как у него и не было духа убийцы, как у Роуна или Мколла. Было легко принять его за любезного, приветливого парня, который может управлять опрятным лагерем, и который оставил войну взрослым.

Рота G вторглась в Кантибл с отлично вымуштрованной грацией. Старшие лидеры отрядов Даура – Мор, Вивво, Халлер, Вадим, Мкеллер и Венар – продвигали свои отряды вперед в прикрывающих друг друга широких боевых порядках, обезопасивая углы улиц и приметные здания. Случайные драки происходили, когда наступающие Призраки встречались с группами сбитых с толку экскувиторов.

За пять минут, пладцарм Даура открыл путь для продвижения роты Колосима, преследуемой по пятам ротами Роуна и Колеа. Последние две были авторитетными, чистокровными ротами в этой новой модели Первого, конкурировавшие, как воины, только с разведчиками Мколла и боевыми ротами Обела и Домора. Они начали прорываться в город там, где Даур сделал прокол.

В тридцати метрах от ворот, в своем укрытии, Мколл с Хвланом медленно пришли в себя. Ударная волна прошла по всему району и выбила все двери и окна. С шумом в ушах, Мколл тихо проклял «один на удачу» Роуна. Два разведчика начали выдвигаться как раз тогда, чтобы встретиться с наступлением Даура.

«Отличная работа,» сказал Даур, когда встретил Мколла.

«Давай используем это по-максимуму,» ответил Мколл.

Через десять минут после взрыва, картина слегка изменилась. Отходя от взрыва, который ошеломил его, Кантибл начал отбиваться. Невидимый командующий его гарнизона слегка осознал, что враг уже за стенами, и направил все свои силы на городские улицы, чтобы отразить атаку. Появились отряды солдат в зеленой броне, вместе с бронированными транспортерами и несколькими легкими танками. Узкие улицы нижнего города начали звенеть и трястись от оружейного и орудийного огня. Гаунт, лично войдя в город впервые, приказал наступление бронетехники, и первые единицы Дев Хетры начали закатываться сквозь разрушенные ворота и громохат в город.

Взрыв на время сохранил жизни Бонина и Маггса. Вражеские солдаты заполонили храм, собираясь внутри, чтобы уничтожить их. Маггс получил два лазерных ранения в левую руку, а Бонину попали в спину, и попадание прожгло глубокую рану в плоти, но заряд был отражен хирургически вживленной пластиной от старой раны на спине.

Оба знали, без слов, без жалоб – а в этой адской схватке не было времени жаловаться – что им осталось жить две или три минуты по самым оптимистичным прогнозам.

Затем подарок Роуна зазнесся по городу. Земля сотряслась и все окна храма, выходящие на юг, осколками стекла полетели внутрь. Пойманные летящими осколками, несколько вражеских солдат заорали и упали, изодранные.

На полу, в укрытии в центре храма, Бонин с Маггсом были лучше защищены. Видя кратковременное замешательство, утекающее превосходство, оба перехватили инициативу.

Маггс перекатился на ноги и начал опрометчивый рывок к плотному дереву и камню алтаря в конце храма.

Бонин начал бежать к основанию ближайшей винтовой лестницы, вырезанной из камня арке на дальней стороне храма, которая вела к узкой винтовой лестнице к галерее храма.

Собравшись с мыслями и видя, что их добыча убегает, вражеские солдаты снова открыли огонь. Лазерные заряды и пули последовали за Маггсом, царапая плитку и откалывая камень. Он кинулся в укрытие, но выстрел попал ему в пятку и бросил его скорее на алтарь, чем за него. Тяжелый каркас, покрытый мозаикой из дерева, и оуслитовое основание опрокинулись вместе с ним. Он упал, на мгновение ошеломленный, под узкими окнами нефа. Три вражеских солдата рванули по центру храма, их ботинки царапали оскверненное мозаичное изображение аквилы на полу. У них, на секунду, был четкий выстрел по упавшему Маггсу.

Однако, Мах Бонин добежал до резного каменного укрытия лестницы. Поворачиваясь, с лицом, как у ангела, несущего мрачное уведомление о смерти, он опустошил половину последней силовой ячейки в шквале выстрелов, которые засияли в отдающемся эхом зале.

Выстрелы попали – и вонзились – в трех солдат, как рубящие топоры. Один из выстрелов попал в колено солдату и оторвал ему ногу. До того, как его тело упало, он был пронзен дважды в тело, в плечо и в шею. Во второго попали выстрелы, которые прошли выше талии и испепелили его желудок и легкие. Он упал, пар вырывался из его кричащего рта. Третий был подстрелен в лодыжку и икру левой ноги, бедро и сторону головы, и упал так, как будто попал под грузовик.

Значительная часть врагов повернула свое оружие в сторону Бонина, но немедленно пригнулась и нашла укрытие, когда Маггс встал за упавшим алтарем и открыл огонь.

Слегка защищенный яростной поддержкой Маггса, Бонин повернулся и побежал вверх по узкой лестнице на галерею. Этот балкон из камня шел по верхнему уровню храма, поддерживаемый колоннами. Когда Бонин поднялся на галерею, он смог почувствовать мощный пульс оружейного огня внизу, когда враг вернул свое внимание к Маггсу.

Бонин подбежал к краю галереи и разрядил последнюю обойму в собравшегося внизу врага. Они разбежались назад, через разбитые и перевернутые скамьи, оставляя нескольких мертвых, извивающихся и затихших, за собой.

Бонин пригнулся и вынул пустую обойму. В храме настала внезапная тишина, когда враг перегруппировывался. Стучащие шаги по стеклу и деревянным щепкам заменили вой оружейного огня.

«Вес!» воксировал Бонин со своей высокой позиции. «Я пуст. Кинь мне что-нибудь.»

«Где ты, черт возьми?» ответил Маггс.

«Вверх по лестнице. Галерея, слева от тебя.»

В укрытии, Маггс вынул одну из оставшихся обойм, взвесил ее и кинул в сторону галереи. Она попала в окантовку и опала в зал храма. Несколько солдат врага выстрелили на движение.

«Фес! Попытайся лучше!» проворчал Бонин. Он вытащил свой лазерный пистолет. Он не сделает то, что винтовка, но он должен.

У Маггса оставалось две обоймы. Во время яростной перестрелки он был более расчетливый, чем Танитский разведчик. Он оставил одну себе и вложил всю силу в бросок другой на галерею. Она пролетела над краем балкона и исчезла.

Осознав, что их преимущество потеряно, оккупационные солдаты попытались снова броситься на Имперцев. Некоторые бежали по храму к месту, где прятался Маггс, яростно стреляя.

Другие направлялись к трем лестницам, ведущим на галерею.

Имея по обойме у каждого, Бонин с Маггсом встретили их. Бонин перегнулся через балкон и убивал фигуры, наступающие на позицию Маггса. В то же самое время, Маггс стрелял по врагам, направляющимся к лестницам. За десять секунд стрельбы они уложили тридцать врагов.

Затем у них кончились заряды. Они отпрянули в укрытие, и отбросили свои пустые винтовки, предпочтя пистолеты и серебряные клинки. Сражение перешло в конечную, наиболее жестокую стадию.

Во время рукопашной, Бонин кое-что увидел со своего возвышения, когда стрелял вниз.

Что-то, что было более важным, чем его жизнь.

Он подал сигнал по микро-бусине. Враг полз вперед, готовый задавить их числом. У него оставались секунды.

«Бонин Гаунту. Бонин Гаунту. Срочно. Ответьте. Ответьте.»

VIII

Прием был плохим. Бонин подумал, что услышал, как Гаунт отвечает, но было сложно сказать в этом треске. Он все равно начал отправлять сообщение.

Вражеские солдаты штурмовали галерею. Они начали с одной лестницы. Позже, Бонин не мог объяснить, как их первые выстрелы не задели его. Он мог только предположить, что поспешность врагов на лестнице сбила их прицелы. Он почувствовал жар от выстрелов мимо лица, и начал отстреливаться из лазерного пистолета.

Зажатый в углу, его попытки были отчаянными, а его прицел был не лучше, чем у солдат, пытающихся убить его. Он не попал ни во что дышащее, но, по крайней мере, заставил залечь в укрытие около лестницы, серьезно ограничив их линию обстрела. Это было неплохо... пока солдаты не начали появляться с других лестниц.

Затем последовал внезапный и неожиданный перерыв в наступлении. Стрельба прекратилась. Единственными звуками были пульсация уличного боя, бушующего в городе, и стремительные шаги солдат, бегущих внутри храма. Бонин ждал. Он слышал скрип ботинок по разбитому стеклу и треск досок.

Его разум приготовился к тихому, внезапному вражескому маневру в храм, чтобы захлопнуть внезапную смертельную ловушку.

Ничего не произошло.

«Вес?» шепотом воксировал Бонин.

«Слышу тебя.»

«Все еще живой?»

«Менее живой, чем был, когда мы начали,» ответил Маггс, дыша тяжело и поверхностно по связи, «но, ага.»

«Что произошло?»

«Не знаю. Я полагаю... я полагаю, они просто отступили. Я полагаю, что они просто ушли из здания.»

«Все?»

«Думаю так. Я, на самом деле, не хочу высовывать голову, чтобы узнать.» Это было мнение, которому Бонин симпатизировал. Медленно, очень медленно, и очень осторожно, он пополз вдоль края каменной кладки балкона, пока не достиг края галереи.

Бормоча молитву Богу-Императору для защиты, Бонин медленно поднял голову и посмотрел вниз.

Храм, уже в большой разрухе, когда они только прибыли, был разбит на куски. Каменные стены и колонны были раздроблены, покрыты пятнами и выжжены в миллионах мест, а деревянные скамьи были превращены в похожие на кружево дыры. Тела солдат оккупационных сил, которых они убили в яростной перестрелке, усеивали пол, перевернутые скамьи и проход до самых дверей. Дым от разрядов висел, как туман в нечестивом воздухе.

Не было никаких признаков живых.

Бонин собирался крикнуть Маггсу, когда ручки дверей храма заскрипели и двери открылись. Бонин снова прильнул к полу с приготовленным пистолетом.

Темные фигуры с приготовленными винтовками просочились в двери. Бонин сразу же узнал этот стиль.

«Серебряный клинок!» крикнул он.

«Кто это? Маггс?» ответил голос.

«Майор?»

Окруженный полудюжиной Призраков, Роун вышел из тени и посмотрел на галерею.

«Думаю, мы напугали их,» отметил он. «Вы, парни, закончили здесь?» Бонин встал и убрал в кобуру свой пистолет. «Приглядыте за Маггсом. Он за алтарем. Думаю, что в него попали.»

Роун жестом отправил двух людей вперед.

«Я пытался связаться с полковником,» сказал Бонин. «Я полагаю, что мы нашли то, что он искал.»

«Что?» спросил Роун.

Бонин указал. «Сэр, вы на этом стоите.»

Битва за Кантибл закончилась не так быстро, как незаконченное предложение. Через три с половиной часа после того, как Гаунт отдал приказ Мколлу «вперед», битва была закончена, и основные районы внутри города на холме захвачены.

Враг был мертв или убегал. Гаунт так часто слышал за свою карьеру, что такое бегство сравнивали с безумным бегством крыс, что это стало клише, но смысл никогда не казался таким подходящим. В безумном побеге, оккупационные солдаты, несколько экскувиров и высших сановников настужь открыли северные ворота торгового городка и убежали в гниющие предместья. Некоторые буквально бежали: солдаты избавлялись от оружия и брони в попытках быть более подвижными. Их подпрыгивающие тела медленно исчезали в зарослях вялой пшеницы и заросших полях. Некоторые из старшего состава врага пытались сбежать на машинах и моторных повозках, нагруженных украденными трофеями и ценностями.

Гаунт был не в самом лучшем настроении. Он чувствовал себя неудовлетворенно и подавленно. Несколько последних лет его жизни были неразрывно связаны с Гереоном, и его освобождение многое для него значило. За предыдущие недели, и в то утро, до и во время высадки, он был возбужден силой удовлетворения: наконец-то, в конце концов, он собирался поспособствовать в освобождении мира, о котором он особенно беспокоился.

Он даже не сопротивлялся низкому приоритету цели, которое Высшее Командование выбрало для его полка. Однако, битва за Кантибл – «битва» была сама по себе смешным термином – была мрачной и вялой. Призраки ее похвально закончили, и особенные похвалы нужно было отдать разведчикам, но все это казалось странно бесцветным. Освобождение Кантибла было, как избавление больного животного от страданий.

Он шел вверх по пустому центру города. Темный пояс дыма поднимался над городом и размывался над белой версковой пустошью. Он только что приказал наиболее быстрым машинам Дев Хетры и двум своим ротам догнать и уничтожить убегающего врага за городом.

Гаунт пытался определиться источник своего неудовлетворения. Защита города была вторичной, но ни один командир не должен сожалеть о легкой и дешевой победе.

Согласно Роуну, который редко преувеличивал, Бонин с Маггсом стали героями на короткий, яркий момент, сражаясь против превосходящего врага в храме, в битве, которая не будет позором ни для одной битвы Танитского Первого.

Но где все люди, которых они пришли спасти? Где было облегчение? Где был смысл освободить это место, которое было опустошено отвратительными бесчеловечными оккупантами?

Гаунт слышал великоленные вещи из ранних докладов с главных театров военных действий. Колоссальная война и усилия Имперской Гвардии. Менее, чем в половине мира отсюда, настоящие битвы велись против настоящих врагов. Выигрывались настоящие победы.

Не здесь. В Кантибле была только смерть. Буквально, беспорядочная смерть, а в общем, окутывающее чувство смерти. Они пришли спасти место, которое уже давно нельзя было спасти. Гаунт надеялся, молился, чтобы Кантибл не представлял из себя Гереон в целом.

Он шел сквозь стоящие Гидры и толпы отдыхающих солдат, принимая салюты и приветствия. У них было облечение от того, что задача была меньше, чем они боялись, и он не имел права лишить их этого. Он дошел до городского храма, места поразительной схватки Маггса и Бонина. Роун ожидал его.

«Нашли, что нам нужно?» спросил он.

«Бонин так сказал,» сказал Роун и посмотрел в темноту храма. Бонин, нагнувшийся над распростертым телом Маггса с ожидающим санитаром, увидел взгляд и подошел к ним.

«Маггс?» спросил Гаунт.

«Попали в ребра,» сказал Бонин. «Хреново. Его нужно показать Дордену.»

«Дорден в нижнем городе,» ответил Гаунт. Он посмотрел через плечо и крикнул, «Ладд!»

Молодой комиссар послушно подбежал. «Сэр?»

«Ты можешь сопроводить Рядового Маггса в полевой госпиталь?» спросил Гаунт.

Ладд кивнул. Он подошел к Маггсу и помог ему подняться на ноги. Они вместе захромали прочь.

Гаунт посмотрел на Бонина. «Итак?»

«Сюда, сэр,» ответил Бонин. Он повел Гаунта с Роуном в разрушенный храм, и они шли между телами мертвых врагов, пока не остановились на большой мозаичной аквиле.

«Она была осквернена,» сказал Бонин. «Всего лишь разбита и запачкана. Это было так, когда я поднялся наверх и увидел ее.» Он указал на галерею.

«И что?» спросил Гаунт.

«Аквила,» сказал Роун.

Гаунт посмотрел на мозаику. Злые, порочные руки старательно испортили Имперскую птицу, с особым вниманием и стараниями кирки к двойным головам. Тем не менее, левая голова была восстановлена. Гораздо позже надругательства, левая голова была тщательно восстановлена и зацементирована, в некоторых местах с использованием кусочков мозаики, которые не были компонентами изначальной головы.

«Голова была вновь собрана,» сказал Гаунт.

Бонин кивнул. «Это знак. Он указывает.»

«Куда?»

«Вон там есть куски свежей штукатурки,» сказал Роун. «Следуй туда, куда указывает клюв. Мы это поняли.» Гаунт подошел к стене. Куски штукатурки лежали на полу пыльными кусками.

На стене они могли видеть шесть цифр, выжженных огнем.

«Шесть восемь один девять семь три,» прочитал Гаунт.

«Может быть, это частота,» сказал Роун.

«Уже попытались?»

«Как только Белтайн придет сюда,» ответил Роун.

Гаунт снова вышел наружу, пока они ждали его адъютанта. Кёрк и Фарагут приближались из нижнего города, как парочка на послеполуденной прогулке.

Гаунт был удивлен тем, как он рад видеть ее. По причинам, которые он не мог объяснить, он не мог держать в уме Саббатину Кёрк. Она была опасной, и ей нельзя было доверять, пока он не научился полностью доверять ей во время первого рискованного предприятия на Гереоне. Она значительно излучала сексуальность, и это излучение было запачкано ее аурой разрушения. Никто не отождествлял Гереон в его мыслях больше, чем Кёрк. Она была живой жертвой, олицетворением планеты, прекрасной, притягательной, но искаженной и соverted.

Большую часть времени он старался не думать о ней. А сейчас ему пришлось, и он позволил это себе. Он обнаружил, что ощущает большое родство с ней. Она, и только она, понимала чувство разочарования, которое ощущал он.

Кёрк сделала больше, чем кто бы то ни было, чтобы принести освобождение на Гереон, даже больше, чем знал Гаунт. Она была готова разрыдаться с тех самых пор, как запустили десантные корабли – сначала от предвкушения, а затем от ужаса.

«Полковник-комиссар,» резко произнесла она, когда подошла к нему.

«С тобой все в порядке?»

Она пристально посмотрела на него, вопросительно, ошеломленная его необычной душевностью.

«Да, я в порядке. Слегка напряжена. Надеюсь, у тебя есть хорошие новости.»

«Возможно, мы сможем установить контакт с сопротивлением. Мы собираемся попытаться связаться с ними.»

«Это хорошо. Хочешь, чтобы я поговорила?»

«Нам будет нужен твой код,» сказал Гаунт.

«Я буду присутствовать,» сказал Фарагут. Оба посмотрели на него, как будто он был незванным гостем.

«Мой приказ был весьма определенным,» сказал Фарагут, улыбаясь, чтобы развеять враждебность.

«Конечно,» сказал Гаунт, смягчаясь, понимая, что нельзя винить человека из-за его начальников. «Конечно.»

«Мы на одной стороне,» мягко сказал Фарагут. «Я имею в виду, в этом же и смысл, так ведь?»

«Я делаю тебе больно?» спросил Ладд. Они сделали еще один шаркающий шаг.

«Нет,» сказал Маггс.

«Ты уверен?» Ладд взялся крепче под подмышками разведчика. «Ты можешь опереться на меня сильнее, если хочешь.»

«Я в порядке,» прохрипел Маггс. Они были в десяти минутах от полевого госпиталя, и прогресс был медленным.

«Серьезно,» сказал Ладд. «Я могу--»

«С уважением,» сказал Маггс, выдыхая с болью, «ты бы не мог говорить о чем-то другом, сынок? Идти очень тяжело, даже с твоей поддержкой. Ты можешь меня отвлечь от этого?»

«Ох, да, да,» уверил Ладд, яростно думая. Он шарил по своей памяти. У него не было историй о битвах или девушках, и, определенно, не было таких, которыми такой разбиватель сердец и причинятель ран, как Вес Маггс, был бы впечатлен. Он

однажды знал человека, у которого был кот, и эта смешная тварь была... нет, не пойдет.

«Меррт,» сказал он.

«Что?»

«Меррт. Танитец с фесовым лицом. Экс-снайпер, который--»

«Я знал, о ком ты.»

«День, когда я с Харком арестовали его на душных палубах. Вытащили его задницу из беды. Ты был там. Я видел тебя в том притоне.»

«Я был там.»

«Совпадение?»

«Нет, Ладд.»

«Хочешь мне об этом рассказать?»

Маггс застонал. «Присесть. Мне нужно присесть,» сказал он, зажимая свои забинтованные ребра. Ладд помог ему присесть на ступеньки заброшенного здания. Маггс сел.

«Мы должны добраться до полевого госпиталя,» сказал Ладд. Он был на нервах. Он никогда хорошо не показывал себя на учениях по оказанию первой помощи, и он беспокоился, что Маггс может начать падать с опухшим синим языком. Или хуже.

«Просто дай мне минуту отдышаться,» сказал Маггс, прислоняясь спиной к опаленному дверному косяку. «Я буду в порядке, чтобы идти, как только отдышусь.» Ладд кивнул и ждал. «Итак, Меррт?» спросил он.

Маггс, откинувшись, тербил свои пропитанные кровью бинты. «Меррт. Точно. Мы присматриваем за нашими, знаешь ли.»

«Что?»

«Первый и Единственный. Может быть, тебе удивительно это слышать, потому что я Белладонец и новый в соединении, но это правда. Когда группа солдат собирается и

связывается – я имею в виду, на самом деле, связывается – они держаться друг друга. Танитцы были счастливы встретить нас, Белладонцев, а мы были счастливы встретить их. Я не собираюсь быть сентиментальным, но, черт возьми, мы составили хорошую банду. Ты понимаешь, о чем я?»

«Думаю так.»

Маггс кивнул. «Остатки, отребье, выжившие. Танитцы, Вергхастцы, Белладонцы. Куски, которые они не смогли убить. Мы объединились, мы пришли с одного поля боя, и мы прилипли друг к другу.»

«Рад это слышать,» сказал Ладд.

Маггс наклонился вперед и вздохнул. «Меррт. Мы знали, что у него проблемы. Азартные игры. Все из-за его головы. Варл первый заметил это, и он собрал нас. Привлек нас. Сказал нам, что нам нужно присматривать за Мерртом. Ну, мы не могли покрыть его долги. Даже скинувшись, у нас не было столько денег. Итак – и это была идея Баска – мы бросили жребий, чтобы следовать за ним и приглядывать. Если бы он вляпался в дерьмо, один из нас был бы там, чтобы поручиться за него. Мы установили дежурства. В ту ночь, на душных палубах, была моя очередь. Я понимал, что что-то мрачное должно случиться, и собирался вмешаться, когда появился ты.»

«И что бы ты сделал?» спросил Ладд.

«Возможно, что-нибудь идиотское,» ответил Маггс. «Что-то, из-за чего я бы попал в тюрьму, или даже получил бы десять-двадцать, но я бы сделал это. Это то, что держать нас вместе, понимаешь? Если мы не будем держаться друг друга, если мы не будем подставлять свои шеи друг за друга, тогда в чем смысл? Я имею в виду... в чем фесов смысл? Меррт один из нас, и 'нас' – это все, что имеет значение.» Ладд кивнул.

«Что такое?» спросил Маггс. «Ты вдруг посерьезнел.»

«Я просто задумался,» сказал Ладд. «Я просто подумал, что если бы смог сохранить полковой дух, который ты мне только что показал, я был бы лучшим комиссаром в истории Гвардии.» Маггс ухмыльнулся, а затем улыбка медленно исчезла. «Я до сих

пор не думал о Меррте. Дерьмо. Интересно, где он. Этот бедный страшный ублюдок.»

ЛИЦОМ К ЛИЦУ

I

Повсюду мертвые улыбались ему.

Огненные шторма прошли по районам улиц и маленьких площадей, и оставили позади разваливающиеся скорлупы домов. Небо было низким и черным, и напоминало ночное. Жар плыл от камней и обломков, и здесь была мощная химическая вонь от сгоревшего, окислившегося и измененного. Множество пожаров все еще полыхали.

Далин Крийд мог чувствовать тепло от ближайшего пожара на лице, и чувствовал, как пот просачивается через грязь на лице, как слезы. Он не двигался. Он просто стоял в прыгающих тенях разрушенной улицы, и пристально всматривался в огонь.

Огонь уменьшил все трупы в этом районе до ничтожных черных вещей, сделанные из веток. Они были едва людьми, едва гуманоидами, просто сожженными деревяшками. Единственными вещами, которые не смог уменьшить огонь, были глаза и зубы. В самом деле, и то, и другое притягивало. Все глаза стали огромными, пристально уставившимися дырами темноты, в одно и то же время печальными и ненавидящими. С выгоревшей плотью, все зубы стали широкими, белыми улыбками, частично веселыми, частично сжатыми от боли. С земли, из дверных проемов, из окон, и с куч камней, они улыбались и пялились на него, когда он проходил мимо, иногда несколько рядом, все улыбающиеся той же самой ухмылкой.

В их улыбках что-то было. Они были грустными, как будто они были настолько ошарашены внезапностью и свирепостью своей кончины, что им не оставалось ничего иного, как напустить храбрый вид и рассмеяться. *Видишь, что приключилось со мной в конце, а? Ой, ладно, что ты можешь поделать...*

Они были настолько избавлены от всего, кроме улыбок и взглядов, что было невозможно сказать, кем были мертвые. Местными жителями, жителями

прибрежных городов, поглощенными яростью войны, или Имперскими Гвардейцами, которые добрались сюда чуть раньше ТП 137 и нашли смерть в очаге?

Другой вероятностью было, что улыбки разочарования и приветствия были улыбками врагов. Были ли это его враги, эти почерневшие, покрытые волдырями, манекены со сверкающими зубами? Если это были они, они были первыми, которых он встретил.

«Святой.» Слово, даже не вопрос. Он повернул голову. Подходил Хамир, сквозь дым, держа винтовку на уровне живота. Крийд пошел с ним в ногу и оба двинулись вниз по улице, перебираясь через дымящиеся обломки.

Тишина наступила вместе с темнотой. Слышался треск огня, шум от падения каменной кладки и отдаленный грохот от чего-то важного, происходящего где-то еще. Хотя, в целом, здесь была теплая тишина, звук последствий.

Крийд понимал, что это еще не все. Он с большой неохотой стал проверять свой хронометр, потому что раздражающе медленное течение времени выпивало его волю, но он узнал, что они были внизу уже почти пять часов. К'эздрок был огромной целью, и он еще не пал, даже учитывая ярость штурма. Как и в случае со многими огромными городами и ульями, Имперские наземные силы могут пробивать себе путь с улицы на улицу неделями, месяцами.

Годами. Это не было неслыханно. Крийд задумался, если бы прожил так долго, смог ли бы он выжить психически. Если бы его тело избежало быть подстреленным или разорванным на куски, или нарезанным на кусочки, смог бы его мозг выдержать такой отрезок времени, как здесь сейчас? Он сомневался, если течение времени продолжит быть таким тяжелым и растянувшимся. Он закончил бы безумцем, с печальной улыбкой на лице.

Хамир кивком указал вперед. Троица солдат, Форбокс был среди них, направлялись вперед позади низких остатков стены. На другой стороне, они смогли рассмотреть других членов роты, продвигающихся через булыжник и ленивый дым. За последний, тянувшийся час, их число выросло. Перейдя через дорожный мост в отдаленные части города, они нашли около тридцати пяти членов ТП 137 под командованием Капрала Трабена. Они высадились с десантного корабля, который был подбит и взорвался в

чем-то вроде завода. Жидкий и Красотка были среди солдат. Как и группа Кекси, они понятия не имели ничего о Майоре Брюнделе.

Всплеск оружейного огня раздался справа от них. Несколько солдат повернулись и уставились в дым.

«Может мне найти Кекси?» спросил Хамир Крийда.

«Не беспокойся,» произнес голос прямо позади них.

Это был Меррт. Он тоже был в компании Трабена.

«Разве нам... ?» начал Крийд.

«Из-за этого?» спросил Меррт. «Окруженные всем этим? Ты докладываешь о каждой мелкой гн... гн... гн... стрельбе, которую слышишь, а Кекси будет гонять свой зад весь день, проверяя. Лучше двигаться дальше, сохранять строй. Если окажется так, что перестрелке будет нужно привлечь тебя, она привлечет.» Было почти обнадеживающе просто игнорировать стрельбу, просто идти дальше не ища неприятностей. В любом случае места было достаточно, чтобы просто обойти. Отдельной личности наносилось больше вреда, когда она при любом случае вздрагивала, чем, когда держалась с отрядом.

Чтобы доказать эту точку зрения, они шли еще двадцать минут, когда оружейный огонь стал близким.

II

Они вошли в часть укрепленного города, где небо был таким черным, а дым был таким плотным, что ощущалось, как под землей. Здания по обе стороны – некоторые разрушенные, некоторые незатронутые, и все пустые – маячили, как гладкие, зеленые стены циклопических пещер. Было жарко и сыро, как в центре земли.

Влага капала из ядовитого дыма. Это был не дождь или климатическая сырость, но сконденсированные испарения войны: топливо, смазка, катализаторы и летучие вещества. Она была вязкой и коричневой, как легкие курильщика лху, и воздух кашлял, как будто мокротой.

К западу от их позиции, примерно в пяти километрах, огненный шторм полыхал на восьми или девяти городских кварталах, как общинный огонь в центре пещеры. Он производил тусклый свет из красновато-коричневого и золотого. Когда они остановились, чтобы подождать и послушать, члены ТП 137 стали похожи на позолоченные статуи на арке победы.

К югу от них, примерно на таком же расстоянии, бушевала сильная битва, или между бронетехникой, или между батареями артиллерии. Это было очевидно по жутким ударам и раскатывающемуся сильному, слегка приглушенному, шуму. Тем не менее, они не могли ничего из этого видеть, никаких случайных намеков на вспышки или взрывы снарядов.

В них какое-то время не стреляли, так что, когда в них полетели первые выстрелы, они казались озадачивающими и незнакомыми. Солдат, известный, как Гироскоп, внезапно упал и яростно покатился по земле, как будто его выкатили из свернутого ковра. Сержант закричал всем укрыться, но, когда они разбегались, Болтун, Колстековец с непопулярным, гнусавым голосом, был, так же, подстрелен.

В отличие от Гироскопа, его рана была не смертельной. Он начал кричать, мучимый болью. Его крик стал сдавленным и пронзительным. Крийд никогда раньше не слышал таких звуков от человека.

Сержант Кекси был прижат рядом с хвостом группы, так что Комиссар Собайл приказал первым людям наступать. Он выстрелил из пистолета в темноту и хлестнул кнутом, так что они услышали это.

«Сними этого стрелка!» закричал он.

Все подивились, с кем это он говорил.

Крийд нашел укрытие позади толстой внешней стены дома. Ганиель и Форбокс плюхнулись позади него.

«Ты можешь рассмотреть это?» спросил Ганиель.

Крийд вообще мало что мог рассмотреть. Все, что он мог сделать, так это думать о чем-нибудь другом, кроме ужасных криков, идущих от Болтуна. Изредка мимо края стены пролетал выстрел.

«Я посмотрю,» заявил Форбокс, и выглянул за угол. Почти сразу же, он отпрянул назад, ударившись головой о кирпичи в стремительной попытке отодвинуться.

«Форбокс?»

Форбокс скакал, держась головой за голову.

«Форбокс?»

«Насколько плохо?» спросил Форбокс, повернув голову, чтобы они увидели его правое ухо. Пуля оторвала его начисто, оставив засечку на ободке шлема, когда отразилась. На верху щеки у него осталась обожженная отметина, и кровавый бутон из ткани и хряща на месте уха. Кровь текла по шее.

«Насколько плохо?» снова спросил он. Он был в легком расстройстве, но не казался искренне страдающим.

«Наложите бинты,» сказал Ганиель. Форбокс сел и неуклюже стал возиться с поясной сумкой.

Болтун все еще орал. Оружейный огонь шел из нескольких мест по Имперцам. Звучало так, как будто в них стреляли полдюжины стрелков.

«Кто-нибудь вперед!» закричал Собайл. «Именем Золотого Трона, наступать, или, клянусь Террой, я всех вас высеку за трусость!»

Крийд начал бежать. Он бежал до того, как даже осознал, на что решился. Он смутно слышал Ганиеля позади, выкрикнувшего, «Крийд, нет!»

Он был на открытом участке. Несколько выстрелов попали в землю около его ног, как фейерверки, а лазерный заряд провизжал над его головой. Он достиг дальней стороны улицы, пригнулся позади каменной лестнице и начал стрелять. Другие фигуры последовали за ним. Он слышал бегущие шаги, тяжелые ботинки, грохочущие по гравию, звуки проклинающих голосов.

Все это время, Болтун был звуковым сопровождением, воя, как ребенок.

Лазерный огонь раздавался прямо над ним. Подняв взгляд на мрачную поверхность здания, у которого он прятался, он увидел искры и шипение от вспышки из дула в верхнем окне.

Без колебаний и размышлений, он поднялся и побежал вверх по лестнице ко входу в здание.

Было тяжело сказать, чем изначально было это место. Настенная плитка была разбита и усеивала пол. Гниль обесцветила потолки неосвещенных коридоров. Он шел от двери к двери, водя дулом, дергая тяжелый ствол лазгана от одной воображаемой цели к другой. Он зашел по пролету трещащих, гниющих ступеней, скользя спиной к стене, а затем повернулся на лестничной площадке на второй пролет.

На следующей площадке он, наконец-то, встретит врага лицом к лицу.

III

Он только что вышел из комнаты, как будто сделав перерыв в какой-то работе и случайно направляясь в поисках курева или уборной. Впоследствии, Крийд был в состоянии вспомнить в поразительных деталях особенности в одежде и снаряжении человека. Он был одет в темную зеленую боевую броню экзотического вида, не носимую ни одним Гвардейским подразделением из тех, какие когда-либо видел Крийд. Броня была качественной и хорошо сделанной, и однажды была отполирована до блеска, но грязь сильно запачкала ее. Она выглядела легкой. На грудной пластине была инсигния из красного и зеленого, и какая-то декоративная тесьма на плече. Знаки были вульгарными и чужими, и не имели смысла.

Обвязка человека, его ботинки и, самое значимое, его лазган, были Имперскими. Его снаряжение весьма походило на снаряжение, которое было на Крийде. Крийд даже мог видеть маленькую желтую трафаретную отметку Муниторума, полустертую, на прикладе винтовки, которая обозначала место выпуска. Ему говорили, снова и снова на брифингах, и анекдотически в его увеличившейся семье Призраков, что враг часто использовал оружие, форму и транспортные средства, которые они захватывали у Имперской Гвардии.

Конечно, иногда они даже использовали людей, если людей можно было обратить.

Они стояли лицом к лицу на тусклой площадке лестницы меньше секунды, хотя этот момент навсегда отпечатался в памяти Крийда. Две вещи нарушили нерешительность. Первая, человек начал поднимать свою винтовку. Вторая, человек совсем не было человеком.

На нем не было ни шлема, ни головного убора, за исключением подбитого холщевого капюшона, который был завязан под подбородком, напоминающий такой у водителей танков, которые носили его под шлемами. За исключением инсигнии, от шеи вниз, человека можно было ошибочно принять в любом аспекте за Имперского Гвардейца. Однако, его лицо было отвратительной, искаженной массой, настолько опухшей, что ее первоначальная структура исчезла. Было похоже, что капюшон был завязан только для того, чтобы держать лицо вместе. Носа не было, только голые

дыры, а глаза под деформированными бровями были пялящимися, круглыми глазами большой птицы. Влажный рот открылся, чтобы показать зубы, похожие на иглы.

Ужас лица был последней вещью в фигуре, которую отметил Крийд, как будто он заблокировал его и впитал все остальные небеспокоящие детали, пока не смог не обращать больше на него внимания.

Крийд воскликнул от отвращения и выстрелил во вражеского солдата три раза из лазгана. Выстрелы оторвали существо от пола и отбросили на стену коридора.

Два, еще более извращенных существа, вырвались из той же самой комнаты. У одного было слюнявое рыло, полное желтых тупых зубов, которое не закрывалось. Второй, одетый в длинную шинель Гвардейца, выглядел в точности, как человек, за исключением того, что в его левой глазнице было два глаза.

У рыла был лазерный пистолет, и он стрелял в дикой, панической манере. Щепки полетели от стены позади Крийда и от перил перед ним. Крича, Крийд пробежал вверх последние несколько ступеней, сжимая спусковой крючок лазгана. В рыло с лазерным пистолетом так сильно попало, что он полетел назад через дверной проем, как будто кто-то его дернул внутрь. Другая тварь, у которой, казалось, нет оружия, повернулась и побежала от лестницы, широко раскинув руки, полы шинели хлопали, отчаянно крича что-то на языке, который заставил мозг Крийда зашипеть. Крийд упал на колено, с винтовкой у щеки, и сделал два прицельных выстрела, чтобы убить убегающую тварь. Она упала на лицо, на середине гниющего коридора, с толчком, который стряхнул пыль между досок на полу.

Крийд медленно поднялся. Внизу было много шума, где остальные из ТП 137 последовали за ним в здание. Вокруг него, на втором этаже, звук казался подвешенным. Пыль, потревоженная кратким, но бешеным обменом, плыла по воздуху. Крийд осторожно сделал несколько шагов вперед, его сердце стучало по ребрам, его руки тряслись. Вокруг него все казалось живым. За уголками глаз, казалось, что формы носятся и смешиваются позади серых обоев, или суется и грызутся за плинтусами. Куски плесени и разложения, казалось, двигаются, пока он был спиной к ним. Послышалось жужжание, как от мух. Скребущие звуки ночных жуков.

Еще шаг, еще. Это были все? Куда бежала тварь в шинели? Что она кричала? Был ли кто-то еще в комнатах в дальнем конце коридора?

Крийд сжал рукоять винтовки и сделал еще несколько шагов. Он был в паре метров от места, где лежал труп в шинели, только что пройдя полуоткрытую дверь, откуда вышли все три врага.

Его внимание было приковано к концу коридора. Куда тварь в шинели, тварь с кошмарным глазом, бежала? Коридор впереди – голый пыльные доски, испачканные стены, гниющий потолок – вел к темному, запачканному сажей окну наружу в дальнем конце. Рядом с окном, две двери по обе стороны коридора были закрыты.

Там что-то было. В одной из комнат. Крийд знал это. Его нервы чувствовали это более остро с каждым шагом, который он делал. Что-то. Слева или справа? Слева или справа? Еще шаг, еще. Что это было? Движение? Что-то только что двинулось в тени под правой дверью? Было—

«Ложись,» сказал Кафф.

Крийд повиновался, даже не задумавшись. Он плашмя упал на доски, когда правая дверь распахнулась и вышла визжащая свинотварь.

Она была огромной, такой же высокой, как и Крийд, но в четыре-пять раз массивнее. На ней были старые, расшнурованные Гвардейские ботинки и рваные форменные штаны, подвязанные под раздутым животом. Она была голой над талией, обвисшее брюхо безволосой розовой плоти было запятнано грязью и потом. Ее руки и плечи были массивными, наверное, такими же массивными, как у старого Корбека. Она несла тяжелую автопушку, черную и засаленную, как человек нормального размера нес бы боевой дробовик. Голова твари была крошечной, морщинистой, лысой, розовый шар с крошечными глазами и коричневыми бивнями. Она произвела пронзительный визг, когда открыла огонь.

Пушка гроыхала, питаемая по длинной, болтающейся патронной ленте, дуло трещало яростными вспышками. Каждый быстрый звук был смешением из ошеломляющего грохота и металлического гудения. Коридор позади Крийда разлетелся на части от атаки.

С пола, под непрекращающимся дождем, Крийд стал стрелять в ответ. Он попал в огромное, содрогающееся тело три раза, а затем его четвертый выстрел определенно был смертельным, когда попал в визжащее лицо твари. Свинотварь упала на спину, унося пушку за собой, последние выстрелы полетели неприцельно в потолок коридора. Попадания разорвали центр потолка в диком ливне штукатурки, пыли и расколотых досок.

Падая, тварь ударила по окну и выбила его, но не полностью.

Она упала на пол, правая рука зацепилась за разбитое стекло окна. Ствол пушки, выпуская дым, ударился по доскам, как кусок свинцовой трубы. Долгий булькающий звук раздался из мертвой туши.

Крийд медленно поднялся на ноги, все еще целясь в свинотварь. Воздух был густым от пушечного дыма. Он пошел вперед к свинотвари, чтобы убедиться, что она мертва.

Что-то ударилось в него позади и отбросило на дальнюю стену коридора.

Крийд ударился подбородком и щекой по стене, когда падал, и последовала вспышка боли, но он был больше в замешательстве и шоке. Что-то вопило ему в ухо. Все было расплывчато.

Что-то было на нем, пригвоздив его к полу.

Он умудрился полуповернуться. Еще один вражеский солдат, его воющее лицо было болезненной катастрофой, был на нем, обрушивая кулаки. Этот мерзавец должно быть выпрыгнул из боковой комнаты, которую Крийд не проверил. Крийд пытался блокировать повторяющиеся удары. Он потерял хватку на рукоятке винтовки, и он не мог должным образом поднять руки, чтобы защитить себя. Враг собирался забить его насмерть.

Протрещал лазерный выстрел и вражеский солдат, вздрогнув, сложился. Тело упало в сторону, и Крийд смог вытащить себя из-под него. В трех-четырех метрах дальше по коридору, в направлении лестницы, стоял Меррт. Танитец опустил свой лазган.

«В порядке?» спросил он.

Голова Крийда плыла. Его лицо пульсировало, и он мог чувствовать вкус крови и ощущать, как она стекает по губам. Он кивнул Меррту, и сделал попытку встать.

Он почти поднялся на ноги, когда началась суета. Еще один вражеский солдат выскочил из комнаты, чтобы схватиться с Мерртом. Они сражались лицом к лицу, Меррт был прижат к стене коридора, его винтовка была бесполезно зажата между его грудью и агрессором. Щелкая острыми клыками, солдат пытался добраться до горла Меррта, пока его руки пытались оторвать оружие Меррта от него.

Чувствуя головокружение, Крийд попытался двинуться. Он огляделся в поисках своего оружия, или чего-то, чем он смог бы ударить напавшего на Меррта.

У его ног была распростертая фигура врага, который его бил. Выстрел Меррта прошел чисто сквозь его тело, и он истекал кровью в расширяющуюся лужу вонючей черной крови на пыльном полу.

Он не был мертв.

Не в состоянии стоять, едва способный двигаться, он потратил свои последние несколько тяжелых вздохов на то, чтобы трясущимися пальцами вынуть чеку из гранаты.

IV

Крийд кинулся на умирающего солдата, сжав его руки, чтобы завладеть гранатой. Лежа, вражеский солдат закричал, и кровь хлынула у него изо рта. Он мгновение боролся с Крийдом, а затем, внезапно, затих.

Он выдернул чеку.

Не было возможности вставить ее назад. Крийд просто выхватил гранату из рук мертвой твари и бросил ее в открытый дверной проем. Была слабая надежда, что стена комнаты примет на себя бремя взрыва.

Те две или три секунды, которые понадобились Крийду, чтобы выбросить бомбу, Меррт боролся с другим солдатом. Скованные, схватившись лицом к лицу, они яростно боролись, пока Меррт не ударил врага в лицо аугментической челюстью. Солдат отпрянул назад, окончательно, по воле случая, вырвав винтовку из рук Меррта, и попятился задом в дверной проем, в который за секунду до этого Крийд метнул гранату.

Взрыв был глухим и плоским, и наполнил воздух кружащимися обломками и облаками пыли.

Тяжело кашляя, Крийд встал и осмотрелся. Нападавший на Меррта был полувидим сквозь дым, вырывающийся из комнаты. Он принял на себя силу взрыва. Комнатная дверь была выбита. Меррта отбросило до лестницы.

«Ты в порядке?» крикнул Крийд, все еще кашляя. Меррт кивнул и начал вставать.

Снизу кричали голоса. «Чисто?» крикнул голос. «Чисто?»

«Чисто!» крикнул в ответ Меррт.

«Заходим! Кто наверху?» спросил голос. Меррт с Крийдом поняли, что это был Собайл. Собайл был на лестнице. Его ботинки стучали по ступеням.

У Меррта не было винтовки.

Крийд посмотрел на Меррта, затем поставил ботинок на свой лазган, который лежал на полу, и толкнул его так сильно, как только мог, к Танитцу.

Меррт схватил его.

«Доклад? Кто захватил это здание?» объявил Собайл, когда прошел последний пролет, чтобы присоединиться к ним, с вытасненным пистолетом. Крийд посмотрел по сторонам и схватил ближайшую упавшую лазерную винтовку.

«Доклад!» сказал Собайл. Он посмотрел на Крийда. «Ты зачистил здесь?»

«Да, комиссар.»

«Что наверху?»

Крийд помотал головой. Собайл крикнул толпе солдат, идущих за ним, чтобы они проверили верхние этажи. Он снова посмотрел на Крийда. «Не стой здесь просто так!» резко бросил он.

Подразделение снова выдвинулось менее, чем через полчаса, назад в черноту ночного города. Крассианская дивизия наступала слева от их позиции. Их орудийный огонь и огнеметы освещали их, как реку лавы в темноте. Авиация проносилась над головой, чтобы помочь им. Крийд слышал отдаленный голос титана.

Оказалось, что они быстро приближаются к чему-то вроде внутренних городских стен или второй линии обороны.

Крийд мельком увидел массивные бастионы, усеянные орудийными портами и огнеметными башнями, которые периодически окутывали поверхность похожей на утес стены покрывалом из пламени. Высокие башни и жилые кварталы массово маячили позади внутренней стены.

«Стоп!» приказал Кекси, и заставил их залечь вдоль разбомбленной улицы, пока территорию впереди осматривали. С того места, где они залегли, Крийд мог видеть части защитной стены над ближайшими руинами. Сцена освещалась интенсивной перестрелкой, а руины на пути были всего лишь незначительными силуэтами.

Они ждали. Крийд прикоснулся к своему помятому лицу. Вся его голова, лицо и кости ключицы болели и пульсировали от яростных ударов, которые он получил. Его

челюсть, рот и один глаз опухли, а его губы были разбиты и воспалились. Кровь от ссадин и царапин засохла на его коже. Ощущалось так, как будто он порвал мышцы на шее, когда пытался отвернуть лицо от кулаков.

Он проигрывал бой в мыслях несколько раз. Каждый раз, когда он делал это, он надеялся, что лица вражеских солдат уменьшаться в своем ужасе, поблекнут после осведомления и многократного повторения.

Они отказывались. Он, в конце концов, встретил врага, и это оставило шрам у него в мыслях.

Визжащая свинотварь с тяжелым оружием была самой худшей. Если бы он не упал на пол, когда Каффран сделал предупреждение, он—

Крийд задумался об этом. Каффрана с ними не было. Он был в сотнях, может быть в тысячах километров. Хотя, это был его голос, ясный и четкий.

Так ведь?

Возможно, это было благословение Бога-Императора, которое позволило Каффрану присматривать за Крийдом. Крийд не возражал, но он удивился, почему Каффран? Почему не его ма, или не его настоящий отец?

«Встать!» приказал Собайл, и подразделение поднялось с лязгом снаряжения.

«Готовьтесь выдвигаться!» Они снова начали идти вперед. Битва впереди звучала громко, как самая громкая битва, в которую их втянули. Крийд пробежался языком по зубам. Чувствовалось, что нескольких не хватает.

«Эй,» сказал Меррт, зашагав в ногу рядом с ним. Он протянул свою винтовку.

«Ты мне дал свою,» сказал он.

«Ох,» сказал Крийд. Они быстро обменялись оружием. Меррт осмотрел свою сверху до низу.

«Это твоя?» спросил он Крийда.

«Ага. А в чем проблема?»

«Ни в чем.»

Кекси закричал. Подразделение начало бежать вперед, выходя из руин на подходы к огромному защитному бастиону.

Он были безмерным, больше, чем даже представлял Крийд. Свет от огня был таким ярким, что бы похож на опустившееся на землю солнце. Неистовый вихрь оружейного огня лавиной плыл в воздухе под огромной стеной. Улицы и подъездные пути из внешних районов заканчивались у стены на уровне земли, и шли дальше по гиганстким мостам, которые пересекали траншею перед стеной, и уходили в стену сквозь огромные, защитные врата. Сотни тысяч Имперских Гвардейцев направлялись вперед быстро текущими реками тел по дорогам и через мосты, чтобы штурмовать стену. ТП 137 пошла с ними.

ОХОТНИКИ

I

«Как вот этот называется?» спросил Цвейл.

«Сюерте,» ответил Эзра, Старый аятани фыркнул, кивнул и записал слово на куске пергамента.

«А этот? Вон там?»

Эзра вытянул шею и пристально посмотрел. Затем он нахмурился и пожал плечами.

«Это 'нет' или 'не уверен'?» спросил Цвейл.

Эзра снова пожал плечами.

«Ладно, поскольку я слишком далек от того, чтобы обречь целый вид растений на вечное проклятие,» сказал Цвейл, «пока что буду осторожен и опишу это, как 'другие'.»

В любом случае, Эзра не казался особенно обеспокоенным. Цвейл нацарапал краткое описание тусклого, невыразительного растения в вопросы, а затем пошел дальше, вдоль заросшего канала.

Тона Крийд бежала трусцой по краю засушенного поля, чтобы присоединиться к ним. Кантибле, все еще источающий дым в прозрачное небо, прятался за соседним холмом. Из города досились звуки большой суеты: отдаленный лязг бронетехники, шут двигателей Валькирий, весьма редкие выстрелы.

Ноа Вадим, Призрак, приставленный к аятани, чтобы присматривать за ним на открытой местности, отдал честь, когда она приблизилась.

Она посмотрела вниз на священника в заросшем поле, Нихтгейнец стоял над ним на краю поля, прилежно наблюдая за ним.

«Что он делает?» спросила она.

«Не спрашивайте,» ответил Вадим. Он широко зевнул.

«Устал?» спросила она. Она пожал плечами. «Тебе нужно было отдохнуть, пока была возможность.»

Небольшой части полка дали поспать несколько часов ночью.

«Я выспался,» ответил Вадим. «Думал, что не смогу спать в таком месте, как это...» Вадим бросил мрачный взгляд в стороне Кантибла. «Не, нет. Я хорошо спал. Это просто сны.»

Крийд кивнула. «Сны будут возвращать тебя сюда каждый раз. Продолжай молиться. Итак... что он делает?»

«Я не совсем уверен. Когда я спросил, он сказал что-то о 'методичном благословении', и на этом все.»

«Я пришла забрать Эзру.»

Вадим снова пожал плечами. «Вам придется взять и его с собой,» сказал он.

Крийд соскользнула вниз по пыльному уклону в заросший сорняком канал. Он был частью старой системы поля, разделитель культур, но попустительство и жесткое обращение самых последних хозяев Гереона, снизошедшее на землю, позволило ей сначала зарости, а затем засохнуть. Она шла к тому месту, где согнулся священник.

«Этот?» позвал Цвейл.

«Сюерте,» ответил Эзра сверху.

«Ах, да. Это уже попадалось, так ведь. А там, этот, этот внизу, этот страшный приятель?»

«Анкюнде,» сказал лунатик.

«Ты уверен?» спросил Цвейл.

«Анкюнде.»

«Анкюнде... ххаоус?»

Эзра кивнул. Цвейл нацарапал несколько слов на своем длинном куске перагмента, а затем решительно потянул раздражающее растение и отбросил его на край мертвого поля. Недавно вырванные останки другие растений уже усеивали край поля.

«Отец,» сказала Крийд. «Ваше задание здесь кажется скорее связанным с ботаникой.»

«Этот мир долго был без благословения Трона,» сказал Цвейл. «Ему нужно чертовски хорошее благословение, каждой душе, и жуку, и камню, и цветку. Высокий парень знакомит меня с местной флорой, так что я смогу быть весьма точен в своих молитвах.»

«Вы каталогизируете цветы, которые будете благословлять?»

«Цветы, растения... надеюсь, к этому полудню мы доберемся до деревьев.»

«Этому полудню?»

Цвейл посмотрел на нее. «Думаешь, это займет больше времени?»

«Я полагаю, что, возможно, вы не проводили всестороннее биологическое обследование местной растительной жизни на планете,» сказала она.

Он протянул свой кусок пергамент. «Значит, ты говоришь, что мне понадобится кусок бумаги побольше?»

«Именно это я и говорю,» ответила она.

Он повернулся к сорнякам. «Видишь ли, Тона, чего я не хочу делать, так это благословлять что-то, недостойное милости Императора. Внутри меня, всего лишь, ограниченная часть духовности, знаешь ли, так что я не хочу тратить ее впустую. Архивраг, прокляни его шкуру, Архивраг принес с собой растения, знаешь ли. Культуры и споры и прочие чужие штуки.»

«Да, я знаю,» сказала Крийд.

«Они заразили всю планету. Исушили почву. Задушили местные растения. Мерзкие твари. Высокий парень помогает идентифицировать их и вырвать их с корнем, так что я не благословлю их по ошибке.»

«Вы собираетесь очистить всю планету?» спросила она.

«Не будь душой, женщина, я не идиот. Просто если я вижу их, они раздражают меня, и я вырываю их. Высокий парень, он называет их... как ты их называешь?»

«Анкюнде,» сказал Эзра.

«Анкюнде. Точно. Означает своего рода чужое. Не из этого места. Не из окружающего. Аутсайдер. Не--»

«Я поняла,» сказала Крийд. «Отец, я пришла, потому что полковнику-комиссару нужен Эзра на время.»

«Но я все еще работаю.»

«Я понимаю, но это важно.»

«Ладно, я ведь действительно не смогу добраться до деревьев к полудню, так ведь?»

«Досадно, но определенно,» согласилась она. Она подняла взгляд на Нихтгейнца. «Гаунт,» сказала она. Без слов или другого признака подтверждения, Эзра повернулся и направился по полю к городу.

Цвейл устало и разочарованно выдохнул, и сел на откос канала. Он поднял полы и начал возиться с большими армейскими ботинками.

«Мои ботинки слишком большие,» сказал он. Затем он пожаловался, «И что мне делать, пока высокий парень не вернется назад?»

Крийд замешкалась. «Отец, есть кое-что.»

Цвейл резко посмотрел в ее глаза. «Далин,» сказал он. «Я не забыл. Знаешь ли, я упоминал его имя во все святые часы.»

«Я думаю, что это для меня,» сказала она. «Мне нужно больше, чем утренние полковые молитвы.» Он взял ее за руку и опустил на колени среди сорняков. «Здесь?» спросила она.

«Такое же хорошее место, как и любое другое,» ответил он. «Он где-то на этой земле, так что эта земля связывает нас. Мистер Вадим?» Цвейл протянул костлявую руку и сделал жест Вадиму, чтобы он принес палантин, распятие и книгу с антифоном, которые он оставил на краю канала.

«Итак,» сказал Цвейл, переворачивая страницы старой книги. «Молитва матери, за ее отпрыска, под взглядом Бога-Императора...»

II

«Внимание,» сказал Гаунт, когда вошел в центр группы, собравшейся на городской площади. Старшие офицеры встали по стойке смирно.

«Я сделаю все быстро, потому что у всех нас есть работа,» сказал Гаунт. «Первое, напомним людям под вашим командованием, что дневные уколы обязательны. Дорден сказал мне, что было несколько тех, кто забыл обратиться к нему этим утром за противолихорадочным. Без отговорок. Пусть это войдет в привычку. Второе, Кантибл будет нашей оперативной базой, по крайней мере, на следующие несколько дней. Для нашей же безопасности, нам нужно высылать вперед поисковые группы. Улица за улицей, дом за домом, основательные поиски. Я не хочу найти вражеское дерьмо, спрятавшееся среди нас, и я, определенно, не хочу, чтобы подпольные ячейки умудрились остаться незамеченными. Подвалы, погреба, чердаки. Ясно?» Последовал хор подтверждений.

«Есть какие-нибудь признаки глюфов или проволочных волков?» спросил Гаунт.

«Нет, сэр,» ответил Мколл.

«Хм, вот этого я не понимаю,» сказал Гаунт. «В любом случае, оставайтесь бдительными. Что-нибудь странно, что-нибудь, сразу воксируйте. Убедитесь, что ваши люди поняли. Это те вещи, к которым они просто будут не готовы, или с чем смогут иметь дело. Вот почему мы привели танки.» Он учтиво бросил взгляд на присутствующих офицеров Дев Хетры, которые почтительно кивнули.

«Местные выжившие?» спросил Гаунт.

«Мы обнаружили около двухсот семидесяти людей, которые, кажется, были порабощенными горожанами,» сказал Харк. «Все они серьезно больны, истощены, и с имплантированными тварями в руках. Как ты говорил, это называется? Разрешение? Некоторые отказываются говорить, или не могут говорить. Те, кто могут, подтверждают свою преданность Императору и благословляют нас за спасение.»

«Что может оказаться только тем, что, по их мнению, мы хотим услышать,» сказал Фарагут. «Нам, естественно, нужно держать их под стражей. Представители Инквизиции прибудут в течение нескольких дней.» Гаунт нахмурился. Ему это не нравилось, но он понимал, что другого пути не было.

«После обследования Инквизицией, и после соответствующих медицинских процедур, у них есть все основания ожидать освобождения,» сказал Фарагут. «Может быть, они в точности те, кем кажутся. Рабы. К тому же, есть прецедент,» подчеркнуто добавил он, «что Имперские граждане выживали на этом мире, не будучи оскверненными.»

«Но мы нашли только двести с чем то?» спросил Кёрк.

«Двести семьдесят,» сказал Харк.

«Из какого населения? Тридцать тысяч?»

«Около того.»

«Что, во имя Трона, случилось с остальными?» спросила Кёрк.

«Сомневаюсь, что мы когда-нибудь узнаем,» ответил Фарагут. «Или захотим узнать.»

«Пункт три,» сказал Гаунт до того, как собрание потеряло нить, «кажется, нам удалось установить начальный контакт, что было нашей главной задачей, так что я скоро покину это место, чтобы последовать за ним. Мколл поведет мой эскорт. Он собран?»

«Готов выдвигаться, сэр,» сказал Мколл.

«Хорошо. В мое отсутствие дирижерская палочка у Майор Роуна. Вопросы?»

Примерно через час они вышли, отряд их тридцати человек вместе с Гаунтом, Кёрк, Фарагутом и Эзрой, и пошли на север. Их путь пролегал по сельской дороге через уничтоженные сельскохозяйственные зоны Провинции Ловенса в направлении маленького городка под названием Ванвиер.

День был теплым и тихим, солнце медленно ползло позади белого туманного покрова. Глубокие, скрипящие, судьбоносные звуки достигали их ушей с огромных

расстояний, предполагающие, что они могут слышать эха главных битв на всех континентах, хотя Фарагут отверг это, как желанные мысли и возложил вину на происки ветра.

«Здесь нет ветра,» сказал Ларкин Бростину.

Еще одним происком ветра, возможно, было шипящее потрескивание статики, которое появлялось в воздухе время от времени, и, казалось, было связано с солнечным излучением.

Пейзаж был увядшим и мертвым. Когда-то это был пышный пахотный регион, похожий на часть страны, вокруг Инейрон Тауна, где выросла Кёрк и где у ее семьи были сельхозугодия. Ее собственные земли, уже разграбленные и уничтоженные до того, как она покинула их, возможно, сейчас выглядели так же: пыльная местность, где все еще росли только самые грубые травы и мерзкие ввезенные грибы, где усадьбы и одинокие фермы стояли пустыми и мертвыми, а сухие кости домашнего скота усеивали потрескавшуюся землю.

Это был горестный вид. Кёрк говорила немного, пока шла, но Гаунт сопереживал горю, которое она скрывала. Не так много времени прошло с тех пор, как он жил на это мире, и уже тогда мир испытывал страдания. Земля, климат, растительная и животная жизни начинали страдать, как будто заболели, и естественные циклы начали разваливаться на части. Это было ничто, по сравнению с этим. Гереон больше не был местом, страдающим от жестокого начала болезни или инфекции. Это была терминальная фаза упадка и разложения.

Пока они шли, Гаунт сверился с Белтайном. Вокс-офицер, используя новые коды, которые нашел Бонин, в конце концов, установил связь с Утренней звездой этим утром. Дневная звезда была кодом до одного из нескольких подпольных контактов, с которым Флоту удалось установить контакт перед освобождением. Предполагалось, что силы Гаунта встретят их в храме Кантибла. Очевидно, планы изменились.

«Соппротивление выжило только потому, что соблюдало секретность так, как могло,» сказала Кёрк. «Добраться до него может быть долгим делом. Даже хотя мы и не враги, вытащить их из их секретных убежищ может быть тяжело.»

«Мы попробуем. К тому же, эту задачу возложило на нас Высшее Командование. Не важно, сколько горячего металла мы бросаем на главных театрах боевых действий, мы не сможем должным образом взять Гереон, пока не откроем его изнутри. Для этого, подполье жизненно важно.» Кёрк кивнула, но это было странное выражение, как будто она пыталась убедить себя. Фарагут, рядом с ней, улыбнулся. Он выглядел так, как будто хочет что-то сказать.

«Что такое?» спросил Гаунт.

«Ничего, сэр,» сказал Фарагут.

Впереди, Крийд внезапно закричала, «Вниз! С дороги!»

Отряд тотчас убрался с дороги и занял укрытие в мелком канале у дороги. Земля вокруг была плоской, и покрытой густой розоватой травой, которая выросла до высоты хлебных злаков.

Гаунт подполз к Крийд и Мколлу.

«Что ты видела?»

«Что-то в траве, примерно, в полукилометре. Что-то большое, низко крадущееся.»

«Например?» спросил Гаунт.

«Большое животное. Хищник. На самом деле, только очертания, слишком низко в растительности, чтобы я смогла определить. Было похоже, что оно преследует нас. Как будто мы стадо дичи.»

Мколл и остальные разведчики в отряде поползли вперед, чтобы проверить. Когда они вернулись, доложив, что следов нет, Гаунт снова повел отряд.

«Должно быть мое воображение,» сказала Крийд, говоря так, как будто сама в это не поверила. Она думала об ужасных сталкерах, кованных Анкреон Секстуса, которые приходили и пропадали, благодаря искажающему влиянию Хаоса, таким способом, каким смертный человек не мог.

Они дошли до зоны видимости их пункта назначения, маленькой фермерской деревушки под названием Кайфер. Это была дряхлая коллекция каменных зданий,

построенная на низком холме среди розовых трав захватчиков, на территории, утыканной мертвыми останками таликсовых и келтресовых деревьев. В нескольких километрах от деревушки начинался густой пояс хилого леса.

Здесь не было никаких признаков жизни. Деревня казалась мертвой и отданной на милость стихий. Через бинокль, Гаунт мог видеть, что каменные стены были разрушены, а дома и сараи были без крыш. Кости мертвого скота лежали на каменистой земле среди ржавеющих фермерских машин. Развалины ветряной мельницы стояли в центре, неподвижные лопасти напоминали изодранные крылья.

Ветряные мельницы были общей чертой в сельскохозяйственных провинциях. Они уже видели несколько разрушенных мельниц во время марша.

Гаунт вспомнил ряд гигантских ветряных мельниц, обозначающих границу Провинции Эдриан, место, где Бростин когда-то провернул особенно впечатляющий трюк с топливозаправщиком прометиума. Это казалось так ужасно давно.

«Попробуй связаться,» сказал он Белтайну.

Белтайн опустился на колени и настроил свой нестандартный передатчик вокса. «Дневная звезда, Дневная звезда, это Нагой. Пожалуйста, ответьте.» Он послал сообщение, как вербальный сигнал, и, в то же самое время, рукой настучал невербальный код по клавише передатчика.

Ничего не пришло в ответ.

«Да что с ними, фес их, не так?» пробормотал Гаунт.

«Они не совсем говорили сегодня утром, сэр,» сказал Белтайн. Это было правдой. В общем в предыдущем сообщении, кроме проверочных шифров, было «мельница Кайфера, ночью.»

«Возможно, они наблюдают за нами,» сказала Кёрк. «Убеждаются, что мы те, за кого себя выдаем.»

«Я бы знал,» сказал Мколл.

«Или, может быть, нет,» сказала Кёрк разведчику.

«Может быть, они залегли,» сказал Белтайн. «Я имею в виду, если что-то напугало их. Может быть, они думают, что что-то неправильно, и они не хотят выходить, пока не станет безопасно.» Гаунт водил биноклем вокруг, рассматривая деревню и окружающий вид. Внезапно он остановился.

«Что, сэр?» спросила Крийд.

«Я думаю, что Бел прав. Я думаю, что что-то неправильно.»

«Что вы имеете в виду?»

«Ты говорила, что решила, что что-то крадется за нами?»

«Ага?»

«Полагаю, что я только что тоже это видел.»

III

Здание когда-то было колледжем или госпиталем, и стояло в юго-западном углу Кантибла.

Ранние патрули докладывали, что оно пустое, но сейчас Колеа командовал поисками в этой части улиц, и он хотел убедиться.

«У чего-то такого большого есть подвал,» сказал он Варлу. «Кладовые, погреба, складские помещения. Мы проверим его комната за комнатой.»

Отряды выдвинулись.

Небо приняло резкий желтый оттенок. Несмотря на осторожность, шаги Призраков шумно стучали по разбитому двору старого места.

«Сэр?»

Колеа пересек двор к открытой двери, где стояли Домор и Чирия.

«Что у тебя, Шогги?»

«Всего лишь зал,» сказал Домор. Колеа пристально уставился внутрь. Это, на самом деле, был большой зал для приемов или для паствы. Стены были ободраны, а пол был покрыт разбитым стеклом и разбитыми деревянными скамьями. В дальнем конце, большие грязные узкие окна были подсвечены дневным светом, и показывали неясные очертания деревьев снаружи.

«Люки есть? Двери?»

«Нет, сэр,» сказал Чирия Колеа.

«Тогда, ладно,» сказал Колеа, делая шаг назад. «Продолжайте.» Его связь пропищала. Это был Мерин.

«Да, капитан?»

«До конца улицы дома пустые, сэр. В одном мы нашли несколько тел. Старые трупы. Больше ничего. Мне выдвигаться на следующий ряд?»

«Нет, погоди. Мы скоро будем там. Я хочу, чтобы поиски перекрывались.»

«Понял.»

Варл тащился к нему по двору вместе с полудюжиной других Призраков.

«Что в том направлении?» спросил Колеа.

«Подвал,» сказал Варл. «Он брошен. Там есть несколько кладовых, но они захламлены.»

«А что за той стеной?» спросил его Колеа. Дальняя сторона двора была окружена высокой каменной стеной.

«Улица,» сказал Варл.

Колеа кивнул, а затем замер. «Нет,» сказал он, «не может быть.»

«Я уверен в этом,» сказал Варл.

«На улице есть деревья?» спросил Колеа. «Ты помнишь какие-нибудь деревья?»

«Нет,» сказал Варл.

Колеа постучал по микро-бусине. «Э, Мерин? Ты все еще на улице?»

«Да, сэр. Прикрываем с северного конца.»

«Ты видишь какие-нибудь деревья?»

«Повторите?»

«Деревья, Мерин? Ты видишь какие-нибудь деревья?»

Пауза. «Деревьев нет, майор.»

«Что происходит?» спросил Варл. Колеа указал на стену. «Позади нее не может быть улицы. Улица проходит дальше слева. Если бы там была какая-нибудь, сомневаюсь, что стена закрывала бы то, на что выходит этот зал. А через окна зала ты сможешь

увидеть деревья.» Они пошли к высокой стене. Камни были грязными и черными, как будто сажу нанесли на них, а потом покрыли лаком. Колеа шел вперед, с Варлом и несколькими другими членами отряда.

«Дверь,» провозгласил Колеа.

«Фес,» сказал Варл. «Кто ее пропустил?»

«Неважно,» ответил Колеа. «Не думаю, что это место хочет, чтобы мы узнали его секреты.» Дверь, узкая и деревянная, была выкрашена в черный, и установлена вровень с каменной кладкой. Даже вблизи, она была практически незаметной.

«Приготовить оружие,» начал говорить остальным Варл. «Мы быстро ворвемся и --» Но Колеа уже открыл дверь.

«Фес!» сказал Варл и последовал за ним.

Позади был дворик, маленький, темный внутренний двор, окруженный со всех сторон высокими, черными стенами, за исключением примыкающей к залу.

Земля была покрыта человеческими костями. Густо покрыта. Кости были перемешаны, местами были кучи, и навалены вдоль стен. Здесь был запах долгого гниения, а плесень разрослась на внутренних стенах. Это место было похоже на склеп, или на грязный, анатомический мусор.

«Гак,» вздохнул Колеа. «Полагаю, что мы выяснили, куда подевались все люди.» Рядом с ним, Варл уставился с ужасом на расчлененные останки мертвых, плящущиеся глазницы, раззявленные рты, коричневые ребра. Остальные солдаты, не впервые видящие смерть, были так же прикованы к местам в ужасе.

«Деревья,» внезапно задумался Колеа, тяжело сглатывая и пытаясь заставить свой мозг думать снова.

«Почему я видел деревья?»

Он поднял взгляд и увидел три высоких, тонких виселицы перед окнами зала. Дерево, из которого они были сделаны, было темным, как будто окрашенным кровью. Скелетные металлические манекены висели на стальных струнах, тихие, пустые и обнаженные.

Варл увидел, на что смотрит Колеа. Шок на его лице медленно превратился в страх.

«Гол,» прошептал он, очень медленно пятась и пытаюсь заставить остальных пойти с ним.

«Гол, ради Трона... это проволочные волки.»

IV

Они шли сквозь розовую траву к границам Кайфера. Мколл задержался позади, наблюдая за лугом в поисках признаков твари, крадущейся за ними.

«Это было в траве,» сказал Гаунт, «и исчезло до того, как я смог рассмотреть.»

«Зверь?»

«Охотничий зверь,» кивнул Гаунт. Он отказывался произносить слово *демон*, но что еще могло бродить на мире, захваченном Губительными Силами?

Склоны на подходе к деревне навевали тоску. Розовая трава и фиолетовый лишайник цеплялись за низкие каменные стены и иссохшие ворота, а деревья были мертвыми и сухими, как кости гиганстских рук. За покосившимися стенами, среди поломанных фермерских машин и разбросанных костей животных, были крошечные свидетельства давнего присутствия людей: оловянное ведро, полное деревянных прищепок, выбеленных на солнце; ряд старых ботинок и туфель, с потрескавшейся кожей, напоминающей старую плоть, загадочно стоящих на верху каменной стены; сломанный рупор, лежащий в сорняке; кукла с одним глазом-пуговкой; несочетающиеся кружки и чашки, и другие емкости, лежащие любопытным узором в траве, каждая наполовину наполненная застоявшейся дождевой водой; колода для нарубания дров, и дрова рядом, но никакого топора.

Небо потемнело, и поднялся легкий ветер, проводя по траве, как невидимая рука и заставляя мертвые деревья потрескивать. Где-то стукнула дверь. Ткань, приделанная к порванным крыльям ветряной мельницы, начала хлопать.

Они уже подходили в деревне. Гаунт вытащил свой болт-пистолет и рукой сделал знак всем залечь. Отряд, разошедшийся веером, залег в укрытия около стен и наружных построек.

«Бел?»

Белтайн опять попытался связаться по воксу. На этот раз ответом на его сообщение было визжащее искажение.

«Атмосферные помехи,» сказал он. Гаунт кивнул. Не удивительно. Ощущалось, как будто приближается шторм. Цвет небо говорил о том же самом, как и изменения в свете. Поднявшийся ветер был холодным, как будто воздух шел с полярной широты. Теплую тишину, которая окружала их с самой высадки, сдуло прочь.

Гаунт уже собирался выдвигаться дальше, когда все они услышали долгий, урчащий рык. Он шел издалека, и переносился ветром, и можно было предположить, что вначале он был громким.

Эзра вздрогнул и поднял свой рейнбоу.

Гаунт обернулся к Мколлу. Разведчик указал. Звук, настолько, насколько он был уверен, шел с раскачивающегося луга.

«Крийд,» сказал Гаунт. «Займи здесь позицию. Ларкс, Мктасс, Гаронд... со мной и Мколлом.»

Названные солдаты поднялись и поспешили по склону за Гаунтом.

«Это двигается, как дикий кот,» прошептал Мколл, когда они все забрались в укрытие. «Живот низко, уши прижаты.»

«У этого есть уши?» спросил Ларкин.

«Я это не видел,» признался Мколл, «но я могу ощущать это. Я чувствую, что оно наблюдает за нами и подходит ближе.»

Еще один урчащий рык донесся на ветру. Это был почти кашляющий звук.

«И мы можем это слышать,» добавил Мколл.

«Держи заряженным,» сказал Гаунт Ларкину, указывая на лонг-лаз. «Оно большое и быстрое, и мы должны быть в состоянии убить это.»

«Если я это увижу, я снесу ему нафес голову,» заверил его Ларкин.

«Правильно,» сказал Гаунт. «Гаронд и Мколл, налево. Мктасс, со мной направо. Ларкс, ты вперед, и поглядим, не сможем ли мы взять это в клещи.»

«А были ли большие хищники на Гереоне?» спросил Гаронд.

«Нет,» сказал Гаунт. «В Антилле, может быть, но не в таком месте, как это. Это проблема. Это что-то, что притащил враг. Вперед.»

Две группы поспешили прочь, пригнувшись, сквозь качающиеся травы. На бегу, Гаунт решил, что снова услышал рык, но понял, что это был грохот приближающегося грома. Он махнул Мктассу залечь, и они поползли вперед. Гаунт нащупал рукоять своего силового меча. Было тяжело вынуть его из ножен, в укрытии, но время для этого могло наступить. Меч уже пробовал на вкус зверей варпа.

В семидесяти метрах, в трепещущей розовой траве, Мколл и Гаронд подползли к основанию одного из мертвых деревьев.

«Чуешь?» прошептал Гаронд.

Мколл кивнул. «Кровь. Высохшая кровь.»

«Что это еще за гак?» прошипел Гаронд.

«Мертвый, вот что это такое,» прошептал в ответ Мколл. «Мне не важно, насколько ты большой и мерзкий, ты не напугаешь Призраков.»

Мколл всмотрелся. Все еще не было ничего видимого. Кашляющий рык раздался снова, легкое урчание. Затем оно пропало.

«Где же ты?» прошептал Мколл.

Ларкин шел вперед, покачивая лонг-лаз. У него было покалывание, снайперское покалывание, которое предсказывало место цели, когда ее все еще нельзя было увидеть. Восемьдесят, девяносто шагов впереди, в высокой траве, между двумя раздвоенными деревьями. Ларкин мог бы поставить деньги на это, если бы рядом был Варл. Это было в кишках, а Ларкин был охотником очень долго. Он приложил винтовку к щеке.

«Между деревьями,» тихо воксировал он.

«Конкретнее,» ответил Гаунт.

«Два дерева слева от вас. Высокое без веток, изогнутое, как шея лебедя. И взъерошенное, как женщина, нагнувшееся на сильном ветру с задранной юбкой.»

«Вижу их.»

«Земля там уходит вниз во впадину, весьма глубокую. Там внизу.»

«Ты уверен?» воксировал Мколл.

«Мой желудок.»

«Мне этого достаточно,» отметил Мколл.

Ларкин прицелился. Сквозь прицел он смотрел на кивающую траву. Впервые он решил, что разглядел очертания, темные очертания. Он собрался.

Послышался еще один рык, шумный, фыркающий звук, и тварь двинулась. Она начала выходить из травы, как будто поднималась для прыжка. Ларкин увидел ее глаза, яркие, желтые и светящиеся. Его прицел был прямо между ними. Выстрел в голову. Он сделал его.

Горячий выстрел прошипел сквозь розовую траву и ударил между глаз зверя. Последовал металлический треск.

С кашляющим ревом, как будто от боли, зверь резко и внезапно поднялся. Теперь они могли увидеть его.

Теперь они могли увидеть, что это был за зверь.

«Ох, фес,» сказал Мколл.

V

«Бежим!» заорал Гаунт. «Не поднимайтесь!»

Они рассыпались. Ревя и фыркая, зверь вырвался из впадины, сминая высокую траву на своем пути. Гейзеры черного дыма вырывались из задней части в воздух, когда он двигался вперед. Его огромный двигатель ревел. Это была машина, но, так же, это был и зверь и демон. Это был вражеский танк.

Потрепанная броня была темно-красной, местами краска отвалилась, чтобы обнажить серый металл.

Помятые пластины и мотки ржавой колючей проволоки усиливали края. Заклепки покрывали его, как рыбы-прилипалы. По бортам стучали привязанные трофеи. На башне был единственный знак, рунический символ вселенской злобы. Желтые глаза-фары светились спереди корпуса.

Зверь выбрался из впадины с тревожной скоростью, и поехал по плоской поверхности с грохотом гусениц. Он направлялся прямо к позиции Ларкина.

Гаунт все еще бежал. Он оглянулся.

«Ларкин?»

Автопушка, встроенная в левую сторону корпуса зверя открыла огонь.

Снаряды большого калибра полетели сквозь качающуюся траву. Куски земли полетели в воздух. Маленькое, мертвое дерево разлетелось на сухие щепки.

«Ларкин!»

Не было никаких признаков старшего снайпера.

Зверь внезапно повернул налево, одна гусеница вращалась, пока другая застыла. Грязь и почва полетели позади него, когда он зарылся. Подскакивая, он развернулся в сторону Гаунта с Мктассом.

Как будто он услышал его голос.

Основное орудие зверя, наклонившееся при движении, как вялая конечность, было направлено вниз, слегка ниже горизонтали. Механизмы башни взвыли над грохотом двигателя, когда пушка начала подниматься.

Гаунт с Мктассом уже упали в траву. Гаунт повернул голову в сторону и мельком увидел Мктасса в нескольких метрах от себя, сквозь траву, ползущего вперед на четвереньках.

«Оставайся на месте--» собирался сказать он.

Зверь заговорил.

Звук его главного орудия при выстреле был болезненно громким, как кувалда, ударяющая по наковальне. Расстояние было таким малым, что невозможно было услышать свист снаряда. В двадцати метрах от Гаунта, огромный кусок земли испарился в конусе дыма и огня. Взрыв сотряс землю.

Зверь замер, и прозвучал еще один визг металла о металл, когда его башня повернулась в другом направлении. Она остановилась.

Гаунт обхватил руками голову и сжал зубы, ожидая—

Зверь заговорил снова. Еще один вулкан земли и огня вырвался из земли.

Гаунт слышал раньше выстрелы танков тысячи раз, как вблизи, так и издалека, и не только близость угрозы делала голос зверя особенно чудовищным.

Это, на самом деле, *был* голос. Это был грохот тяжелого орудия, но в этом грохоте, в этом стуке кувалды по наковальне механизма главного орудия и выстреле, была органическая нотка. Вой. Рев вожделения, ярости и ликования. Грохот голода.

Двигатель взревел снова, и зверь развернулся, звенья траков загрохотали. Он начал трястись в сторону позиции Мколла.

Его образ действий был экстраординарным. Гаунт знал значение бронетехники, ее силу и мощь, ее психологический смысл. Танки были жизненноважным инструментом войны, как неутонченные монстры, которые могут ворваться и доставить огромную огневую мощь.

Этот зверь не действовал, как танк. Он не просто неумолимо надвигался на них, стреляя из орудий. Он охотился за ними, и он охотился за ними с тех пор, как они заметили его ранее этим днем. Возможно, что даже раньше. Они были убеждены, что это был большой хищник, прячущийся в траве от них, и он был там. Когда зверь впервые появился, все, что смог вспомнить Гаунт, что во впадине и высокой траве был корпус, а не *брюхо*.

С каких это пор танки ведут себя, как волки или дикие коты?

Зверь направлялся к территории, где Гаунтв последний раз видел Мколла. Его пулемет выплюнул несколько ленивых выстрелов, а затем он внезапно остановился. Резко затормозив, его корпус затрясся от носа до хвоста. Трофеи, украшающие его борта – по большей части человеческие черепа и Гвардейский шлемы, нанизанные на проволоку, как бусы – мгновение качались и стучали. Большая турбина работала на холостом ходу. Маленькие облачка черного дыма вырывались из выхлопных труб.

Что он делает? Чего он ждет?

Башня снова начала медленно поворачиваться налево. Металлический обод башни произвел вымученный скрежет несмазанных шарниров, как каменная плита, которую вытаскивают из гробницы. Башня остановилась по направлению склона холма, где располагалась деревня. Послышался электрический вой, и пушка медленно поднялась на двадцать пять градусов выше горизонтали, целясь прямо в Кайфер.

Не целясь. Гаунт поднял голову и рискнул посмотреть. Зверь стоял в тридцати метрах, тяжелой задней частью к нему. Главное орудие не нацелено на Кайфер, подумал Гаунт. Зверь... принюхивается к деревне. Нюхает воздух, как кот.

Медленно, Гаунт вынул свой силовой меч. Пока зверь занят, может быть, он сможет подкратиться к его задней части и добраться до слепого пятна. Бронелисты или не бронелисты, силовой клинок Иеронимо Сондара сможет пробить вентиляционную решетку или выхлопное отверстие и повредить двигатель.

Раздумывая, что кто-то улыбается ему с золотого трона...

Он пошел вперед. Он не активировал меч из страха, что гул от его включения выдаст его... боясь, что танк сможет это услышать. Мысль была бы забавной, если бы не

была так пугающе реальной. Справа от себя он увидел Мктасса, все еще в траве, яросто показывающего знаки, что Гаунт не должен пробовать это.

Слишком большой риск, говорили жесты Мктасса и широкие, пристальные глаза. *Вы убьете себя.*

Вы убьете всех нас.

Гаунт продолжал идти. Он сжал пальцы на рукояти силового меча, держа его у бедра. Его ноздри были атакованы потоком выхлопных газов стоящего зверя, прогорклого масла и сажи, запахом сухой крови от вызывающих ужас боевых трофеев, привязанных на нем.

Он был в десяти метрах от задней части зверя, когда все изменилось. Он увидел шквал искр, осветивших склон прямо позади разрушенной деревни, идущих из-за одной из разрушенных стен пастбища. С расстояния, это выглядело, как искры в очаге. В ту же секунду над головой пропели лазерные заряды.

Кто-то на склоне стрелял из лазгана на полном автомате в зверя.

Расстояние было большим, и даже в упор лазерная винтовка не могла пробить броню танка. Гаунт понял, что это было. Это была чья-то попытка отвлечь внимание. Это была чья-то попытка отманить танк от них. Гаунт осознал это со смесью теплоты и раздражения. Кто-то в его отряде рисковал своей жизнью, чтобы отвлечь танк, и это было самоотверженно. В отряде у Рядового Гонри была фесова труба и, по-видимому, кто бы ни стрелял, он надеялся соблазнить зверя подъехать на расстояние выстрела ракетой.

Тем не менее, Гаунт был очень близко, и это портило его шанс.

Он рванул из укрытия и начал бежать, включив силовой меч в надежде, что сможет пробить зверя-машину до того, как он поедет.

Двигатель стремительно ожил, извергая поток черных выхлопов, и зверь снова заговорил.

Он сказал три раза. Вой-кувалды-по-наковальне. В смятении, Гаунт увидел, как три снаряда упали на склон позади Кафера, превратив линию стены в каменный дождь, уничтожив пару мертвых деревьев, и вырвав кусок земли с травой.

Зверь начал двигаться вперед, траки застучали, как быстрая перкуссия. Земля, камни и пучки травы, похожие на маленькие скальпы, полетели назад, когда он поехал, и Гаунту пришлось прикрыть лицо. Он не смог достать его. Зверь удалялся.

«Нет!» выплюнул он.

Зверь услышал его.

VI

Зверь развернулся на месте, пережевывая землю, когда поворачивал свою темную тушу. Выхлопной дым резко полетел вверх от внезапных усилий. Он повернулся к Гаунту. Его фары пульсировали желтым светом.

Гаунт исчез. Позади зверя никого не было.

Зверь взревел своим двигателем, звучащим, как рассерженный рык. Встроенный в башню пулемет застучал и выплюнул очередь, которая прочесала траву перед ним, и подбросила в воздух облако изорванных растений.

Зверь поехал вперед, направляясь по пути из примятых стеблей, который он оставил ранее.

Что-то сбило с ног Гаунта прямо перед тем, как зверь начал поворачиваться. Откуда появился Мколл, Гаунт не был уверен. *Лежите*, показал Мколл.

Они лежали на спинах в густой траве, слыша фыркание, рычащее разочарование зверя поблизости. Они слышали, как он стреляет из пулемета, и слышали, как рядом свистят пули. Затем они услышали, как он начал ехать вперед, приближаясь.

Гаунт непроизвольно дернулся, но Мколл положил твердую руку ему на грудь. *Лежите. Не двигайтесь.*

Шум двигателя и гусениц стал ближе и громче. Зверь набирал скорость.

Не двигайтесь.

Зверь проехал менее, чем в трех метрах слева от Гаунта. Его шум отдалился.

Они ждали, и это казалось вечностью, что шум изменится, что зверь снова развернется, но шум просто удалился.

Мколл с Гаунтом медленно поднялись и выглянули над кивающей травой.

Не было никаких признаков зверя. Ни звука. Ни дыма.

Они поднялись на ноги. Появились Гаронд с Мктассом, из разных точек в сорной траве.

«Куда, фес его, он делся?» спросил Гаунт.

«Туда,» указал Гаронд. Примятый путь из розовой травы вел вниз по склону, следуя изгибу холма, на котором стоял Кайфер. Жесткие стебли розовой травы уже начали подниматься.

Мколл пробежал вперед немного и запрыгнул на нижние ветки одного из мертвых деревьев. Он подтянулся выше, чтобы получить хороший обзор.

«Он ушел,» сказал Ларкин.

Мколл посмотрел вниз. Ларкин прислонился к иссохшему стволу дерева, прячась за ним. Снайпер указал вниз по склону. «В последний раз я видел его, когда он снова катился в укрытие. Минуя ту грудку камней в маленькую низину.»

Мколл соскользнул с дерева. «Я пойду за ним. Выслежу его,» сказал он.

«И что будешь делать, когда найдешь?» спросил Гаунт. «Нет, мы перегруппируемся. Мы знаем, что он там, и мы знаем, как он передвигается. Мы будем сохранять бдительность, и когда он снова появится, мы будем готовы.» Они с трудом пошли обратно на холм к окрестностям Кайфера, минуя три, все еще горящие, воронки, которые на склоне оставил зверь. Появилась Крийд, чтобы встретить их.

«Это ты стреляла?» спросил Гаунт.

Она кивнула.

«Храбро. Может быть, глупо, но спасибо.»

«Я хотела подтянуть его поближе, чтобы Гонри смог уничтожить фесовой трубой,» сказала она, притворяясь, что ее действия не имели ничего общего с вытаскиванием шкуры Гаунта из огня.

«Приличная идея.»

«Куда он делся?» спросила Крийд, следуя за ним по склону.

«Никуда,» сказал Гаунт. «Он все еще там. Установи караул. Фес, это еще что?» Они соединились с основной группой, которая укрывалась на пыльном дворе позади ряда наружных построек. Фарагут стоял у стены овчарни, его пистолет лежал у ног. Эзра терпеливо целился в него из рейнбоу. Остальная группа была здесь, наблюдая, многих развлекал дискомфорт комиссара.

«Было происшествие,» весело сказала Крийд.

Гаунт подошел к Эзре и кивнул. Нихтгейнец поднял свой рейнбоу и отошел. Гаунт посмотрел на Фарагута.

«Что произошло?» спросил он.

«Ублюдок собирался застрелить Крийд,» резко бросил Белтайн.

«Да, именно так,» фыркнул Фарагут. «Послушайте, что они говорят. Для полноты картины.»

«Тогда вот что мне скажи,» сказал Гаунт. «Ты угрожал моему сержанту своим оружием?»

«Я вытащил свой пистолет для убедительности, потому что она отказалась исполнять прямой приказ.»

«Твой приказ?»

«Прямой приказ. Я сказал ей, что буду вынужден застрелить ее, если она продолжит неподчиняться, как сказано в *Инструментах Порядка*, параграф--»

«Ой, пожалуйста не надо, Фарагут,» сказал Гаунт. «Какой был приказ?»

«Она намеревалась стрелять в тот танк. Я сказал ей не стрелять. Я приказал отряду не стрелять и оставаться в укрытии.»

Гаунт кивнул. «Ясно. У тебя здесь была противотанковая ракета, и Крийд хотела подвести врага на дистанцию выстрела, а ты видел все это по-другому?»

«Я видел это реально!» ответил Фарагут. «Шансы, что мы уничтожим танк, были маленькими. Очень маленькими. Шансы, что танк уничтожит всю эту группу до того, как она достигнет поставленных целей, были намного выше, по моему мнению.

Связаться с сопротивлением жизненно важно. Я не мог допустить, чтобы что-то уменьшило наши шансы.»

«Даже если это означало бросить меня и остальных умирать?» спросил Гаунт.

«Даже так. Вы знаете, что поставлено на карту, Гаунт. Вы знаете, что такое необходимая жертва.»

«Ты все равно открыла огонь?» спросил Гаунт Крийд.

«В тот момент, когда вы с Мколлом были там внизу, я командовала отрядом. Танк нужно было уничтожить, по моему мнению.»

«Она открыла огонь. Я пошел сделать ей выговор,» сказал Фарагут. «Возможно, у меня в руке был пистолет в то время. Затем ваш партизан направил свое оружие мне в лицо.»

«Во всей Вселенной у Эзры всего лишь несколько друзей, Фарагут,» сказал Гаунт. «Направлять свое оружие на одного из них плохая идея. Давай закончим на этом. Подними свою чертову пушку.»

«Организуем караулы!» крикнул Мколл. «Я хочу, чтобы были установлены наблюдательные пункты на возвышенности на случай, если этот танк снова покажется!»

«Гонри, держи трубу подготовленной,» сказала Крийд. «Кто-нибудь, будьте рядом с ним, чтобы заряжать.» Все зашевелились. Гаунт пошел к ветряной мельнице. Он осознал, что Кёрк идет с ним.

«Гаунт?»

«Да?»

«Фарагут--» начала она.

«Что Фарагут?» спросил он.

«Здесь есть кое-что,» сказала она. Ее голос затих.

Он остановился и повернулся к ней. «Я совершенно не понимаю, что ты пытаешься сказать мне,» сказал он.

Кёрк печально покачала головой. «Я тоже не понимаю. Мне ничего не говорили. Тебе ничего не говорили. Они не должны говорить нам. Мы, всего лишь, пешки.»

«Кто это 'они'?» спросил Гаунт.

Она пожала плечами. «Этого я тоже не знаю.»

Гаунт фыркнул. «Ты не делаешь ничего, кроме как звучишь ужасно параноидально, Кёрк.» Она улыбнулась. Она обхватила руками свое тощее тело, как будто ей было холодно. «Я знаю. Слушай, ты когда-нибудь хотел чего-то так сильно, что отдал бы все, чтобы иметь это? Ты когда-нибудь молил о таком?»

«Я не знаю.»

«Ты бы знал, если бы было такое. Если бы ты желал чего-то так сильно, что это бы делало больно. Ты отдаешь все, все, только чтобы иметь это. Только... когда ты все бросил, ты все отдал, а ничего нет.»

Ветер поймал ее волосы, и она зажмурилась, когда убирала их в сторону и вытирала нос рукавом.

«Кёрк? Чего ты не можешь мне рассказать?»

«Сопровождению дорогого стоило вытащить нас с Гереона.»

«Я помню.»

«Много времени, много боевой техники и много жизней, но это того стоило, потому что мы поклялись, что если выберемся, если попадем назад в Имперское пространство, мы вернемся. Мы принесем с собой освобождение. Такова была сделка.»

«Точно. Это мы и сделали.»

«Просто вспомни все, что я сказала. Просто вспомни, как это должно было работать.» Гаунт нахмурился, и собирался задать еще вопрос, когда услышал крик Белтайна. Он огляделся. Его адъютант стоял в верхней части двора рядом с Крийд и еще

несколькими солдатами. Он указывал, указывал над низкими разбитыми крышами деревни в сторону ветряной мельницы.

На поднявшемся ветру, лопасти начали поворачиваться.

VII

Роун быстро шел по двору к Колеа и Варлу. Он посмотрел назад на высокую стену, и на маленькую черную дверь, из которой только что вышел.

«Думаю, что они мертвы,» сказал он. «Просто хлам, висящий там.»

«Но--» начал Колеа.

«Когда мы здесь были в последний раз,» мягко сказал Роун. «Эти штуки оживали при малейшей провокации.»

«Я знаю. Ты инструктировал нас,» ответил Колеа.

«Ну, они не пробудились, когда мы ударили по этому месту, и они все еще не ожили. Я не знаю, почему они мертвы, но это все, что они собой представляют.»

Варл почесал череп за левым ухом. «Н-да, но исходя из того, что они не совсем живые, есть шанс, что это не постоянное состояние.»

«Шанс есть,» согласился Роун. «Значит, мы оцепим всю эту территорию, поставим часовых, чтобы приглядывать, и сравняем тут все с землей всем, что есть, если что-нибудь дернется. Еще был сигнал от сил Инквизиции. Они в пути. Они смогут разобраться с этим, когда придут.»

Роун повернулся и посмотрел вверх на темные облака, бегущие по перламутровому небу. В воздухе был ветер. Гаунт запаздывал с подачей сигналов, хотя старое пагубное влияние атмосферы Гереона могла объяснить это. «Как бы там ни было,» сказал Роун, «я думаю, что они мертвы. Я думаю, что они мертвы по той же причине, по которой рядом нет ни одного глюфа. Установите кордон здесь и подолжайте поиски.» Роун покинул двор и присоединился к своему отряду. Варл назначил отряд Чирии присматривать за мрачным, закрытым стеной, секретом.

Колеа что-то мучило. Он сидел один на куче упавшей каменной кладки в углу двора, раздумывая и вертя что-то в руке.

«Готов идти?» спросил Варл, как только место обезопасили.

«Думаю так.»

«Чего?»

«Это было тупо,» сказал Колеа.

«Что?»

«То, что я только что сделал. Я просто вошел туда. Мы нашли дверь, а я просто зашел туда. Ты готовил команду прикрытия, но я не подождал. Я просто вошел.»

«Никто не пострадал,» сказал Варл.

Колеа поднял на него взгляд. «Не пострадал, но мог бы. Это было достаточно реально. Там были проволочные волки. Нас инструктировали. Нам говорили, что искать, и как осторожны мы должны быть, а я просто вошел. С таким же успехом я бы мог насвистывать.» Варл оскалился. «И к чему ты клонишь? Потому что я знаю, что если простою тут достаточно долго, ты, в конце концов, сделаешь это.»

Колеа поднялся и отряхнул форменные штаны. «Мы берем на себя множество рисков.»

Варл поджал губы, как будто сдерживая смех. «Мы солдаты. Мы – Гвардейцы Императора, верные и преданные. Риски – наша работа.»

«Я знаю. Я просто иногда не думаю. Я туда вошел. Я просто нырнул...»

«Это твой стиль,» сказал Варл. «Ты ведешь вперед, и поэтому ты майор, а я нет. Пока что.»

«Это убьет меня. Вот, что я пытаюсь сказать. И уже пробовало не раз.»

«Жизнь тебя убьет,» сказал Варл. «Пошли уже, фес тебя.» Они поспешили назад через пыльный двор туда, где Домор с поисковым отрядом ждал под аркой, выходящей на улицу. Сухой ветер гонял завихрения из песка и сажу по плиткам двора.

Они начали идти вниз по улице, мимо фасадов брошенных сгоревших домов и холмов из камней, испещренных покачивающимися сорными травами. Отряд

Мерина был впереди них, возглавляя путь в разбитые продуктовые помещения старой городской коммерции.

«Знаешь, что я делал с тех пор, как мы начали это?» спросил Колеа Варла, пока они шли по нарушенному ветром спокойствию.

«Подружился с моей зажигалкой?»

«Я серьезно.»

«Я тоже.»

«С тех пор, как мы высадились, все, о чем я думал, это парень, как он, в безопасности ли он, как гаково нечестно, что он не с нами. Он, должно быть, напуган, где бы, как, он ни был. В больших зонах, должно быть, плохо.»

«Это довольно естественно.»

«Я никогда не задумывался... жив ли он все еще?»

«Ну, тебе лучше об этом не думать.»

«Я знаю.» Они достигли ворот продуктовой зоны. Колеа распределил отряд в помощь продвигающимся Призракам Мерина.

«Мне просто пришло на ум, что есть еще кое-что, о чем я должен подумать.»

«О чем?» спросил Варл.

«Когда мы закончим с этим местом, может быть, я снова увижу парня, и это было бы неплохо, но что, если я умру? Что, если я сделаю что-нибудь тупое и просто умру? Как это будет выглядеть для него?» Варл пожал плечами.

«Я слишком долго откладывал, до того, как это началось. Я боялся, что слишком затяну. Потому что парень может умереть, и у меня никогда не будет шанса сделать все правильно. Мне никогда не приходило в голову, что это может сработать наоборот.»

Можно было только догадываться, как долго экскувитор прятался в пристройке позади тихих, заколоченных домов. Территория была лабиринтом маленьких дворов

и узких аллей, утыканых торговыми палатками и магазинами, и она простиралась до ряда огородов внутри городской стены.

Оскет, Велн и Харжон только что ушли налево, а Кален, Леклан и Раесс направо.

Каффран подвигал пальцами и сделал жест Лейру и Нескону подниматься за ним.

«Мы пойдем здесь,» сказал он, указывая на тусклую аллею.

Нескон приподнял повыше емкости огнемёта на плече. «Это трата времени.»

«Я тебе скажу, когда будет трата времени,» посоветовал Каффран. «А сейчас повнимательней.» Все место было слишком тесным и слишком грязным, чтобы быть каким-то еще, кроме угнетающего. Они вздрагивали от теней, или съеживались от крошечных проявлений тревоги. Кости были обычным явлением, как и мазня и царапины врага. Стеклопосуда с кровью была оставлена в различных местах, как подношение, и их содержимое начало гнить и разлагаться. Не в первый раз Каффран стал свидетелем того, как вредители едят вредителей. Это было доказательство, если оно и было нужно, как низко пал Гереон. Он был так истощен, что для крыс единственное, что оставалось, так это есть других крыс.

Они прошли по узкой аллее, примерно, десять метров, когда справа от них громыхнул звук выстрела из лаз-лока, и раздались крики. Послышались несколько очередей лазерного огня.

«Доклад!» крикнул Каффран по связи.

«У нас потери!» протрещал в ответ Леклан. «Враг вышел из укрытия. Он направляется в вашу сторону!» Лейр с Несконом тотчас подняли оружие. Каффран немного пробежал вперед и осмотрелся. Он мог слышать шаги, отдающиеся эхом во всех направлениях, но стены аллеи и стороны построек были слишком высокими, чтобы посмотреть за них.

«Подсади меня!» сказал он Лейру.

Лейр сложил чашечкой руки и подбросил Каффрана на стену. Он вскарабкался на крышу постройки, пробежал по ней и перепрыгнул на соседнюю крышу. Он увидел фигуру, бегущую по аллее слева от него.

Каффран повернулся и крикнул Нескону. «Огонь в левый проход!» Нескон поспешил вперед, мгновение качая свой кашляющий огнемет, а затем послал копье огня в левый проход аллеи. Кипящее пламя заполнило пять метров аллеи на несколько секунд. Послышался сдавленный крик. Отброшенный волной огня, экскувитор появился снова, убегая туда, откуда появился.

Стоя на плоской крыше, укрепив ноги, Каффран выстрелил от груди. Два выстрела, и мерзкая фигура упала.

«Враг убит,» сказал Каффран. «Переверните это место и убедитесь, что он был один.»

Каффран сел на бордюр и снял левый ботинок. Пыль и камешки проникали повсюду.

Он болел. Его конечности болели. Небо над городом превращалось в вечернее и выглядело, как мрамор.

Поблизости отдыхала остальная часть его отряда. Леклан проверял повязку на скользящей ране, которую Кален получил от экскувитора.

Каффран прислонился спиной к стене и закрыл глаза. Он вытащил серебряную аквилу, которую носил на цепочке, на шее, и произнес тихую молитву. Две молитвы. Одну для каждого, где бы они не были.

«Кафф?»

Он открыл глаза и поднял взгляд. Это был Колеа.

«Майор?» сказал он, поднимаясь.

«Баск сказал, что я найду тебя здесь. Долгий день?»

«Ага. Работа Императора никогда не заканчивается.»

«Хвала этому.»

«Могу я вам помочь?»

Колеа кивнул. Он выудил кое-что из кармана. Это была Танитская кокарда. «Я сделаю по-быстрому. Я собирался отдать это парню, когда он окончит ПВН, а у меня не представился шанс. Моя ошибка. Я бы хотел, чтобы у него это было.»

Каффран кивнул. «Это было бы хорошо.»

Колеа протянул ее. «Пожалуйста, можешь отдать ее ему? Когда увидишь?»

«Вы можете сами сделать это,» сказал Каффран.

«У меня просто ощущение, Кафф. Как будто искушаю судьбу, надеясь на это. Его судьбу и свою. Все это время я надеялся, что смогу дать ему это, и я осмеливаюсь просить судьбу, чтобы это прекратилось. Ну, вот и все. Мне больше не придется думать об этом. Если ты не против?»

Каффран улыбнулся и взял кокарду. «Я не против,» сказал он.

«Спасибо.» Колеа тоже изобразил улыбку. «Спасибо. Это облегчение. Чувствуется так... как будто это немного увеличивает наши шансы.»

«Майор?»

По вызову Баскевиля, Роун покинул палатку с картой и поспешил к укреплению, которое Призраки построили около руин главных ворот Кантибла.

«Что такое?»

Баскевиль указал. «Они здесь,» сказал он.

Над полями, три черных транспортника направлялись к городу, низко летя в боевом построении.

Когда они приблизились, Роун смог увидеть инсигнии на корпусах каждого.

Стилизованную «I» Инквизиции.

VIII

Ветряная мельница пахла старой пылью и крахмалом. Медленно вращающиеся лопасти производили низкий треск, который появлялся и исчезал в нижней точке. Тень от лопастей проходила над ними с каждым поворотом, как облака на солнце.

Гаунт задержался на секунду. Мктасс и Фико появились из-за мельницы и Фико кивнул. Бюрон и Посетин заняли укрытие на сухом дворе напротив мельницы.

Гаунт вошел внутрь. Мколл последовал за ним, а затем Дерин и Нирриам. Пол был из хорошо уложенного камня, но конструкция была деревянной. Вращающиеся шестерни системы мельницы производили болезненный, тяжелый ритм с верхнего этажа, как будто двигали тяжелую мебель. Фиолетовая плесень поразила штукатурку и обесцветила некоторые из голых балок. Место было обчищено, и не осталось ничего, кроме нескольких кусков мешковины и обрывков веревок. Мколл подошел к поворачивающемуся столбу мельницы.

«Неслучайно,» сказал он. Лопасти мельницы вращались не только из-за поднявшегося ветра.

Мколл указал на тяжелую железную рукоять, которая была опущена, чтобы освободить механизм. Гаунт кивнул, и медленно прошелся вокруг, смотря вверх. Сквозь дыры в досчатом полу, этажом выше, он мельком видел покрытое паутиной верхнее пространство мельницы: тени и тонкие лучи солнечного света.

«Проверьте наверху,» сказал он Мколлу и Нирриаму. Он повернулся к Дерину.

«Приведи Кёрк.»

«Сэр,» сказал Дерин и вышел.

«Наверху ничего,» воксировал Мколл. «Если вы, конечно, не хотите увидеть еще больше пыли.»

«Проверь близлежащие здания,» воксировал в ответ Гаунт. «Кто бы это не сделал, он не мог уйти давно. Может быть, они наблюдают за нами.»

«Они ушли,» сказала Кёрк, заходя в дверь. Фарагут шел позади нее.

«Они ушли?» спросил Гаунт.

«Они не будут оставаться, чтобы за ними пошли или обнаружу их. Слишком осторожны для этого.»

«Но это знак? Сигнал?»

Кёрк начала осматриваться. Что она высматривала, было за пониманием Гаунта.

У нее было намного больше опыта, чем у него, в тайных делах сопротивления Гереона.

«Это должно выглядеть случайным, чтобы враг не заметил, но это, так же, очень отчетливое. Там--»

Она указала на часть пола, где несколько обрезков веревок лежали в пыли.

«Я не вижу,» сказал Гаунт.

«Сравни,» сказала она, поднимая указующий палец и направляя его на часть покрытой плесенью стены. В плесени были нацарапаны случайные отметины. Гаунт никогда бы этого не заметил, но сейчас она показала ему, и он увидел рисунок царапин, точно совпадающий с разбросанными обрывками веревок.

«Они повторяют рисунок, так что мы знаем, что это не случайность,» сказала она. Она присела рядом с веревками и начала изучать их, вертя головой из стороны в сторону. Мколл с Нирриамом вернулись с верхнего этажа.

«Это карта,» наконец сказала она.

«Чего?» спросил Фарагут.

«Этой местности, могу представить, но она зашифрована.»

«Зашифрована?» засмеялся Фарагут. «Это всего лишь куски веревок...»

«Она зашифрована. Нам не нужно использовать всю ее. У некоторых веревок синие пятна в плетении. У остальных красные. Пожалуйста, осмотритесь. Можете найти больше примеров того и другого?»

«Здесь,» сразу же сказал Мколл. Он указал на тяжелую железную рукоять. На металлической ручке была привязана маленькая веревочка. На ней было красное пятнышко.

Кёрк улыбнулась. Она быстро собрала все веревки с синими пятнами и отбросила их.

«Вот. Красный – все, что нам надо. Вот наша карта.»

«Я все еще не вижу...» начал Фарагут. Гаунт шикнул на него и вытащил записную книжку. Он быстро скопировал линии и очертания в нее.

«Перспектива будет точной, так ведь?» спросил он Кёрк, пока рисовал.

«Полагаю, что так. Это ориентируется на реальный мир.» Гаунт закончил рисовать и убрал стилус. Он быстро пошел по трещащим доскам первого этажа, а затем поднялся по дрожащей лестнице на второй, пыльный этаж в более узкой части строения. Пригнувшись под частью шумного механизма, вращающего лопасти, он нашел еще одну лестницу и поднялся наверх. Кёрк, Мколл и Фарагут следовали за ним.

Третий этаж был очень тесным местом, и здесь была реальная опасность зацепиться за вращающиеся валы, и быть затащенным в сокрушающие объятия механизма мельницы. Гаунт неспешно и осторожно осмотрелся, пока не заметил несколько металлических ступеней, прикрепленных к стене. Лестница вела к маленькому люку на крыше.

Он забрался на крышу. Это было ненадежное, маленькое место, неровная платформа из промазанного смолой дерева без перил. Ветряная мельница казалась намного выше снаружи, чем изнутри. Гаунт не боялся высоты, однако принял устойчивое положение. Покатые стороны мельницы уходили вниз, а под ними были крыши деревушки, стороны холма и близлежащая местность. У него был господствующий вид на территорию, и это было неслучайно. Эта выгодная точка была тем, почему сопротивление привело его на мельницу и оставило здесь карту.

Кёрк и Мколл забрались позади него. Оба не выказывали никакого страха высоты и ходили рядом свободно. Ветер уже был весьма сильным, и ударял по троице. Каждые несколько секунд лопасть мельницы со свистом проходила мимо них, как

лезвие косы, что Гаунт нашел приводящим в замешательство. Он вынул свой поспешный рисунок из кармана и попытался сосредоточиться.

«И... так?» спросил он, держа карту и поворачивая тело. Мколл кивнул, и вытащил свой бинокль. Он начал водить им по местности.

Небо было пятнистым и весьма грозным. Гром, который до этого ворчал недалеко, уже стал постоянным грохотом, а облака вдоль западной линии горизонта были полны снизу туманного, противного света.

Кёрк стояла у плеча Гаунта, сравнивая линии на карте с ландшафтом. «Это – линия холма, а это – большой вал,» сказала она, ее палец двигался между картой и местностью. «Справа деревья, а это, наверное, линия реки.» Мколл согласился. Казалось, что ему не требуется смотреть на набросок Гаунта. Линии карты уже отпечатались в его голове. «Я думаю, что цель – направить нас на северо-восток. Через три километра, примерно, мы дойдем до края того леса. Что бы не означал крест, кажется, нам нужно будет пройти еще один километр дальше.»

«Ожидают ли они, что мы должны добраться туда к ночи?» спросил Гаунт.

Кёрк покачала головой. «Сомневаюсь. В изначальном сообщении было, чтобы мы были здесь к ночи.»

«И это сходится с нашими предположениями,» задумчиво произнес Гаунт. Мколл встал на колени и вынул свою копию карты из набедренного кармана. Он раскрыл ее настолько, чтобы изучить ту часть, где они находились. Тактический Департамент предоставлял карты, используя орбитальное сканирование, дополненное подробными данными о Гереоне из архива Администратума.

«Ага, сходится. Антилл,» сказал он, поднимая взгляд на Гаунта. «Эзра будет рад.»

«Уверен, что так,» ответил Гаунт. Во время своего нахождения на Гереоне, и благодаря его усилиям, партизаны Антиллы связались со сражающимся подпольем, а необъятные пустоши Антиллы сами по себе были жизненноважным убежищем. Даже Архивраг нашел трудным проникнуть в эти бесплодные болота и трясины. «Так значит мы, на самом деле, так близко?» спросил он Мколла.

«Ну, основные земли Антилла в двух-трех сотнях километрах на восток, но его границы простираются далеко. Тот лес, который мы можем видеть – граница. Дневной переход в ту сторону, и заберемся на территорию Лунатиков.»

Мколл поднялся и убрал карту. «Что думаете? Останемся здесь на ночь, или пойдем--» Он замер. Гаунт поднял руку для тишины, а Мколл знал этот знак. Гаунт пристально смотрел на запад, за деревню Кайфер, на склон холма, на волнующиеся розовые травы.

«Кажется, у нас проблема,» сказал он.

«Чего?» спросила Кёрк.

Внизу, у основания холма в полукилометре от деревушки, возвращался зверь.

IX

Гаунт собирался включить свою связь, когда сеть вокса ожила. Трое солдат, оставленных в карауле – Ларкин, Бростин и Спакус – засекли танк и воксировали.

«Оставайтесь на позициях,» послал в ответ Гаунт. «Наблюдайте за ним. Крийд, отведи Гонри вперед и в центр, и ради феса, прикрывай его.»

«Поняла.»

Гаунт, Мколл и Кёрк поспешили вниз по лестницам мельницы.

Крийд пересекла внутренние дворы деревни, с бегущим и пригнувшимся позади нее Гонри, и пошла через брошенные пристройки. Обвалившаяся старая стена отделяла поле на склоне от остальной части склона. Ларкин разместился там, лонг-лаз лежал на краю стены. Он спокойно наблюдал за танком сквозь прицел. Бростин был поблизости, куря сигарету с лхо так, как будто ожидая бумаги на увольнение. Его огнемет и емкости лежали рядом с ним в траве.

Бростин был флегматиком. Он знал, когда зона его компетенции заканчивалась.

Огнемет не был оружием против бронетехники. Даже «воздушный специальный», маленький фокус, который он и Ларкин придумали в предыдущий раз на Гереоне, здесь нельзя было применить.

Крийд упала рядом с Ларкиным. Гонри, тощий, маленький Белладонец, упал рядом с ней. «Заряди трубу,» сказала ему Крийд. «Я буду помогать тебя.» В ранце, который нес Гонри, было пять ракет. Это были все их боеприпасы. Он кивнул Крийд и приступил к работе, устанавливая пусковую установку и заталкивая первую ракету на место. Гонри был милым, и она знала, что он немного влюблен в нее. Это помогало. Он делал все, что она ему говорила, так быстро, как только мог.

«Ларкс?»

«Просто наслаждается вечерним воздухом,» ответил он.

«Чего?»

«Не я, леди. Танк,» фыркнул Ларкин. Он передал ей прицел. «Смотри.» Она осторожно выглянула за стену в прицел, стараясь не ударить его о верх стены. В конце концов, это был прицел Ларкина. Мастер-снайпер сделал ей одолжение, дав свой драгоценный инструмент.

Она посмотрела вниз по склону, мимо двух разрушенных стен и нескольких мертвых деревьев, белых, как скелеты, в меняющемся свете. Танк был внизу, в канаве, близко к тому месту, где он играл, словно кот с мышью, с Гаунтом и остальными, ранее этим днем. Он был полностью видим ими, но решил спрятаться в траве, опустив пушку и выключив фары. Такая поза казалась ей странной. Что-то, такое большое, не сможет спрятаться на открытой местности, но танк, казалось, притворяется, что делает именно это, как будто все, что имело значение, что ветер изменился, и его жертва почуяла его запах и сбежала.

Она могла слышать его работающий на холостом ходу двигатель. Нет... дышащий.

«Двести пятьдесят метров,» сказала она, соскальзывая назад в укрытие и отдавая Ларкину его прицел.

«Двести шестьдесят два, с боковым ветром, делающим эффективное расстояние больше на три метра и далее,» ответил Ларкин.

«В любом случае, слишком далеко для ракеты,» сказал Гонри. «Я бы не стал тратить ничего дальше ста.» Он был прав, но осторожен. Крийд возмутилась. «Кафф бы попал в него в трех сотнях,» сказала она. Она хвасталась, но не слишком. Каффран был лучшим ракетчиком в полку.

«Каффа здесь нет,» сказал Гонри. Он сказал это с улыбкой, которая заставила Крийд понять, что он был счастлив от этого факта.

«Давай еще больше фесовой жалости,» сказала она, давая ему знать место. Она включила связь. «Босс? Нам нужно выиграть немного расстояния, чтобы прикончить этого гака. Прошу разрешения подстегнуть?»

«Отказано,» пришел ответ от Гаунта. «Продолжайте наблюдать.»

«Но сэр--»

«Тона, это большая тварь и у нее наверху пушка большого калибра. Если она решит начать стрелять, у нее есть расстояние и мощь, чтобы уничтожить нас. Не дразни ее.»

«Поняла.»

Послышались повторяющиеся щелчки. Ларкин, Крийд и Гонри огляделись.

Бростин играл со своей зажигалкой. «Фес,» весело сказал он, трясая ее.

«У кого-нибудь есть огонь?»

Гаунт, Кёрк и Мколл вышли из мельницы.

«Могу я отдать приказ отступить?» спросил Фарагут.

«Отступить?»

«На нас наступает бронетехника,» сказал Фарагут. «Мы должны отступить и перегруппироваться. Для блага миссии.»

«Трон, ты напуган,» сказал Гаунт, поворачиваясь при ходьбе к молодому комиссару. Он подошел, пока они не оказались лицом к лицу.

«Нет. Как вы посм--»

«Раньше, с Крийд, и сейчас... это имеет смысл. Фарагут, сколько боевых действий ты повидал?»

«Я служил на Анкреон Секстусе и--»

«Да, но сколько?»

«Сэр, я--»

«Сколько?» прорычал Гаунт. «Ни одного? Ты не видел ни одной настоящей битвы, так ведь? Ничего такого. Не был в самой гуще?»

Фарагут уставился на Гаунта, так рассерженно, что его слегка трясло. «Как вы смее сомневаться в моей храбрости, Гаунт.»

Гаунт сделал шаг назад. «Святая Терра, я не сомневаюсь. Это не то, что я делаю. Я подвергаю сомнению твои человеческие качества, Фарагут. Если это внове для тебя, скажи мне! Мне нужно знать. Бояться – это нормально, но я должен знать!»

Хадриан Фарагут заморгал. «Я... я еще не.. я имею в виду...»

Гаунт крепко схватил Фарагута за плечо и пристально посмотрел ему в глаза. «Фарагут. Приготовься. Верь в себя, и, ради нас всех, верь в меня. Я спасу тебя. Ты веришь мне?»

«Да, сэр.»

Гаунт похлопал его по плечу и повернулся, убегая. «Ларкс?» воксировал он. «Что он делает?»

Зверь был спокоен добрых десять минут. Зарывшись в траву, он заворчал двигателем и выбросил произвольный шумный выхлоп, как будто прочищал глотку.

Гром прогремел в отдалении, а затем копье молнии ударило в близлежащий холм на одну ослепительную секунду.

Со скрежетом главное орудие поднялось, а затем башня повернулась, поднятой орудие поворачивалось в сторону внезапного звука. Башня почти повернулась назад перед тем, как вернуться к переднему положению.

Двигатель взревел. Один раз, два, три.

«Фес на палочке,» прошептал Ларкин.

Желтые фары загорелись, как широко открытые глаза. Зверь врубил двигатель и рванул вперед. Он выбрался из своей канавы, как охотничья собака, и начал взбираться на склон.

Черный дым вырывался из его выхлопных труб, когда он поднимался.

«Вот и он,» сказала Крийд Гонри. «Ты почти получил свое расстояние.» Зверь забирался на склон, проделывая путь сквозь высокую, розовую траву. Он достиг стены, а стена обрушилась под грохочущими гусеницами.

«Я бы хотел оказаться где-нибудь еще,» заметил Бростин, прикуривая новую сигарету.

«Расслабься,» сказала Крийд. «Гонри убьет ублюдка. Так ведь, Гон?» Гонри взвалил трубу на плечо и ухмыльнулся Крийд.

Зверь приближался. Вторая каменная стена рухнула под ним, а дерево упало, когда оно было задето вскользь защитой гусениц машины.

«Полагаю, что сейчас самое время...» сказал Ларкин.

«Почти,» сказал Гонри, тщательно прицеливаясь. «Спокойно!»

Вражеский танк заполнил его поле зрения. Гонри надавил на спусковой крючок.

Оставляя за собой густой белый дым, ракета вылетела из установки и пролетела совершенно мимо танка. Она пролетела так далеко, что любой мог бы подумать, что Гонри работает на врага.

«Что это был за фес?» заорала Крийд.

«Простите! Простите!» воскликнул Гонри. «Я думал—я хотел— я --»

«Ложись!» бросил Ларкин.

Внезапный грохочущий шум разорвал штормовой воздух. Наступающий танк стрелял из своего пулемета.

Гонри потянулся за своим ранцев и его голова испарилась. Крийд смотрела на него, когда это произошло, и это казалось, как один из фокусов Варла. Красное облачко, и хлопок, головы нет.

Безголовое тело Гонри медленно упало на землю.

Что-то сильно ударило ее в челюсть и по правой щеке. Крийд упала. Ларкин схватил ее и поставил на ноги.

«В меня попали?» пробормотала она разбитыми и кровоточащими губами.

«Ты в порядке,» сказал Ларкин. «Ты жива. Шрапнель в голову.» Куски взорванного черепа Гонри попали в нее. Она покивала головой, в знак благодарности, что Ларкин

держал ее прямо, и посмотрела вниз на Гонри. Снаряд большого калибра уничтожил его голову и украсил кровью все в радиусе пяти метров.

Ошеломленная, она нагнулась и схватила фесову трубу у тела Гонри. Ремень зацепился, и Ларкину пришлось помочь ей.

«Заряди меня,» сказала она.

«Тона--»

«Заряди меня!»

Ларкин распахнул ранец и воткнул свежую ракету в заднюю часть трубы.

«Есть!»

Она положила ее на плечо.

«Спокойно!» крикнула она.

Зверь был, всего лишь, в десяти метрах, громяхая наверх. Кафф учил ее всем фокусам. Целиться ниже, потому что ракета полетит вверх при начальном зажигании взрывчатого вещества. Укрепиться, потому что труба не ведет себя, как винтовка. Целиться в стыки, как в стыки башни/тела, например. Придать большое значение пробивной силе, и осколкам.

Это было так, как будто он стоял позади нее, наставляя ее.

Она выстрелила.

Ракета со свистом ударилась о верх башни зверя, отразилась и взорвалась в воздухе.

Крийд, внезапно, полностью простила Гонри. Это не было и в половину так легко, как казалось, или как Каффран заставлял это выглядеть.

«Заряди меня!»

«Фес, Тона!» ответил Ларкин. «Я хочу уже бежать. У Броса правильная идея.» Крийд обернулась. Бростин, с емкостями, болтающимися на его широких плечах, с грохотом взбирался на холм, в деревню.

«Просто заряди меня!» сказала она.

Ларкин воткнул еще одну ракету в трубу.

«Спокойно!»

Крийд выстрелила. Большой цветок огня расцвел на корпусе зверя. Он дернулся и остановился. Огонь танцевал и мерцал на его корпусе. Станный, мяукающий, всхлипывающий звук раздался от его двигателя. Он начал катиться назад.

Затем его главное орудие выстрелило. Первый снаряд пролетел прямо над Кайфером. Второй попал в верхушку мельницы и уничтожил ее. Вращающиеся лопасти оторвались и упали на двор, вращаясь и разрушаясь, пока катились, как гигантское колесо в постройке. Третий выстрел разнес нижний уровень мельницы.

Раненый, зверь остановился и стрелял по деревне Кайфер, пока она не превратилась в дымящиеся руины.

Х

Далеко позади них, в уменьшающемся дневном свете, орудие зверя уничтожало Кайфер. Отряд Гаунта пробирался по пастбищу к лесу.

Когда они приблизились к своей цели, они увидели, как мерзки и тощи были деревья. Яды угнетали дерево. Призраки шли вперед, разошедшись веером и медленно продвигаясь в пустоши иссохших, перекрученных деревьев и трав захватчиков.

Позади них, яркий огонь осветил приближающуюся ночь, когда деревня прекратила существование.

Две фигуры отделились от окружающей темноты, и вышли вперед.

«Гаунт,» сказал Гаунт. «Дневная звезда?»

Люди остановились и пристально посмотрели на него. Они опустили винтовки.

«Меня зовут Дакре,» сказал один, протягивая руку.

Гаунт взял ее. Он мог чувствовать кости. Он мог ощущать, как была тонка рука.

«Гереон сопротивляется.»

«Типа того,» сказал Дакре. «Это, на самом деле, так?»

«Да,» сказал Гаунт.

Дакре кивнул, и остальные фигуры вышли из теней. Некоторые из них были Лунатиками.

Эзра вышел вперед, чтобы страстно поприветствовать их. Они, с неохотой, отступили.

«Анкюнде,» объявил один из них. Гаунт поморщился.

«Следуйте за нами,» сказал Дакре. «Вам это нужно увидеть.» В тишине, отряд шел за Дакре два часа по тусклому лесу. Позади них гремел гром, а погребальный костер Кайфера освещал небо.

Они вошли на темную территорию леса. Деревья здесь были особенно наклоненными и деформированными. Мертвый листья покрывали темную землю.

«Мне сказали, что вы должны это увидеть,» просто сказал Дакре.

«Кто сказал?» спросил Гаунт.

Дакре не ответил. Он указывал на пирамиду из камней.

Гаунт пошел к ней. Мколл был рядом с ним.

Камни были навалены в рукотворной манере, но цель была ясна, даже в умирающем свете. Это была могила, холм для павшего.

«Ох, великий Трон надо мной,» прошептал Мколл.

Он увидел надпись. Она была вырезана на камне в центре пирамиды.

«Фес,» прошептал Гаунт, когда прочитал то, что увидел Мколл.

Надпись была простой.

МкВеннер.

ЖЁРНОВ

I

«Факт о ночных кошмарах,» сказал Форбокс, «факт в том, что они заканчиваются. Раньше или позже, в конце концов, они заканчиваются. Но это нет, видите? Так что я не понимаю, как вы можете все еще говорить, что это ночной комшар, потому что это не имеет ничего общего с ним. Когда вы просыпаетесь от ночного кошмара, кошмар кончается, и следует всплеск облегчения, но не здесь. Здесь нет облегчения. Это просто не кончается.»

«Возможно, мы просто еще не проснулись,» сказала Красотка.

Форбокс ухватился за это. «Вот это хорошая точка зрения!» воскликнул он. Он почти, как будто это было возможно, был весел. «Может быть, и нет. Может быть, пробуждение еще впереди.» Далин был совершенно уверен в том, что понимал, что скоро должно произойти. Река мяса собиралась ударить по стене из железа в третий раз за последние десять часов. Придется чем-то пожертвовать. Как и в двух последних случаях, этим чем-то будет мясо.

«Может быть, и нет...» многозначительно сказал Форбокс. Война изменяла людей, так говорили. Она превратила Форбокса в философа, только не в чертовски хорошего. Далин хотел сказать ему, откровенно, каким идиотом он был, но его голос застрял внутри него, как пуля, которую нельзя вытащить.

Факт о ночных кошмарах, по мнению Далина, состоял не в неприятном и не в облегчении от пробуждения, хотя это и были составные части. Факт о ночных кошмарах для него был крошечной, маленькой частицей сюрреалистичного или мирского абсурда, который пронизывал их и делал ужас еще более ужасным. У него однажды был ночной кошмар, в котором за ним и его сестрой гонялось кресло, которое собиралось их съесть. В то время он был очень юным, и очень боялся кресла и его шаркающих ножек. Но что сделало ночной кошмар по-настоящему пугающим, так это Алекса, прекрасная женщина из следующих за силой, которая иногда

присматривала за ним, которая появлялась, улыбалась и спрашивала, «Ты завязал свои шнурки?» Под правой рукой у нее была сонная, ерзающая курица.

Если бы его текущее положение можно было бы назвать ночным кошмаром, элементы, определенно, были на месте. Они штурмовали гигантский бастион в компании сотни тысяч Гвардейцев. Они шли вперед, под небом из огня, под возрастающим обстрелом, в крови тел, через мосты и траншеи, к воротам.

Они бежали, без прикрытия, на смерть, только с незначительными шансами, что их большое число защитит их.

Форбокс, всю дорогу, говорил о том, были ли или не были обстоятельства похожи на ночной кошмар.

В первые два штурма на могучий оплот, ТП 137 даже не подобралась близко к фронту. Несомые вместе в центре волны, они бежали к воротам, а затем были отброшены назад волной отступления. Множество мертвых вернулись назад вместе с ними, зажатые плотностью тел, и падая только в сотнях метров от того места, где они умерли, как только давление уменьшалось и расстояние между телами увеличивалось.

Огромная волна собиралась, чтобы рвануть вперед в третий раз. Они начали собираться вместе. Беспорядочные крики раздавались от движущихся солдат и стали одним громким, смешанным воем.

Весь пейзаж был освещен огнями. Когда они зашли на один из огромных мостов, Далин увидел тысячи лиц с оттенком золота вокруг себя, а под ними, где еще один широкий мост располагался на более низком уровне, струились еще золотые лица. Еще дальше внизу, в траншеях, еще тысячи. Самолеты и ракеты пролетали у него над головой, сверкая, как драгоценный камни.

Стена оплота возвышалась на сотни метров над ними. Его огнеметные башни были главным источником ослепительного оранжевого света, но, кроме того, стена была усеяна огневыми и орудийными точками, которые трещали орудийным огнем. Выглядело так, как будто гигантская стена горела в миллионах мест, но это был огонь, который стена посылала на них. Синие и белые лазерные заряды лились дождем. Трассирующие снаряды цеплялись, как плющ. Снаряды взрывались в воздухе

цветками дыма, которые протягивали пальцы горящих обломков к ним, как щупальца медузы. Инверсионные следы ракет оставляли арки от земли до стены, или от стены до земли, каждый затяжной след описывал некоторое продвижение, как карта атаки, написанная дымом. Огромная структура стены сама блестела янтарным светом, и выглядело так, как будто ее массивные бойницы и барельефы были покрыты медью и бронзой.

Ночной кошмар был чем-то, от чего просыпаешься, а это был ужас, в котором он проснулся.

Каждая минута с момента, как взлетел десантный корабль, была слишком длинной, каждый ужас – слишком ужасным, каждое усилие – слишком трудным. Это, это бессмысленное массовое усилие, чтобы бросать тела на мощную стену, снова и снова, превосходило все. Он услышал крик Собайла, «Вперед!» Собайл сказал это так, как будто это было очевидно, как будто не было другого выбора. Логика кричала, что вперед – это последний путь, куда они должны идти.

II

Выстрелы летели в их ряды почти вертикально сверху. Задира погиб. Как и Багирс с Траском. Мямля загорелся, стал орущим факелом, и поджег людей вокруг себя, метаясь от отчаяния. Бинарцу рядом с Далином снесло две трети головы, прямо до нижней губы и челюсти, а затем он остался рядом с ним, качаясь вперед-назад, зажатый давкой вокруг них. Леддерман умер медленно, дважды подстреленный, неспособный отступить. Сапог, а затем Шалун, оба исчезли под ногами. Капралу Трабену попали в глаз, и он умер с дымом, идущим из полуоткрытого рта.

Великие врата маячили впереди, такие же тяжелые и неподвижные, как карликовая звезда. Передний край наступления ударял по ним, разбивался вокруг них, как волна о набережную. Водопады огня лились сверху: широкие ливни горящего прометиума.

Гвардейцы тяжело забирались наверх. Они спотыкались и тяжело забирались по пандусу, который был сделан из трупов. Он был крутым, наваленным перед воротами теми, кто пришел сюда раньше и уже погиб. Это было так нелепо, что Далин хотел кричать и смеяться. Это была не та гордая война, для которой родители вырастили его, которой он бы восторгался и ожидал. Это была бессмысленная работа, совершенно бесцельная. Далин чувствовал огромную ненависть к Собайлу, так как Собайл воплотил в себе безумное мышление Гвардии, которое привело их всех к этой удивительной тщетности. *Карабкайтесь по горе из тел под мощным обстрелом до конца.*

Зачем нам это делать, сэр?

Потому что Император говорит тебе делать это.

Нога Далина поскользнулась то ли на ноге, то ли на руке. Он цеплялся за тех, кто толкался вокруг него, чтобы стоять прямо, а они, в свою очередь, цеплялись за него. Одежда порвалась. Синяки наложились на синяки, которые наложились на синяки. Локти и приклады, колени и шлемы барабанили по нему. Здесь была вонь от пота от страха, желчного дыхания, грязи и внутренностей, и испражнений.

Потому что Император говорит тебе делать это.

Залин задумался, в мгновение кощунственного прозрения, был ли он первым Гвардейцем, желающим смерти Богу-Императору. Это не был Собайл, которого он ненавидел, или командиры, это был повелитель над всеми остальными, которым они служили. Он хотел убить Императора за это. Он хотел уничтожить Императора за то, что он послал человечество по этой запятнанной кровью Галактике.

Это было освобождающее размышление. Боль и страх помогли ему отбросить целую жизнь лояльности и тренировок, и подумать о невероятном. Война унесла его за пределы всего, что было разумным, и показала ему пустую имбецильность звезд.

Если не...

Далин поскользнулся, и снова выровнялся, и снова поскользнулся.

Если не...

Если, конечно, его не заставило думать так это место. Возможно, это было не прозрение, а пагубное прикосновение Губительных Сил. Он пропитывался заразой Гереона какое-то время.

Возможно, он сбился с пути.

Мысль заставила его рыгнуть от своих сомнений и отвращения. Громко – хотя никто не мог его слышать в ярости войны – он умолял и молился, чтобы его простили. Боль и злость от его сурового испытания заставила его пожелать вреда Богу-Императору, и ничего больше!

Момент слабости, а не зараза. Не зараза. Пожалуйста, Золотой Трон, не зараза!

Он рванул вперед, подстегнутый каким-то непреодолимым импульсом очистить себя и доказать свою верность.

«Император защищает! Император защищает!» закричал Далин трясущимся телам, столпившимся вокруг него. Человек рядом с ним улыбался, и казалось, что соглашается, но у человека рядом с ним не было как рук, так и задней части головы.

Далин повернулся, всматриваясь в лица, пытаясь увидеть кого-нибудь из своего подразделения. Он заметил мельком Форбокса, Ганиеля и Тренчфута, хотя Тренчфут исчез секундой позже во вспышке света.

Он увидел Красотку и нескольких других, дальше позади, разбросанных у края моста.

«Идем! Вперед! Вперед!» прокричал он.

Ракета или минометный снаряд со стены попал в край моста, сотрясая всю конструкцию. Конечности некоторых бедняг, попавших под непосредственный взрыв, полетели по воздуху. Большая секция боковой ограждающей стены моста разрушилась вместе с частью дороги. Дюжины Гвардейцев полетели в дыру, падая среди горящих каменных обломков. Далин видел, как некоторые упали на мост внизу, или отскочили от ограждения и продолжили падение в бездну рва. Напор тел давил на тех, кто был около края, как при утечке из шланга. Некоторые пытались не свалиться, хватая солдат рядом с собой. Когда мост осыпался дальше, группы фигур, сцепленные вместе, падали, первый падающий утаскивал за собой следующего.

Далин увидел Красотку. Она кричала, протягивая руки, чтобы схватить кого-нибудь или что-нибудь, пока ее тащили назад руки тех, кто был позади нее.

Он потерял ее в дыму, и больше никогда не видел.

Давление наступления снова развернуло его вперед, к убийственной зоне врат, где огнеметы омывали ее, а лазерные заряды падали, как проливной дождь.

Мир стал белым.

III

Первым вернулся звук. Голос кричал над фоном мира шума. Затем свет и цвет тоже вернулись к нему.

«Вставайте и вперед! Вставайте и вперед, собаки! Идиоты! Вставайте и сражайтесь во имя Императора!»

Комиссар Собайл орал на пределе возможностей легких, его лицо пылало, его шея покрылась венами, слюнь была в уголках его рта.

«Вставайте, увальни! Бездельники! Сражайтесь! Вставайте и верните Богу-Императору то, что задолжали Ему! Сражайтесь!»

Далин слышал треск кнута. Он встал, его голова плыла, один из нескольких человек, пытающихся встать на ноги на дымящемся склоне из мертвых и раненых. Он огляделся, не в состоянии сконцентрироваться, не в состоянии сфокусироваться. Что было по-другому? Что было—

Они были за воротами.

Безмерная громада стены возвышалась над ним, но сами ворота исчезли. Он понятия не имел, какая великая сила или случайность уничтожили их. Ворота упали и, с их падением, ужасная груда тел, которая была перед ними, освободилась и потекла вперед за ворота, как вода из разрушенной дамбы, унося с собой раненых и находящихся без сознания. Мертвые занесли его в сердце К'эздрок'атт Шет Магира.

Штурмовые отряды Гвардейцев, большинство из них Крассианские, полились потоком по упавшей куче мертвых. Далин проверил заряд своей винтовки и начал идти вперед вместе с ними. Кто-то схватил его за руку.

«Примкни штык, скальп!» прорычал Кекси, до того, как отпустить его руку и рвануть вперед. «Примкнуть штыки! Примкнуть штыки!»

Далин вынул свой боевой нож и прикрепил его к держателю на лазгане. Он пообедал вперед с остальными. В проходе врат видимость была туманной, но большое зарево манило их вперед.

Они бежали, когда выбрались на открытое пространство. Некоторые выкрикивали неразборчивые боевые кличи. Они вырвались из туманного сумрака на широкуб площадь у угрожающих башен и скелетоподобных шпилей. Враг ожидал их большими силами.

Импульс нес его вперед, заставлял двигаться с толпой, и, внезапно, отовсюду прозвучали удары: тяжелые, мясные удары, когда люди забежали в ряды противника. Тела врезались в тела, когда атакующая Имперская линия встретилась с рядами врага. Люди спотыкались и падали, начисто сбитые с ног, подброшенные в воздух ударами тело-о-тело. Слышались хрипы и вздохи от напряжения, и хрипы от боли. Звучали выстрелы, в упор, и, один за другим, люди в штурмующей волне останавливались от резких столкновений и полученных травм. Встретились щиты и нательная броня. Вонзались штыки и мерцали траншейные топоры. Далин сделал выпад в фигуру в зеленом, и проткнул его своим штыком, а давление тел позади него толкало его вперед. Его штык высвободился, а вражеский солдат исчез под ним. Он тотчас сделал выпад в следующего.

Еще калечащие столкновения. Рядом с Далином человека ударили так сильно, что его шлем полетел в воздух.

Брызги артериальной крови покрывали их лица. Далина пихнули лицом к лицу с какой-то дикой тварью с аугментикой, закрывающей ее глаза и рот. Заорав, он сделал выпад клинком, и выстрелил для уверенности. Тварь полетела назад, а затем была выброшена вперед на Далина толпой позади нее. Крассианец рядом с ним закричал, когда штык прошел сквозь защиту на руке. Штык человека застрял в нагрудной броне вражеского солдата перед ним, болезненного ублюдка в разлагающейся черной броне. Далин отчаянно замахнулся своим оружием, разрезая горло вражескому солдату кончиком штыка. Крассианец ухмыльнулся Далину в благодарность.

Десятью секундами позже, пуля из ниоткуда свалила Крассианца.

Далин чувствовал, что плывет по течению в бурном море тел. Над их головами, над бурлящей массой, колыхались знамена и флаги. Проносились со свистом лазерные заряды. В полукилометре одни из остальных огромных врат в крепостной стене задрожали и взорвались в колоссальном огне. Из бушующего огня, сквозь пролом, вперед быстро шел титан, его броня выгорела дочерна от огня. Огромный всплеск ликования раздался от людей.

Волна хлынула вперед с обновленной энергией. Сопротивление впереди ослабло, и они наступали с большей скоростью, способные расходиться, свободные найти пространство. Каменные плиты под ногами потрескались от веса и ударов, и стали коричневыми от крови. Тела лежали везде, среди обломков и частей снаряжения.

Далин бежал. Он нашел вражеского солдата на своем пути, человека с медными бронепластинами на зеленой боевой форме. Далин рванул на него, и они сцепились. Далин замахнулся прикладом, сбил человека на колени и добил штыком.

Поднимая свое оружие, он увидел еще одного человека, бегущего к нему с мечом. Он сделал два выстрела от бедра, и человек развернулся, пока падал, закрученный вращающим моментом. Небольшие взрывы поблизости подбросили камни и землю в воздух. Он встретился лицом к лицу с еще одним воином, и они скрестили штыки. Враг, гротескный мутант с оплывшими чертами, визжал на него, пока они боролись. Далин не мог освободить свой клинок. Пролетающий болтерный снаряд разорвал воина посередине, и Далин вырвался.

Настолько, насколько он мог видеть, Гвардия продвигалась с яростными рукопашными схватками по всей городской площади. Вражеские воины, с которыми они сражались, были тварями, чтобы забыть которых он потратил бы всю свою оставшуюся жизнь: причудливые твари, некоторые бронированные, уродливые и зверские, некоторые странные и почти красивые в своих потусторонних очертаниях. Некоторые казались больными, и так зависели от своей брони и аугментики, что были сплавлены, плотью с металлом, в целое. Другие были блистательными в яркой боевой форме, несущие знамена на длинных копьях, на которых были начертаны нечестивые надписи Хаоса.

Весь каталог порчи, гниения, некроза, мутаций, увечий и украшений был представлен здесь. Архивраг встретил штурм человечества, вооружившись лазерным оружием,

топорами, автопушками, мечами, когтями и зубами. Далин видел человека с гирляндой тонких, шипастых щупалец, торчащих из его открытого рта. Он видел женщину-циклопа с одним острым зубом, изогнувшимся над ее деформированной губой. Он видел тварей с лицами, как у летучей мыши, визжащих и щебечущих, пока они кромсали цепными клинками. Он видел рогатых огров, и людей с ногами, как у гигантских птиц. Он видел блестящую черноту плоть, напоминающую кожу акулы; костяные ногти на металлических руках; засщеппленные глаза цвета углей; вульгарно раздутые, энцефалитные головы, сидящие на сгорбленных плечах; плащи из крошечных, мигающих глаз; вторичные лица, моргающие и хнычущие сквозь щели в одеждах и плащах.

Снаряды падали со свистом рассекаемого воздуха, и Далин инстинктивно пригибался. Тяжелые снаряды падали на площадь, поднимая в воздух тела взрывами.

«Святой!»

Появился Форбокс. Он насквозь промок от крови, а затем был покрыт тонким слоем каменный пыли.

«Ты жив!» крикнул Форбокс, как будто сообщая Далину то, чего он не знал. «Нам нужно идти!» закричал он сквозь шум. «Приближается бронетехника!»

Большое число Гвардейцев, вливающихся на площадь, разделялось. Выбрасывая султаны дыма, Имперские танки громыхали вперед от разбитых врат, стреляя из поднятых главных орудий по башням и шпилям злобного города. Первые танки были Леман Руссами из дивизии Ротберга, в камуфляжной окраске бежевого с коричневым. Сажа и пыль сыпались с их корпусов каждый раз, как они стреляли. Гвардейцы бежали рядом с ними, улюлюкая с каждым выстрелом танков.

Окраины города впереди горели. Зажигательные снаряды создали обжигающие огненные штормы, которые окутали ближайшие башни и проникли в их структуры. Наступающие танки катились впереди расширяющейся линии пехоты.

Один танк проехал прямо рядом с Форбоксом и Далином. Они аплодировали, как будто это был проходящий мимо карнавал.

«Идем,» сказал Далин, и они побежали рядом с танком, присоединившись к остальным, следующим за бронетехникой.

Когда его главное орудие стреляло, звук был таким громким и близким, что заставлял их всех вздрагивать, а затем смеяться.

Далин увидел изувеченный труп комиссара, лежащего на камнях. Он задумался, были ли это Собайл.

Он надеялся, что это так.

«Смотри!» сказал он Форбоксу. Поблизости, тела нескольких Крассианцев лежали вокруг их упавшего знамени, изорванная аквила на квадратной материи.

«Помоги мне!» сказал Далин, побежав к ней. Форбокс последовал за ним, вместе с двумя Крассианскими рядовыми из толпы, следующей с танком.

Вместе, они собрали и подняли знамя. Потребовалось время, чтобы выровнять флаг и заставить его висеть должным образом. Затем они поспешили вместе с ним к толпе людей, бегущих трусцой за танком. Последовало ликование. Танк впереди включил свой гудок.

Дым, плывущий от башен, становился гуще, покрывая площадь словно туман.

Внезапно Далин заметил Меррта среди наступающих.

«Ты выжил!»

Меррт кивнул и выдвинулся к ним. Его драка после врат была тяжелой. Лазерная винтовка, которой он сражался, которой он поменялся с Далином, была плохая: ненадежная старая единица, отмеченная полустертой желтой трафаретной меткой на прикладе. Винтовка дважды делала осечки, и каждый раз это почти стоило ему жизни. Винтовка была в плохом состоянии, механически, и у Меррта было отвратительное ощущение, что это было старое оружие, отобранное у врага.

С Мерртом были Амасек, Землекоп, Попытка и Жидкий, еще четыре члена ТП 137. Все они были грязными и взъерошенными. Затем появился Пинцер, священник роты. Далин предполагал, что его убили часы назад. В одной руке у Пинцера был лазерный пистолет, а молитвенная книга в другой, которую он громко читал, пока шел. Члены

ТП 137 радостно приветствовали его, как будто он был давно потерянным родственником. Пинцер поднял туманный взгляд, но, казалось, что не узнал их.

Жидкий сплюнул на землю и сотворил знак аквилы. Он увидел кое-что еще. Он кивнул через площадь.

Среди наступающих танков Гвардии, Далин увидел скрюченные темные фигуры, идущие вперед. Некоторые были одеты в плащи, и шли с поддержкой длинных посохов. Другие были сгорбленными фигурами в кандалах, которые ковыляли, прикрепленные к парам конвоиров Комиссарита цепями.

Высшее Командование послало вперед санкционированных псайкеров.

«Мерзкие чертовы твари,» сказал Жидкий, и снова плюнул.

Далин с любопытством уставился на отдаленные фигуры. Дневной свет, надо признать, сияющий сквозь дым и пыль, казался особенно тусклым вокруг них, как будто воздух был коричневым, как пальцы старого курильщика лхо. На идущих фигурах тоже было легкое мерцание, так что они выглядели, как старая пикт-запись, слегка ускоренная, с рывками и скачками на пленке.

Он чувствовал мурашки на коже, и представил мощь, нечеловеческие разумы, пристально смотрящие на него, пристально смотрящие на них всех, и видящие их насквозь. Он задумался о том, как псайкеры воспринимают мир. Смотрели ли они в его разум? Смотрели ли они сквозь его плоть до усталых костей? Заметили ли они вообще его?

Могли они заглянуть в его голову и увидеть, насколько он ими напуган?

Он почувствовал прикосновение, как легкие кончики пальцев на коже, и он вздрогнул, а затем уверил себя, что это было его воображение.

Звук мощного удара донесся из дыма впереди них. Звук был очень громким, и выразился в значительном столкновении, как будто шаровой таран ударил по противовзрывному люку. За ним тотчас последовал толчок, который сотряс землю, а затем продолжительный визг, скрежещающий звук металла о камень, который становился громче.

Леман Русс появился из дыма. Это был один из танков Ротбергцев, в бежевом и коричневом, часть авангарда, которая нырнула в горящий город.

Он был на боку, пушкой к ним, а гусеницами от них. Верхняя секция гусеницы была разбита, а сама гусеница падала вниз, тащась по земле, как сброшенная кожа змеи. На броне, на корпусе, была глубокая вмятина от какой-то колоссальной силы.

Искры и визг шли от него. На боку, танк катился по каменным плитам к ним.

IV

Степенно, танк, все еще катящийся по земле, проскользил мимо них и Леман Русса, за которым они следовали, и остановился. Когда он остановился, две тяжелые гусеницы упали на землю. Последовал почти момент тишины.

«Что, во имя ада, могло--» начал говорить Форбокс.

В дыму что-то было, что-то, что встретило танк и ударило его так, что перевернуло и послало скользить по площади. Нечто было высоким, высотой в двухэтажный дом, и оно с трудом передвигалось. Они могли видеть это в дыму, серую тень в завесе. Они видели его медленный шаг. Они слышали долгое, влажное, скрежещащее урчание.

Наступающие шеренги пехоты остановились. Знамена хлопали на ветру, а они пристально всматривались в дым и тень за ним. Танки тоже остановились.

Еще одно глубокое, влажное урчание донеслось из дыма.

Вдоль шеренг, офицеры и комиссары выкрикивали приказы и слова ободрения.

«Приготовить оружие! В огневые шеренги!»

«Приказ стоять на месте! Приказ стоять на месте!»

Офицер, которого Далин не знал, пробежал мимо них вдоль линии. «Приготовить оружие! В две шеренги!»

«Что это?» бормотал Жидкий. «Что это?»

Тень снова двинулась. Она начала обретать форму. Далин почти проглотил свой язык от ужаса, когда увидел два гигантских рога, который венчали клинообразный череп. Огромные раздвоенные копыта громыхали по каменным плитам, когда это делало шаг. Было зловоние жженого сахара и вулканического газа, грозы и дерьма.

«Демон...» сказал священник, поднимая взгляд. «Дд-демон...»

Несколько человек упали в обморок. Линия Гвардии сломалась и побежала, как паническое бегство стада робких животных.

Внезапно поднялся шум, когда люди повернулись и стали бороться за свою жизнь. Знамена упали, позабытые. Комиссары кричали и угрожали, и были сбиты с ног. Люки открывались, и экипажи танков выбирались наружу, бросая свои машины в попытке убежать с остальными.

Демон шел за ними. Хотя он и вглядывался, и был одним из последних, кто побежал, Далин, по правде говоря, не увидел его. Он заметил мельком похожие на бивни рога, огромную, почти гуманоидную фигуру, обратно сочлененные ноги, и рот, полный неровных зубов внутри рта, полного неровных зубов внутри раззявленной, клыкастой глотки. Он мельком заметил круглые, черные, блестящие глаза.

Он хотел увидеть демона. Он хотел пересилить себя и лицезреть свой величайший страх во плоти, и вынести это зрелище и быть сильнее этого, или умереть. Но демон обладал качествами далеко за гранью текстов Экклезиархии и предупреждающих проповедей.

Он был быстрым.

Его скорость была такое же неестественной, как и все его остальные жуткие аспекты. Он был не таким же быстрым, как человек или животное. Когда он двигался, реальность сминалась вокруг него и позволяла ему перемещаться с места на место в мгновение ока. Послышался звук, напоминающий пронзительный визг штормового ветра. Дюжины спасающихся бегством Гвардейцев внезапно взлетели в воздух, как будто подброшенные резким воздушным потоком. Экипаж только покинул танк перед Далином, как он резко взлетел в воздух, как игрушка, перевернулся и упал с тридцатиметровой высоты с ударом, который сбил Далина с ног.

Он с трудом встал на четвереньки. Изуродованные мертвецы лежали повсюду. Тела, оборванные и освежаванные в секунду ярости, валялись в лужах крови. Далин заорал в беспомощной ярости и ужасе.

Жидкий сидел на земле рядом с ним, с руками на коленях, плача и всхлипывая. Форбокс все еще стоял позади них, уставившись на то место, где был танк. Пинцер пробрел мимо. Далин поднял взгляд на священника. Человек пристально смотрел на разбитые Имперские шеренги вокруг них, на большое, рогатое пятно дыма и вонючий воздух, который струился сквозь них, поднимая тела в воздух.

Пинцер посмотрел в даль. Он отвернулся от резни и сел на землю рядом с Далином. Его молитвенная книга выпала у него из руки и приземлилась на грязные каменные плиты.

«Здесь нет ветчины,» быстро сказал он, тонким и растерянным голосом. «Совсем нет. Я проверил. Тухлые яйца. Ты бежал слишком быстро для меня, чтобы посчитать. Повод.»

«Чего?» спросил Далин.

Пинцер вставил свой пистолет в рот и спустил курок. Его тело шлепнулось на землю.

«Вставай!»

Далин повернулся. «Вставай!» сказал ему Меррт. Он посмотрел на Жидкого.

«Подними его на ноги.»

«Мы все трупы!» взвыл Жидкий сквозь рыдания.

Мерцание света охватило боковое зрение Далина. Это заставляло его зубы болеть, и он чувствовал мерзкий жидкий пульс в животе. Он решил, что сейчас потеряет контроль над своим кишечником. Форбокс тоже это чувствовал, и Меррт. Ощущение заставило Жидкого, крутого парня Жидкого, визжать, как девченка.

«Что это было?» пожаловался Форбокс, очевидно не осознавая или не желая признавать в полной мере то, что произошло.

«Псайкеры,» проворчал Меррт. «Они занялись этой гн... гн... фесовой тварью.» Они все могли это ощущать, как будто кто-то сдавливал их внутренние органы. Жидкого вырвало. Непрошенные слезы текли у всех. Далин чувствовал, как мать всех головных болей грызет его, и чувствовал железный привкус крови во рту. Все порезы и раны, которые он получил после высадки, вновь самопроизвольно открылись.

Грязный желтый свет разлился по широкой площади города. Дымка была, как от испарений после ливня, и закрыла защитную стену и отдаленную линию горизонта. Витвящиеся узоры энергии освещали бурлящую темноту, как вены. Несколько больших каменных плит под их ногами спонтанно треснули, как будто обнаженные перед низкими космическими температурами.

Меррт приложил руку сбоку головы. «Идем,» сказал он. «Идем, пока это не убило нас.»

V

Два часа, кое-какое подобие битвы происходило на потемневшей площади. Нечистый туман, забитый мухами, вливался в боковые улицы, и крики эхом отдавались из зловонной темноты. Слышались странные, необъяснимые удары и грохоты.

Улицы поблизости горели. Некоторые Гвардейцы из наступающих шеренг убежали в руины, и это, возможно, спасло им жизнь, по крайней мере, от демона и телепатического столкновения.

Далин, Меррт, Форбокс и Жидкий бежали в ту сторону. Два Крассианца, одного звали Фирик, другого Бонборт, бежали с ними. Фирик потерял руку. Он либо не знал, как он потерял ее, либо был настолько травмирован, что не мог вспомнить. Меррт перевязал культю, и Фирик сидел один, время от времени всхлипывая от боли.

Они заняли укрытие в разбомбленном здании. Поблизости, одна из гротескных городских башен, монструозная вещь шипастой архитектуры и с насекомоподобными контрфорсами, горела в ночи.

Они сидели в тишине в дрожащих тенях, вздрагивая от каждого вопля или удара. Они слишком устали и вялы, чтобы говорить. Форбокс вытащил паек, но его пальцы были слишком неэластичными и дрожащими, чтобы открыть его. Меррт, казалось, был счастлив сесть и проверить свое оружие, осторожно осматривая его, как будто пытаясь исправить какую-то ошибку в мушке.

Далин сидел тихо так долго, насколько мог, понимая, что ему нужен отдых, но внутри него было тикающее нетерпение. Они не выбрались из всего этого, и каждый шаг казался, триумфально и невероятно, хуже, чем предыдущий. Он поднялся и ходил по руинам, всматриваясь в разбитые окна. Улица на одной стороне была полна уничтоженной вражеской техники, которая выглядела так, как будто выгорела от одной вспышки огненного шторма. Белый пепел покрывал их корпуса, как снег.

«Съешь что-нибудь.»

Он бросил взгляд и увидел Меррта. Он качал своей головой.

«Тебе нужна еда,» сказал Меррт. «Это чудо, что кто-нибудь из нас все еще функционирует после последних нескольких часов. Отсутствие еды – это последняя вещь, которую ты замечаешь прямо сейчас, но ты гн... гн... поймешь это, когда будет битва. Съешь что-нибудь, и ты сможешь быть полезным еще какое-то время.» Далин вытащил паек и вонзился в него. Меррт помог Форбксу открыть его упаковку, а затем дал остальным тот же совет.

Посасывая восстановленный бульон через соломинку, Меррт вернулся к Далину.

«Самая худшая вещь, которую ты когда-либо видел, так ведь?»

Далин задумался, о каком особенном аспекте прошедшего дня говорил Меррт. Он просто кивнул.

«Вообще-то, однажды было кресло,» сказал Далин.

«Что?»

«Когда я был ребенком, у меня был ночной кошмар,» сказал Далин. «За мной и моей сестрой гонялось кресло, которое собиралось съесть нас. Алекса из силы была там, с курицей под рукой, спрашивающая меня, завязал ли я шнурки.»

Меррт поднял брови. «Зачем ты рассказал это мне?»

Далин пожал плечами. «Потому что я, честно, не могу придумать ни одной нормальной фесовой темы для разговора прямо сейчас.»

«Это правда,» согласился Меррт, и повернулся, чтобы посмотреть на покрытую пеплом улицу. «Возможно, символично,» сказал он.

«Что?»

«Твой сон.»

«Как так?»

Меррт опять посмотрел на Далина. «Кресло? Это гн... гн... наверное, символ, правильно? Империиума. Трона. Неважно, как сильно ты стараешься отсрочить это, но

раньше или позже Империум съест тебя и твою сестру, как он съедает каждого. Империум гн... гн... получит нас всех, в конце концов. Он поглотит всех нас.»

Далин нахмурился. «Ну если так говоришь. А что насчет Алексы и курицы?»

«Это тоже часть Империума. Кормит тебя и одевает тебя, и присматривает за тобой так долго, насколько возможно.»

«В твоей схеме интерпритации все связано с Империумом?» спросил Далин.

«Обычно,» сказал Меррт. «Империум или секс. Так легче.»

«Ты понятия не имеешь, о чем говоришь, так ведь?» улыбнулся Далин.

«Никакого фесового представления.»

Они оба отпрянули от окна, когда кто-то, всего лишь темная оборванная тень, пробежала по улице и исчезла в руинах у начала дороги.

«Знаешь,» сказал Далин, «я не могу поверить, что провел всю свою жизнь, желая оказаться здесь.» Меррт фыркнул.

«Итак, ты собираешься рассказать мне?» спросил Далин, оглядываясь.

«Что?»

«Мы знаем, как я оказался здесь. Я был так гаково отчаян, чтобы стать Призраком. Что насчет тебя? И в этот раз не давай мне какой-нибудь дерьмовый ответ.»

«Потому что я был глуп и в отчаянии,» тихо сказал Меррт, «потому что у меня было все, и это забрали у меня, а я хотел все вернуть. Ох, ну и здесь вовлечена девушка.» Он повернулся к Далину. «Посмотри на меня,» сказал он. «Схватил удачу. Когда-то я был гн... гн... хорошо выглядящим ублюдком. Может быть, не таким жеребцом, как некоторые, но все таки. Плюс, у меня был глаз! Снайперский. Это было что-то. Затем я был ранен.» Он посмотрел в сторону. «Это забрало мое лицо. Забрало мой голос. Забрало мое мастерство. У меня трясется рука, и я не могу целиться в этой челюстью. Я живу на задворках жизни.» Далин не был уверен, что сказать.

«Выпивка помогала. Хотя, ни одна девушка не подходила ко мне. Я решил, что если бы я, может быть, разжился наличкой, я смог бы поправить вещи. Не полностью, ты

понимаешь, но сделать их лучше. Гн... гн... достать лучший протез, чем эта печка. Может быть, трансплантат. Говорят, что на мирах-ульях, ты можешь купить нового себя, если есть деньги.»

«Так говорят,» согласился Далин.

«Но где мне достать деньги? Заработать? Нет, сэр. Украсть? Я не жулик. Единственный способ, который я придумал, это выиграть. Так что я начал играть в карты.»

«Н-да?»

Меррт произвел звук, который Далин опознал, как смех. «Оказалось, что у меня такая же удача в этом. Я играл в карты годами, потерял больше, чем выиграл. Раньше или позже, это поглощает тебя.»

«Что произошло?»

«Я перепрыгнул через голову. Попал в драку. Комиссар спас мне жизнь--»

«Гаунт?»

«Нет, я имел в виду Харка. Он спас мне жизнь, хотя заслуга этого сомнительна. Но меня арестовали. Азартные игры, нарушение общественного спокойствия, дискредитирующее командование. Шесть недель ПВН. Вот, как я попал сюда.» Далин кивнул.

«Разве ты не видел, к чему идешь?» погода спросил он.

«Ты видишь, куда гн... гн... мы идем сейчас?» спросил Меррт.

«Нет.»

«Но ты понимаешь, как это может быть плохо, так ведь?»

Далин кивнул.

«И ты не можешь остановить это. Так было со мной. Ох, и еще была гн... гн... девушка.»

«Девушка?»

«Она работала в притоне, в котором я играл. Место на душных палубах. Ее звали Сарат. Милейшая штучка. После того, как я был ранен, я присматривался к девушкам, естественно, но она была единственной, кто когда-либо смотрел в ответ. Это лицо не пугало ее. Она говорила со мной, и видела, как у меня дела. Мы не были вместе, понимаешь. Она была просто... я не знаю, может быть, она делала свою работу. Павер платил им, чтобы они мило общались с гн... гн... игроками. Она казалась искренней. Поэтому я ходил туда больше потому, чтобы увидеть ее, чем играть в карты. Я начал думать, что смогу много выиграть, поднять денег, чтобы починить лицо, и она--»

Он пожал плечами. «Думаю, что я двигался в этом направлении. Куда-то, где мне достанет смелости попросить ее стать моей, а она не рассмеется над моим лицом.»

VI

Несколькими часами позже ночь закончилась, и выполз день.

Они полностью потеряли чувство времени. После псайкерской вспышки на городской площади, их хронометры либо остановились, либо дико вращались. Они не могли сказать, был ли это настоящий рассвет, или просто изменение ветра, очистившее дымовую завесу, которая делала мир ночным.

Далин надеялся на свет. Желал света. Свет сделает вещи лучше.

Не сделал. Он просто сделал вещи другими.

Ночь, реальную или искусственную, было тяжело переносить. После шумов в темноте, последовал смех, высокий и маниакальный, который появился и исчез, как ветер, и отдавался эхом в пустых лестничных колодцах и разрушенных водопроводах. Не раз они слышали шарканье на улице и никого там не нашли. Никого видимого.

Бонборт, один из Крассианцев, убежал ночью. Никто не видел, как он убежал. Никто не знал, почему он убежал.

Свет, когда появился, был плоским и белым. Он делал небо над городом кажущимся низким, как потолок театра, еще не украшенный сценой. Свет был таким же плотным и ленивым, как и бесцветным. Белые пыль и пепел лежали везде и, как только поднялся легкий ветерок, пыль начала заполнять воздух, как дым.

Далин с Мерртом вышли наружу. Война все еще бушевала, потому что они могли слышать ее рев, резкий и приглушенный, со всех сторон. Толстые столбы черного дыма поднимались к небу над крышами в частях все еще горящего внутреннего города.

В воздухе был запах жженого сахара.

Они еще немного поели и выпили остатки воды. Фирик, другой Крассианец, страдал от инфекции, которая засела в его ампутированной руке. Они ничего не могли сделать, чтобы помочь ему.

Когда они услышали свистки, доносящиеся с близлежащих улиц, они забрали Фирика с собой и вышли. Через несколько минут она нашли колонну Крассианцев, движущихся по дочерна выгоревшим улицам, собирающим остатки пехоты, которых обнаруживали. Крассианцы взяли заботу о Фирике на себя. Офицер мог мало что рассказать Далину и остальным о том, что происходит. Их только что послали в эту зону, чтобы перехватить контроль над ней.

Вчетвером они с трудом пробирались по пепельному городу. Случайные выстрелы кашляли и стрекотали на близлежащих улицах. Они нашли разбитый Имперский Удар Молнии, его матовый, разрушенный фюзеляж зарылся в землю в конце длинной борозды. Он погиб с одним крылом, поднятым к небу, как пловец, протягивающий из воды руку.

Затем они нашли Хамира. Сначала, они не поняли, что это был Хамир. Они увидели одинокую фигуру в грязной боевой форме, бредущую по пустой улице, смотрящую на хлопья пепла, падающие с крыш, как снегопад.

Жидкий сразу же поднял свой лазган, как и Меррт, но Форбокс, внезапно, произнес, «Это Школьник! Смотрите, это Школьник!»

Жидкий нахмурился. Далин увидел, что Меррт все еще готов открыть огонь, и отбил ствол его винтовки в сторону.

Меррт заморгал и посмотрел на него.

«Чего?»

«Ты почти выстрелил в него!»

«Нет. Гн. Я...» Меррт опустил взгляд на старую винтовку в своих грязных руках, с нахмуренным лбом.

Хамир слышал, как они кричат, и остановился. Он уставился на них, когда они бежали к нему. Белый пепел покрывал его плечи и череп, как сахарная пудра.

«Хамир!» воскликнул Далин, когда подошел к нему.

Хамир слегка улыбнулся, но вел себя полубессознательно. Он продолжал моргать, как будто у него были проблемы с концентрацией.

«Святой,» сказал он. «Святой. Это ты. Ох, это хорошо. Форбокс тоже.»

«Как ты здесь оказался?» спросил его Меррт.

Хамир шмыгнул носом и задумался об этом. Он нерешительно обернулся, а затем повернулся снова. Он задумчиво приложил грязный палец к губам.

«Я не—Я не помню. Я не помню, в какую сторону--» Хамир снова покосился. «Улицы выглядят одинаково. Они все выглядят одинаково.»

Далин пристально посмотрел на Хамира. Позади его правого уха была корка запекшейся крови, ниже скверной дыры на ободке его шлема. Хамир продолжал моргать. Один из его зрачков был с булавочную головку, другой расширенный и черный. Далин задумался, снять ли ему шлем с Хамира. Он решил, что он, по правде, не хочет этого делать.

«Собайл послал меня,» внезапно сказал Хамир.

«Этот ублюдок?» проворчал Жидкий.

«Собайл послал меня,» повторил Хамир.

«Где он?» спросил Меррт.

«Он собрал часть подразделения. С сержантом. Он собрал часть подразделения, то, что осталось от подразделения, что он смог найти от подразделения--»

«Хамир? Где он?» спросил Далин.

«Недалеко,» кивнул Хамир. «Он сказал нам прошерстить улицы, и посмотреть, сможем ли мы найти кого-нибудь еще.»

«Он послал тебя?» спросил Далин.

«Он послал меня, прошерстить улицы и--»

«Он послал тебя?» повторил Далин. «Он не отправил тебя к доктору или санитару?»

«Мы должны попробовать найти его,» сказал Далин.

«Почему?» презрительно спросил Жидкий.

«У тебя есть идеи получше?» спросил Меррт.

«Множество,» ответил Жидкий.

Тем не менее, он не поделился с ними ни одной, и казался довольным идти с ними в ногу, когда они снова пошли. Далин надеялся, что Хамир сможет вести их, но стало ясно, что он идет за ними.

За исключением тех моментов, когда он часто останавливался и смотрел на падающие хлопья пепла и сажу, когда они тихо опускались.

«Хамир? Пошли.»

«Ага.»

«Ты в порядке?»

«Ага.»

Он снова начинал покорно идти, но его слова были неотчетливыми, как будто у него был заложен нос. Он остался стоять посередине улицы, когда ужасный, нарастающий грохот заставил остальных поспешно укрыться. Гудящий звук неуклонно нарастал, пока они не смогли почувствовать дрожание от него.

«Школьник!» прошипел Форбкс из укрытия. «Школьник, иди сюда!» Посередине дороги Хамир пристально смотрел в небо. Он поднял руку и указал.

Самолеты пролетели над головой. Они были источником оглушительного гудения. Имперские самолеты, бомбардировщики Мародер. Они летели большим боевым порядком на высоте, примерно, километра. Ряд за рядом их крестообразные силуэты пролетали над головой, отбрасывая свои тени на покрытые пеплом улицы, затмевая небо, как огромная стая медленно мигрирующих пернатых. Объединенный шум их двигателей был таким сильным, что люди не могли слышать крики друг друга во время полета самолетов.

Он длился десять минут. Далин даже не смог примерно подсчитать число самолетов. Боевая группа направлялась на север, пролетая над печально известной крепостной стеной и направляясь к внутреннему городу, центральным районам и высокому улью К'эздрок'атт Шет Магира. Это было впечатляющее зрелище, в конечном счете, но за время своей краткой напряженной карьеры в качестве Гвардейца, Далин Крийд был свидетелем куда более экстраординарных зрелищ.

Они вышли из укрытия, когда самолеты все еще ревели над головой, и снова пошли. Далин взял Хамира за рукав и вел его. Хамир был очарован самолетами. Он продолжал спотыкаться, потому что он смотрел вверх вместо того, чтобы смотреть, куда идет.

Они пошли на север, потому что Меррт пришел к умозаключению, что этот путь наиболее вероятно приведет их в зону, подконтрольную Имперцам, или, по крайней мере, к какой-то безопасности. Их ботинки тихо ступали по глубокому, белому пеплу.

Они вышли на соседнюю улицу, окруженную с обеих сторон почерневшими рунами. Полдюжины людей появились в дальнем конце и повернули в их сторону.

«Это Собайл! Это Собайл и остальные!» воскликнул Хамир, и начал бежать к ним, махая рукой и крича.

Это был не Собайл. Полдюжины людей были большими парнями, одетыми в охранный одежду и черную железную броню. Они увидели Хамира, бегущего к ним, приветственно кричащего.

«Хамир! Нет, нет! Хамир!» заорал Далин.

Вражеские солдаты открыли огонь.

VII

Они стреляли краткими очередями лазерного огня. Хамир все еще бежал к ним, когда они попали в него. Он рухнул, лицом вниз, на улице, все еще протягивая руку. Его тело выглядело особенно жалко, его кровь разбрызгалась по белому пеплу вокруг него.

«Хамир!» выкрикнул Далин. Его голос был сиплым. Он снял свое оружие. Рядом с ним, Меррт прицеливался.

«Трон, сохрани нас,» взвизгнул Форбокс.

Каждый из вражеских воинов был огромным. Их торсы, плечи и руки были толстыми от мускулов, заставляя их выглядеть слегка комичными и тяжелыми сверху. Но не было ничего комичного в скорости или решительности, с которыми они приближались. Ярко-желтый оттенок их боевых одежд контрастировал, с отпугивающей эффективностью, с глянцево черным их нательной брони.

Эмблемы Порчи были приварены к их нагрудным пластинам, а длинные бусы и амулеты дребезжали вокруг них. Их головы были бритыми и обнаженными, и запятнанными белым пигментом, на котором был начертаны тонкие черные узоры на черепе и лбу. Их броня поднималась вверх и превращалась в широкую защиту шеи, которая скрывала их рты позади края, сделанной из черного железа, напоминающего чашечку ладони, как будто каждый из них закрывал рукой рот.

За прошедший год было достаточно брифингов, что даже такой дурачина, как Жидкий, знал, кто это был. В мозгу Далина сомнений не было. Это были Сыны Сека.

Лазерные заряды прожужжали мимо четырех Имперцев. Далин и Форбокс открыли огонь. Меррт выругался, когда его оружие снова дало осечку. «В укрытие! Укрытие!» крикнул он. Жидкий уже бежал.

Пресловутые Сыны Сека, как говорили брифинги, были боевым кадровым составом, подготовленным местным командующим Архиврага. Они были всего лишь слухами, основанными на описаниях и предупреждениях, которые последовали от

вернувшейся с Гереона команды Гаунта. Немногие Имперские силы, до сих пор, встречали их в Мирах Саббат, но они уже заслужили ту же самую грозную репутацию, как и порочный Кровавый Пакт.

Далин не был уверен, удалось ли ему попасть в кого-нибудь. Он не видел, чтобы кто-нибудь из врагов упал, но расстояние было хорошим. Он отругал себя. В панике, он стрелял в спешке. Он, Меррт и Форбокс начали бежать, выбравшись с пыльной улицы в руины. Лазерные заряды стучали по обуглившемуся дверному проему и фасаду развалин позади них.

Интерьер был темным и заполненным обломками и обуглившимися предметами. Все было черным, и не было никакого рельефа, чтобы судить о расстояниях. Меррт с Далином споткнулись и почти упали. Они бежали вперед, с хрустом пробираясь по руинам здания. Жидкий был далеко впереди них, мечущаяся тень между тяжелых опор.

Первые из Сынов Сека ворвались в здание позади них, забираясь сквозь оконные проемы и секции упавшей стены. Они тоже быстро передвигались, забираясь внутрь.

Далин мог слышать их гортанные голоса, кричащие друг другу. Новые выстрелы полетели сквозь руины, преследуя их.

Три Имперских солдата выбрались с другой стороны руин на еще одну улицу, где стояли останки железного портика. Они потеряли Жидкого из виду. Два выгоревших военных грузовика стояли на краю магистрали. Огромный кусок дороги был покрыт каменной кладкой от жилого здания, которое сравняла с землей противобункерная бомба. Бегущие шаги врага становились ближе, в руинах позади них. Еще несколько выстрелов провыло мимо.

С лазганом в руках, Далин развернулся к дверному проему, из которого они вышли.

«Уходите!» сказал он Меррту и Форбоксу. «Уходите!»

ГЕРЕОН СОПРОТИВЛЯЕТСЯ

I

Буря разорвала ночь, и они с трудом пробирались сквозь нее в густой, мертвый лес.

Буря превратила небо в темноватый зеленый, цвета рептилии, почти в цвет мира, когда на него смотрят сквозь прибор ночного видения. Ветер, который поворачивал лопасти мельницы в Кайфере, стал сильнее, и хлестал по высоким, мумифицированным деревьям. Хрупкие ветки свистели и трещали, как костяные бусины в шейкере. Сухие листья и пыль поднимались с земли.

Молния гналась за ними. Белая и нитевидная, она шипела в небе, оставляя краткие, хрупкие следы, похожие на нити накаливания в лампочках. Настоящего грома не было, только давление воздуха и трескучий, шипящий звук излучения.

Отряд Гаунта с трудом шел вперед, закутавшись в камуфляжные плащи, следуя за бойцами сопротивления в мерцающей темноте. Было тяжело идти, но Дакре не показывал никакого намерения остановиться и переждать бурю. Кроме того, любой лагерь сдуло бы ветром. Они пробирались сквозь буран из окаменевших листьев, поднятых ветром.

Буря зарядила их оружие и металлическое снаряжение статическим зарядом. Люди вздрагивали, когда их оружие покалывало в руках. Бростин изобразил широкую улыбку, когда увидел, как потрескивающая голубая нить электричества блуждает по закопченному дулу огнемёта. Он медленно поворачивал в руках горелку, смотря, как заряд танцует и прыгает, как будто он позволил большому насекомому ползти по его оружию.

«Шевелись!» проворчала на него Крийд.

Сверкающие сгустки ярких огней святого Эльма освещали отдаленные деревья, и превращали близкие в скелетоподобные силуэты. Молния тоже была в лес вокруг них, и разбивала в щепки древние стволы деревьев, как топор дровосека. Сухие

стволы и ветки загорались. Искры летели в воздух, и уносились пронзительным ветром.

В склепе, двумя часами ранее, Дакре отказался отвечать на вопросы.

«Мквеннер? Это Мквеннер?» потребовал Гаунт. Дакре пожал плечами.

«Как он погиб?» спросил Мколл.

«Я не знаю. Я не знал его. Он сражался с местной ячейкой и с ячейкой Летрики. Они высоко думали о нем. Они сказали, что, кто бы не пришел, они захотят увидеть это, так что я сделал именно так, как меня проинструктировали, и привел вас сюда.»

«Кто вам сказал сделать это?» спросил Гаунт Дакре.

«Я не собираюсь вам этого говорить,» ответил Дакре. «Я даже не знаю, кто вы.»

«Я – Гаунт!»

«Это вы так сказали. Я этого не знаю.»

Они шли уже три часа, когда начался дождь. Без предупреждения, просто внезапное нападение быстрых, крупных капель. За секунды они промокли насквозь. За минуты поток прибил всю пыль и летящие листья. Иссохшая земля стала трясинной. Белые, мертвые стволы загубленного леса стали черными.

Дождь спровоцировал первую эмоциональную реакцию, которую они видели у Дакре и его людей. Бойцы сопротивления пристально смотрели вверх, в дождь, или сняли свои шляпы, чтобы насладиться падающей водой.

«Первый дождь, который видела эта земля за последние два года,» сказал Дакре, стряхивая бегущие капли с лица мозолистой рукой.

Гаунт кивнул. Он понял, что это военное вторжение запустило бурю. Вам не свалить такое катастрофическое количество массы и энергии в атмосферу, чтобы погодные модели не разлетелись на куски. Он вспомнил Балгаут, Фортис Бинари и недавний Анкреон Секстус. Это был не просто обмен тепла от использования оружия, это были двигатели корабля на низкой орбите, гравитационные генераторы, сверхдавление и вторжение в атмосферу. Этот шторм в Провинции Ловенса был ожидаемым, отчасти,

из-за нуль-полей крупных боевых кораблей, сдавливавших воздух над океаном тропиков Гереона, из-за глобального потепления от орбитальной бомбардировки, из-за быстрого перемещения воздуха из-за сотен тысяч десантных кораблей.

Они зашлепали дальше, вода струилась с их плащей и накидок. Дакре повел их к линии долины, а затем через реку, образовавшуюся от внезапного дождя. После этого они поднялись на возвышенность, а затем резко вниз, в сырую местность из мертвых и частично упавших деревьев. Дождь не показывал никаких признаков окончания. Потоки воды струились вниз по склону вокруг них.

Они добрались до площадки из обработанного камня. Она простиралась в излучину внезапно быстрой реки. Объяснения площадке не было, за исключением того, что она когда-то была основанием здания, которого больше не существовало.

Дакре предложил всем сесть.

«Что теперь?» спросил Гаунт.

«Будем ждать,» сказал Дакре.

Гаунт пошел сквозь устраивающиеся фигуры своего отряда и нашел Белтайна.

«Можешь связаться с Кантиблом?» спросил он.

Белтайн покачал головой.

«Продолжай пробовать. Пробуй отправить сигнал Роуну, что с нами все в порядке.»

«Буду, сэр.»

Гаунт сел и закутался в плащ против свирепого дождя. Было холодно и сыро.

Он посмотрел через площадку и бурную черную реку на деревья. Сезоны дождей обычно возвращали жизнь в леса, но здесь было слишком поздно. Этот лес высох и умер, и дождь просто омывал труп.

II

Время начало терять свой смысл. Все наручные хронометры в отряде начали сбоить в ночное время, все, за исключением, как надеялся Гаунт, его собственного: поношенные старые часы, с которыми он уже когда-то прошел Гереон. Часы продолжали монотонно тикать, когда все остальные остановились, или вращали стрелками, как лопасти ветряной мельницы в бурю.

Буря утихла за несколько часов до рассвета. За долгое время, в окружающей темноте, единственными звуками были бульканье реки и *плюх-плюх* воды, капающей с мертвых деревьев. Перед рассветом небо стало бледным, а свет стал серым. Когда пришел настоящий дневной свет, он, внезапно, стал темнее. Небо было крышей из облаков цвета оружейного металла, переплетенных, как мозговая ткань.

Рука дотронулась до руки Гаунта, и он вздрогнул, осознав, что уснул. Он видел сон.

Он был в доме на одиноком краю какого-то мира. Танитские волынки играли. Тона Крийд подошла к нему из какого-то тусклого коридора и ударила его в грудь. На ее лице были слезы. «Ты мертв! Ты мертв! Ты мертв!» причитала она, ударяя его. Он попытался обнять и успокоить ее, но она отстранилась.

Послышались повторяющиеся щелчки. Гаунт огляделся и увидел Виктора Харка, сидящего у окна, передергивающего затвор болт-пистолета.

«Слушай, мне жаль,» сказал Харк, поднимаясь на ноги. «Мне реально жаль, но ты мертв, и я не могу позволить этому продолжаться. Ты убиваешь моих людей своими призраками.» Харк поднял пистолет в сторону лица Гаунта и—

Рука дотронулась до его руки. Он резко проснулся.

Это был Эзра.

Нихтгейнец стоял над ним, держа под рукой рейнбоу. Гаунт сразу же заметил, что оружие было заряжено.

«Хват сейзи?» прошептал он.

«Гонн зесшафф,» прошептал Эзра.

Гаунт огляделся и поднялся на ноги. Он потянулся за своим оружием. Дакре и бойцы сопротивления исчезли. Призраки его отряда сидели, сторбившись, и дремали на площадке вокруг него.

«Фес!» прошипел Гаунт.

«Сеязи фес?» прошептал в ответ Эзра, водя своим рейнбоу по деревьям на дальней стороне реки.

«Да я фесово уверен, что сеязи фес!» резко бросил Гаунт. «Оан?»

«Уже проснулся,» ответил Мколл, внезапно материализуясь рядом с локтем Гаунта. «Дакре ушел.»

«Что, серьезно?»

Мколл пристально посмотрел на Гаунта, чтобы ослабить злость и сарказм полковника-комиссара.

«Я не спал,» сказал он, «хотя они этого не поняли. Они разговаривали. Я слушал. Они беспокоились насчет нас. Они не доверяют нам, и ночной шторм напугал их.»

«Почему?»

«Ой, да ладно. Вы вспомните, как это было здесь. Мы не доверяли ничему. Они не видели дождя два года, так что он встревожил их. Сама мысль об освобождении--»

«А что не так?»

«Ну, я не думаю, что они верят в это. Это то, о чем они молили. Теперь оно здесь.»

«Теперь оно здесь, и что?»

«Это слишком хорошо, чтобы быть правдой.» Мколл посмотрел на Гаунта. «Именно это они и говорили. В любом случае, они ушли около часа назад.»

«Почему ты не разбудил меня?»

«Потому что за нами наблюдали с самого начала.»

«Наблюдали?»

Мколл кивнул. «К тому же, вам нужно было поспать.»

«Кто за нами наблюдает?» спросил Гаунт.

«Без понятия,» сказал Мколл, «но они там.» Он кивнул в направлении деревьев на дальнем берегу бурлящей, похожей на торф реки. «Они достаточно осторожны.»

«Откуда ты знаешь?»

Мколл пожал плечами. «Мы еще живы.»

«Поднимай остальных,» сказал Гаунт.

Мколл с Эзрой разбудили отряд. Они проснулись и встали, охая и ворча. Ларкин проснулся так внезапно, что его лонг-лаз упал на землю со стуком, который эхом отдался по мокрой опушке.

«Простите, сэр,» сказал он. «Плохой сон.»

Гаунт улыбнулся. Он знал о таких вещах. Его собственный последний сон не покинул его память. В особенности он был зафиксирован на образе Тоны Крийд, бьющей его. У нее тоже был сон, вспомнил он, на транспортнике прямо перед тем, как они высадились. Ей приснилось, что он умер. Гаунт верил в силу сновидений. Они говорили ему правду, и не раз. Тогда он отмахнулся от Тоны, но теперь это беспокоило его. На Гереоне, когда-то, ей безошибочно приснился Люсьен Вайлдер, Трон благослови его память. Ей приснился Люсьен Вайлдер задолго до того, как какой-нибудь человек с таким именем был ей известен.

«Что тебе снилось, Ларкс?» спросил Гаунт.

«Куу,» сказал Ларкин. Они оба рассмеялись, хотя Куу и был сущим ночным кошмаром, этот кошмар давно закончился.

«Сэр,» прошептал Мколл, дотрагиваясь до руки Гаунта.

Гаунт повернулся, чтобы посмотреть.

Тощая фигура появилась из-за линии деревьев на дальнем берегу реки, шлепая вперед по илу и грязи. Он был высоким и грязным, очень худым от недоедания.

Гаунт сразу узнал его.

Гаунт поспешил к краю площадки и прыгнул в бурлящую реку с всплеском. Он перешел вброд к дальнему берегу и встал на грязном берегу, чтобы поприветствовать человека, стоящего там.

«Гереон сопротивляется,» сказал он.

Похожий на скелет человек кивнул. «Так и есть, Ибрам. Дерьмо, рад тебя видеть.» Они обнялись. Хотя человек и был высохшим и изможденным, не узнать его было нельзя.

Его звали Жером Ландерсон.

III

«Ты вернулся,» сказал Ландерсон.

«Я поклялся, что вернусь.»

«И ты привел...» Ландерсон не закончил предложение. Он кивнул. Он не имел в виду боевой отряд на площадке позади Гаунта. Он имел в виду войска вторжения, накатывающие на Гереон в половине мира отсюда.

«В этом я тоже поклялся. Сделал все, что смог.»

Ландерсон улыбнулся. Его кожа была похожа на старую кожу, а из-за плохого питания он лишился нескольких зубов.

«Когда я впервые встретил тебя, Ибрам, ты разбил мне сердце. Я думал, что собираюсь встретить спасение, а ты сказал мне, что пришел только за тем, чтобы заставить замолчать какого-то высокопоставленного перебежчика.»

«Я помню.»

«Но ты *был* спасением. В конечном счете. Ты доставил им неудобство.»

«Прошло всего пару дней.»

«У нас есть каналы информации,» сказал Ландерсон. «Две, может быть, три основных крепости пали. Юг ваш. Страшные сражения продолжаются в Бровисии, Заркусе, К'эздраке, и дюжине других зон. Нам известно, что Наместник покинул планету за два часа до первого десанта, вероятно предупрежденный. И энергия исчезла.»

«Что?»

«Во всех отдаленных регионах. Нет волков, нет глюфов, нет колдовских барьеров. Похоже, что они выжали все капли энергии, чтобы направить ее на главные сражения.»

Гаунт кивнул. «Это начало. Но это не закончится быстро. Даже с военной силой, которую Командование Крестовым Походом направило на Гереон, нам могут

потребоваться недели, месяцы на освобождение. Может быть, даже дольше. Мы не знаем, что у врага есть в рукаве.»

«Я понимаю.»

«Мне нужно было, чтобы ты это знал. Даже если конец приближается, может быть еще будет много дней боли.»

«Я понимаю, Ибрам.»

«Вот почему нам нужен посредник для установления контакта с сопротивлением так быстро, как только возможно, чтобы ускорить процесс.»

Ландерсон развел руки. «Ну, вот, пожалуйста. Я полагаю, что нам надо собраться и начать делиться информацией.»

«Было бы хорошо.»

«Слушай,» сказал Ландерсон, «я хочу, чтобы ты знал... я стою здесь в простой благодарности. За то, что ты сделал для меня. За то, что ты сделал для моего мира. Я--»

Гаунт поднял руку. «Не надо, Ландерсон. Я знаю, что ты хочешь сказать, а я этого не заслуживаю. Я сражался за Гереон, пока был здесь, и я сражался за него, когда вернулся. Я не знаю, что я такое говорил, что заставило Высшее Командование решить выделить ресурсы на это освобождение. Может быть, это вообще не связано со мной. Может быть, они просто решили, что настало время.»

«Я не--»

«Каковы бы ни были причины, я рад, что это произошло, и я полагаю, что это преступление, что прошло так много времени до того, как предпринять эту попытку. Если кого и нужно благодарить за обеспечение выживания Гереона, так это людей, как ты.» Отряд Гаунта пересек реку, а Ландерсон привел свой отряд бойцов сопротивления из леса. Они все были в плохом состоянии, как и Ландерсон. Фактически, Гаунт знал трех человек с тех пор, как был в сопротивлении, но ему было трудно узнать их.

Ландерсон и его люди приветствовали Кёрк, и Ларкина, Бростина, Белтайна, Крийд и Мколла, которые были членами изначального отряда. Ландерсон был в сопротивлении уже тогда, и преданно прошел с ними через всю миссию по устранению Стурма. Практически привязанные к Гереону после завершения миссии, Гаунт и его команда приложили все усилия в становлении сопротивления, чтобы вести подпольную войну против Оккупационных войск. Вместе, они разделяли риски и встречались лицом к лицу с ужасами, которые было сложно облечь в слова. Гаунт был профессиональным военным, и служил на нескольких самых кровавых полях сражений Крестового Похода. С точки зрения угрозы для личной жизни, лишений и нужды, ни одно из них нельзя было сравнить со временем, проведенным в войне сопротивления за Гереон.

Но они оставили свой след. Под предводительством Ландерсона и Призраков, сопротивление стало сильной, гибкой вещью, которая бросила вызов оккупационным силам. Они заключили союз с партизанами Антилла, народом Эзры, и научились использовать как таланты в маскировке Нихтгейнцев, так и их непроходимые территории. Мколл, Бонин и Мквеннер обучили их тайным операциям.

Варл, Роун и Крийд учили бойцов сопротивления, большинство из которых были гражданскими, как жить и действовать, как солдаты. Белтайн построил их коммуникационную сеть. Фейгор научил их уловкам со взрывчаткой, Бростин научил их, как использовать огонь, а Ларкин научил их стрелять. Гаунт обучил их гибким принципам лидерства. Они лично уничтожили восемнадцать гарнизонов, семь электростанций, тридцать шесть коммуникационных узлов, семь аэродромов и большое количество демонических машин, включая несколько омерзительных жехгенешей. И Наместник, который, как доложил Ландерсон, сбежал с Гереона прямо перед вторжением, был не тем же самым существом, которое занимало этот пост, когда команда Гаунта прибыла впервые. Целенаправленные убийства были им не чужды.

Пока они шли вместе в глубокий лес, под серым небом, Призраки и бойцы сопротивления мало говорили друг с другом. И те, и другие, по различным причинам, старались быть тихи.

Ландерсон шел с Гаунтом.

«Я извиняюсь за все меры предосторожности,» сказал он.

«Тебе не нужно извиняться. Я понимаю.»

«Нам нужно быть осторожными, даже сейчас. За несколько последних месяцев, Архивраг стал более искусным в проникновении. Изменение лиц. Замена разумов. Удаленный психический контроль. У нас были потери. Всего лишь на прошлой неделе они сожгли целую ячейку в Эдриане, глубоко в Антилле. Восемьдесят мертвых, большинство из них семьи Нихтгейнцев.»

Гаунт покачал головой.

«Так бывает,» сказал Ландерсон. «А ты помнишь Карука?»

«Карука Мясника?»

«Именно так.»

«Фес, сколько времени мы провели, пытаюсь добраться до него. Засада снаружи Фатимы. Бомбы в его дворце.»

Ландерсон кивнул. «Мы добрались до него. В прошлом месяце. В конце концов. Мы проведали, что он собирается быть на служении в храме во Фруслинде, но внутренний источник, слуга во дворце, выдал, что он собирается остановиться по дороге и понаблюдать за тренировкой Сынов в Гарнизоне Пешпал. Диггерсон взял команду из четырех человек за три дня до этого. Когда Сарук сел, чтобы наблюдать представление, они напали на него.»

«Чистое убийство?» спросил Гаунт.

«У нас в любом случае было мало огнестрельного оружия, а Пешпал был под охраной, так что внутрь нельзя было пронести ничего металлического. Диггерсон со своими людьми проползли под проволокой голыми. Они были вооружены кусками стекла. Я не думаю, что это было чистое убийство, Ибрам. Но это точно было убийство.»

«И это давно назревало. Я бы хотел лично пожать руку Диггерсону.»

«Как и я. Никто из них не вернулся. Телохранители Карука жестоко убили их.» Гаунт не ответил. Такова ужасная натура войны сопротивления. Миссии, в особенности направленные на уничтожение высокопоставленных монстров, обычно были самоубийственными.

«Диггерсон был хорошим человеком,» сказал Ландерсон. «Ему бы понравился сегодняшний день. Как бы то ни было, мне жаль, что мы водили вас за нос.»

«Я понимаю.»

«Мы наблюдали за вами.»

«Я знаю. С Кайфера.»

«Даже раньше, друг мой. Кодированное общение с Разведкой Флота казалось достаточно надежным, но мы должны были быть уверены. В инструкциях было сказано, что это ты придешь, чтобы установить контакт, но так бы и сказали, разве нет?»

«И ты послал Дакре?»

«Я послал Дакре, так что я смог увидеть тебя, и убедиться, что это ты на площадке, и убедиться, что за тобой никто не следил. Ты простишь меня за чрезмерную осторожность.»

«Роун опечалится услышав, что Диггерсон мертв,» сказал Гаунт. «Они хорошо работали вместе.»

«Роун здесь, так ведь?»

«В Кантибле.»

Ландерсон кивнул, как будто этот маленький факт сделал его мир лучше. Он спросил об остальных, Бонине, Варле и Фейгоре.

«Мюрт Фейгор единственный, кто не вернулся со мной. Мы потеряли его, на Анкреон Секстусе.»

«Жаль это слышать,» сказал Ландерсон. «Он был хорошим человеком.»

«Знаешь,» сказал Гаунт, «на самом деле, не был. Он с Роуном были дьяволами с черными сердцами, когда я впервые встретил их. Гереон изменил обоих. Я все еще задумываюсь о том, что теперь Роун мой друг. Мой лучший друг, если быть честным. Были времена, когда мы бы с радостью убили друг друга. Я все еще ненавижу его, а он ненавидит меня, но требовательность Гереона крепко связала нас. Фейгора тоже. Не примерный солдат, но после Гереона, я бы продал душу за него и наоборот. Он умер славной смертью, Ландерсон. Он погиб в бою на передовой. Он погиб, как Диггерсон, самоотверженно, героически.»

«Мюрт Фейгор?» засмеялся Ландерсон.

«Я буду считать его героем среди тех, кого знал,» сказал Гаунт. «Спасибо Богу-Императору, для этого у меня уже не хватает пальцев. Теперь, ты мне расскажешь о Вене.»

«Вене?»

«Ты просил Дакре показать мне его могилу.»

Ландерсон кивнул. Они скользили вниз по длинному уклону, окруженному высокими, темными деревьями и зарослями лишайника. Гаунту не нужно было говорить, что они входят в окраины Антиллы.

«Вен был титаном,» сказал Ландерсон, потянувшись, чтобы поддержать Гаунта, когда они скользили по превращенной в кашу дождем земле. «Я имею в виду, бесподобным. Мы обязаны ему так же, как и Нихтгейнцам. Дерьмо, всегда казалось, что он был Нихтгейнцем. Я никогда не знал человека, который бы двигался так тихо и убивал бы так безжалостно. Еще до того, как ты покинул нас, он сделал себе репутацию, ты помнишь. Архивраг хотел его. После того, как ты ушел, он стал сам по себе. Он не был стеснительным. Он знал, что слухи были таким же важным оружием, как и взрывать все подряд. Он начал--»

«Что?»

«Брать на себя ответственность. Распространять мифы. Пугать врага. Он был сверхъестественным, неубиваемым. Призрак в лесу. Мстящий дух. Он стал номинальным главой для сопротивления. Прямо как ты и говорил ему действовать.»

«Говорил,» сказал Гаунт, вспоминая свой последний разговор с Мквеннером.

«Ты бы гордился Веном, Ибрам. Он делал то, что ты ему сказал делать. Он стал легендой. Все, что делало сопротивление, приписывалось Вену. Саботаж, убийства, подрывы. Он стал их ночным кошмаром. Когда они добрались до него, это был наш самый черный день.»

«Как они добрались до него?»

Ландерсон покачал головой. «Это было, как обычно бывает. Он действовал вне Антиллы с лично отобранным отрядом Нихтгейнцев. Они называли себя Налшин. Это что-нибудь говорит тебе?»

Гаунт кивнул.

«Они провели три рейда за три дня. Гарнизон Сынов, станция вокса, и губернатор провинции. Я контактировал с ним по сети. Я послал Вену, что он сделал слишком много, и что должен спрятаться на пару недель. Он ответил, что спрячется, сказал, что забирает Налшин на запад, в прибрежный Антилл. Я могу только предполагать, что их перехватили. Через несколько дней до меня дошли слухи, что Налшин были убиты при нападении из засады вражескими отрядами.»

«Подтверждено?»

«Да, подтверждено. Поэтому мы построили пирамиду из камней.»

«Вы нашли тело?»

«Нет. Мы просто построили пирамиду. В этом и был смысл. После смерти Вена, мы продолжали приписывать убийства ему, как будто он не мог умереть. Вот почему мы соорудили могилу на вражеской территории, чтобы они знали это. Человек, которого они, в конце концов, убили, все еще охотился за ними. Это была пропаганда. Они стали больше бояться мертвого Вена, чем боялись, когда он был жив.»

«Ему бы это понравилось,» сказал Гаунт. «Ирония. Расчет--» Он резко остановился. Они шли по опушке, где деревья были избавлены от веток и были превращены в колья. Гниющие головы Нихтгейнцев торчали на верхушках.

«Это еще что за фес?» спросил Гаунт.

«Это окраина настоящего Антиллы,» ответил Ландерсон. «Это граница, которую сделал враг. Предупреждение... для нас, чтобы оставались внутри, и для них, чтобы оставались снаружи.»

Торжественно, почтительно, Гаунт прошел мимо первого кола. «Ты никогда не думал убрать их?» спросил он.

«Зачем? Они только захотят поместить сюда больше.»

Позади них в колонне началась внезапная суета. Призраки и партизаны одновременно подняли свое оружие. Появилась фигура, ковыляя по загубленному лесу.

Это был Дакре. В какой-то момент времени с тех пор, как они в последний раз видели его, он потерял свою правую руку. Он прижимал разбитые кости и мясо конечности к груди, его куртка была пропитана кровью.

«Фес!» воскликнул Гаунт.

«За ними следили!» выдохнул Дакре, падая на колени перед Ландерсоном. «За ними чертовски хорошо следили!»

Ландерсон резко посмотрел на Гаунта.

«За нами никто не следил, когда мы пришли,» твердо сказал Гаунт. «Именем Бога-Императора, мужик, ты наблюдал за нами.»

«Дакре?»

«Они что-то привели с собой,» застонал Дакре. «Я клянусь тебе. Несмотря на все наши усилия, за ними следили. Девять моих человек мертвы. А я--»

Он уставился на свою изорванную в клочья руку и упал в обморок.

«Поднимите его!» крикнул Ландерсон.

На расстоянии, сквозь деревья, слышалось пыхтение выхлопов.

Гаунт знал, что это значит.

Зверь все еще чуял их.

IV

«Кроппер!» крикнул Ландерсон одному из своих людей. «Отведи отряд вперед к Фонарю Мотыля. Мы ускоренно пойдем назад--»

«Нет,» решительно сказал Гаунт.

«Я не буду это обсуждать,» сказал Ландерсон.

«Хорошо,» сказал Гаунт, «как и я. Бери основную часть отряда и свяжи Кёрк и Мистера Фарагута со своими людьми. Белтайн за главного. Я возьму остальных и пойду назад.»

«Но--»

«Это моя проблема. Мы привели ее сюда.»

«Ибрам, позволь Нихтгейнцам--»

«У тебя есть ракетная труба, Ландерсон? Партизаны все еще носят такое с собой?»

«Нет.»

«Тогда делай так, как я тебе говорю. Эта миссия более важна, чем любой из нас. Мы покончим с этим и вернемся кружным путем. Установи дозор, который будет ждать нас.» Ландерсон мгновение смотрел на Гаунта, а затем быстро отдал честь.

Гаунт обернулся. «Короткие соломинки... Крийд, Ларкин, Мколл, Посетин, Дерин. Вперед!» Выбранные Призраки последовали за Гаунтом назад по тропинке. Земля была вязкой и черной после ночного дождя, а серое небо над мертвыми деревьями угрожало снова разразиться ливнем. К тому времени, когда они миновали гротескные маркеры из черепов на кольях, остальной отряд уже исчез позади них.

За исключением Эзры.

«Иди с остальными,» сказал ему Гаунт.

Эзра покачал головой. Гаунт хотел убедить. Иметь представителя, владеющего местным языком в контактном отряде, было бы полезно. Но когда Эзра становился таким молчаливым, что даже не пользовался своим языком, спорить с ним было бесполезно. Гаунт понимал, что он был потрясен мрачным обращением с ним других Нихтгейнцев, хотя такое поведение едва было неожиданным. Эзра был свободен от своих корней, и забирался в места, которые были дальше, чем любой Нихтгейнец когда-либо заходил. Это не было бессердечием или предубеждением по отношению к нему, теперь он был полностью «анкюнде» для них. И все это оставило его на мели и лишило право голоса, заставило плавать между мирами. Единственным местом для него осталось место, которое определил для него его отец-вождь: быть рядом с Гаунтом.

Они разошлись, уйдя с тропинки, по которой они шли в Антилл, надеясь заманить зверя в широкую петлю. После появления Дакре больше никаких знаков от него не было. Они шли тихо, следуя линиям водоразделов и укрываясь за деревьями. Снова начался дождь, плотный, сильный ливень, который сверкал в косом свете. Резкий запах грязи, плесени и гниющего дерева появился снова из-за внезапного дождя. Воздух был холодным и чистым.

В конце концов, они услышали звуки. Вдалеке, всплески от движения по мокрой грязи, ворчание двигателя, работающего на повышенных оборотах, чтобы совладать с трясиной. В окружающей коробке из дождя, звук, внезапно, проделывал больший путь, чем раньше.

Гаунт распределил их в широкую линию. У Крийд была труба. Гаунт подал сигнал Мколлу с Ларкиным идти вперед, чтобы обнаружить.

Они прошли почти три километра по лесу после разделения с отрядом Ландерсона.

Территория, через которую они сейчас скользили, была плотным, мертвым лесом, который был проколот в нескольких местах артиллерийским огнем. На одной поляне они прошли мимо обуглившихся останков военного грузовика. Он был здесь очень давно, возможно с первоначального вторжения. Дальше лежала ржавая оболочка легкой бронированной машины. Упавшие стволы деревьев сгнили в мульчу вокруг обломков. Куски снаряжения – пряжки, пуговицы и редкие горжет или шлем –

показывались из грязи, все, что осталось от тел, которые упали в этом месте годы назад.

Послышался сигнальный стук по микро-бусине, и все залегли. Гаунт ждал в тишине, в которой был только стук дождя. Он услышал грохот впереди, влажное урчание.

Он почуял запах масла, дуновение выхлопов.

Появился Ларкин и побежал к Гаунту, пригнув голову, с лонг-лазом сбоку, как копье. Он упал в укрытие рядом с полковником-комиссаром.

«С другой стороны того холма,» прошептал он. «Мы засекли его, всего лишь на мгновение. Фесова тварь снова подкрадывается к нам.»

«Откуда?»

Ларкин указал.

«Точка для Тоны, Ларкс,» сказал Гаунт, и подал сигнал Крийд сквозь дождь. Крийд и Ларкин тотчас поднялись и побежали, исчезая за мертвыми деревьями и снова появляясь, пока забирались на холм, минуя ржавое шасси еще одного военного грузовика.

Крийд пригнулась позади нескольких упавших деревьев прямо на верхушке холма. Дождь становился сильнее. Она могла видеть с холма, густо поросшего деревьями, поляну внизу.

Ларкин забрался рядом с ней, и она кивнула. Они снова побежали, направляясь вниз по холму к деревьям, замедлившись и припав к земле, когда пробрались через черную шелуху наземной растительности.

Крийд встала на колени. За гнилыми черными стволами деревьев впереди она видела поляну. Зверь был частично закрыт деревьями за поляной, черный силуэт на фоне черных силуэтов. Она едва могла видеть его сквозь дождь, стоящий боком корпус, как будто ждущий чего-то.

Она бросила взгляд на Ларкина. Он смотрел в свой прицел, но дождь продолжал забрызгивать линзу. Он вытер ее тканью и снова посмотрел. Вид был плохим, даже с оптикой. Это был всего лишь темный силуэт, но он смог предоставить подходящее

расстояние для нее. У него не было никакого желания подбираться ближе для лучшего вида.

Тридцать два метра, показал он Крийд. Она кивнула, осторожно заряжая одну из двух оставшихся ракет в трубу.

Цель не двигалась. Сквозь струящуюся вуаль дождя, она свела ее тень с перекрестием прицельной сетки трубы.

Укрепившись, она нажала на спусковой крючок. Оставляя шумную полосу дыма, ракета пролетела над поляной. Она попала танку в боковую броню, взорвалась, и проникла во внутренности корпуса сверхнагретым газом.

Прямое попадание. Убийственное попадание.

Однако, это была самая большая ошибка в ее карьере.

V

Крийд и Ларкин поднялись из укрытия, пристально смотря на горящие обломки.

«Хорошее попадание,» прошептал он.

«Был странный звук,» сказала она, делая шаг вперед.

«Что?»

«Он сделал странный звук, когда в него попало.» Она шла к своей уничтоженной цели по поляне. Звук удара был глухим и пустым, напоминающим гонг, напоминающим молот, бьющий по металлическому лому. Дождь струился по ней, когда она приблизилась к полыхающей машине. Она могла слышать, как дождь шипит на горячем металле. Пар и белый дым плыли над черной грязью поляны.

Танк был уничтожен. Танк был уничтожен годы назад.

В плохом свете она уничтожила ржавые останки.

«Ох, фес--» начала она. Она повернулась, и начала бежать. Она увидела лицо Ларкина, его широкие глаза, озадаченного, размышляющего, почему она так внезапно рванула к нему.

«Беги! Ларкс, беги!» крикнула она.

Зверь появился из деревьев слева от нее. Внезапный вой его яростного двигателя разорвал орошаемую дождем тишину. Его гусеницы выбрасывали грязь и мокрую землю. Передняя часть корпуса разносила на куски стволы мертвых деревьев на его пути. Целые деревья сгибались и падали, прорываясь сквозь остатки полога мертвого леса. Одно упало на зверя и сломалось, когда скатилось с движущегося танка. Еще одно повалилось на горящие обломки, где похожие на кружево ветки начали тлеть.

Зверь оставлял пни, упавшую древесину и древесные останки на своем пути. Он ударился по нескольким стоящим стволам так сильно, что они исчезли в шквале гниющих древесных волокон. Подпрыгивая, он громыхал за спасающейся бегством Крийд. Ларкин, наконец-то, бежал, устремившись сквозь мокрый подлесок и гниль.

«Вперед! Вперед!» воксировал он, высоким от паники и дребезжащим от стремительности, голосом.

«Он за нами!»

Перья рассерженного дыма вырывались из задней части зверя, пока он грохотал за Крийд. Казалось, что он хотел переехать ее, вмять ее в землю. В какой-то момент времени с тех пор, как они в последний раз видели его, он потерял одну из своих передних фар. Только одна злобная желтая фара горела у него на корпусе. Другая была разбита, скорее всего, от ракеты, которую Крийд запустила в него в Кайфере.

Он двигался, как полуслепая тварь. Понимал ли он, что Крийд была одной из тех, кто ранил его предыдущей ночью?

Внезапно, она резко рванула вправо, повернувшись быстрее, чем он мог, побежав в другой просвет между деревьями.

Ларкин бежал параллельно ей в пятидесяти метрах. Он мог видеть зверя сквозь деревья, и он мог видеть бегущую ее, метавшуюся между разлагающимися стволами. По связи, он слышал настойчивые голоса Гаунта и остального отряда, запрашивающих информацию, пока приближались.

«Он игнорирует меня!» прокричал он. «Ему нужна только Крийд!»

«У нас остались противотанковые?» спросил Гаунт, его голос звучал почти бессвязно в микро-бусине.

«Один,» ответил Ларкин. «Но он у Крийд. И труба тоже у нее.» Ларкин резко остановился и посмотрел вниз по склону. Он едва видел Крийд. Она пробиралась сквозь густой лес, удаляясь от него. Зверь остановился. Она сделала приличный разрыв между собой и танком.

Пушка танка гроыхнула. Ларкин упал на землю, даже понимая, что снаряд летит не в его сторону. Снаряд пролетел сквозь лес, как гигантская пуля, оставляя след из разбитых на атомы веток и раздробленных стволов за собой. Он взорвался напротив большого, древнего дерева, в пяти метрах слева от Крийд. Взрыв сбил ее с ног. Она покатилась в черной грязи.

«Тона!» крикнул Ларкин. «Продолжай бежать!»

Он увидел, как она поднялась и направилась налево. Казалось, что с ней все в порядке. Она бежала так же быстро, как раньше.

Зверь выстрелил снова. Ларкин мельком заметил шипящий, оставляющий за собой древесные волокна, след снаряда, когда он пролетал сквозь деревья. Последовал большой взрыв от попадания, достаточно мощный, чтобы снести несколько маленьких деревьев поблизости. Когда вспышка пропала, а дым начал растворяться, Тона Крийд исчезла.

«Ох, нет,» прошептал Ларкин. «Ох, нет, нет, нет.» Он сделал шаг вперед и начал скользить вниз по склону в направлении зверя. Он был преисполнен сильным желанием сделать что-нибудь, совершить месть, хотя он понятия не имел, как это сделать. Он поднял свой лонг-лаз, нацелив его на танк, когда сполз вниз по грязи.

Прибавив оборотов в двигателе и извергнув едкий дым, зверь начал снова катиться, и повернулся в его сторону.

VI

Ларкин увидел единственную желтую фару, поворачивающуюся, чтобы засечь его. Он, неуверенно, сделал шаг назад, на мгновение опустив свое оружие. Зверь направлялся к нему, разбрасывая черную грязь, когда громыхал по поляне. Ларкин снова поднял свой лонг-лаз и выстрелил прямо в танк. Выстрел разнес оставшуюся фару.

Зверь резко остановился, слегка повернувшись. Высокая, сдавленная нота донеслась из его молотящего двигателя, которая прозвучала для Ларкина, как звук боли и ярости. Он ослепил его, или это было только его воображение?

Зверь дернулся вперед еще раз, повернув корпус слева направо. Его главное орудие поднялось выше горизонтали, а башня двигалась туда-сюда, Ларкин начал бежать.

Встроенный пулемет начал стрелять. Выстрелы большого калибра пронзили воздух позади Танитского снайпера. Мертвая растительность взлетела вверх и распалась подобно туману. Ларкин слышал, как пули врезаются в грязь позади него. Он решил побежать обратно на склон, а это было глупо.

Эзра появился позади ствола дерева и дернул Ларкина на землю. Лежа, они поползли сквозь покрытые плесенью листья и мертвые ветки. Эзра приложил палец к губам, чтобы Ларкин не сомневался. Зверь забирался на склон позади них, сваливая еще больше гниющих деревьев. Они быстро ползли между деревьев, направляясь на вершину холма.

Они добрались до верха примерно за десять секунд до покачивающегося, виляющего зверя. Под прикрытием холма, они вскочили и побежали вниз к ржавеющим останкам военного грузовика.

Они оба почувствовали дрожь мокрой земли, когда зверь с ревом заехал на верхушку холма за ними. Он набрал скорость, злой, голодный. Как только его массивный корпус перебрался через вершину, его гусеницы зарылись в землю и он покатился вниз по грязи за ними. Ларкин с Эзрой только миновали гниющий грузовик, когда зверь выстрелил из главного орудия в них.

Жидкая грязь фонтаном полетела в воздух, как теплый весенний дождь. Ларкин почувствовал, как летит по воздуху от ударной волны. Он тяжело приземлился, с ошеломительной силой, и в туманные мгновения, которые последовали за этим, обнаружил ужасную боль в своей левой ноге.

Он попытался встать. Он чувствовал, как дождь бьет его по лицу, а грязь хлупает под ним.

Фыркание приближающегося зверя стояло у него в ушах.

«Эзра?» позвал он, задыхаясь от дыма. Взрыв отбросил Эзру на четыре-пять метров в деревья. Ларкин мог видеть лунатика, растянувшегося без сознания в мертвом папоротнике. Ларкин пытался встать и побежать к нему. Он хотел оттащить Эзру в лучшее укрытие.

Он не мог. Боль пронзала его левую ногу. Ларкин старался изо всех сил определить источник боли.

Взрыв, который сбил его с ног и отбросил Эзру через поляну, так же подбросил останки гниющего грузовика. Покрытая ржавчиной металлическая масса прокатилась вперед и подмяла под себя левую ногу Ларкина.

Он пытался высвободиться, но вес остова был слишком велик. Все, чего он смог добиться от своих попыток, была обжигающая боль в поврежденной ноге. Он начал лихорадочно копать.

Зверь громыхал вниз к нему, по прямой линии, которая приведет останки грузовика, и самого Ларкина, под его сокрушающие гусеницы.

Мколл мог слышать рычащий двигатель зверя сквозь дождь, доносящийся с дальней стороны холма. Он с Деринем шли к западу, когда срочный вызов Ларкина дошел до них. Мколл понимал, что у них нет ничего, чтобы уничтожить танк, кроме последней ракеты, которую несла Крийд, если она уцелела.

«Осмотри!» крикнул он Дерину, пока они пробирались сквозь хрупкий подлесок. Один из танковых снарядов пролетел чисто сквозь мертвые деревья, оставляя огонь и гниющие древесные волокна на своем пути. Мколл обнаружил воронку от снаряда

в черной почве. Он увидел кусок рукава Танитской формы, висящего на ветке. Ботинок.

«Фес!» выругался он. Танк попал в нее так точно, что—

«Шеф!» позвал Дерин.

Мколл побежал к нему. Дерин тащил назад кусок черной земли.

Он нашел Крийд.

Она была жива. Ее боевая форма была изорвана, и местами выгорела, и у нее было несколько глубоких ран от древесных щепок. Сила взрыва, которая отбросила ее и оставила без сознания в подлеске, сорвала один из ее ботинок и погнула ее лазерную винтовку.

Мколл проверил ее горло на наличие пульса. «Перевяжи ее раны,» сказал он Дерину. «Останься с ней, и подготовь ее для перемещения, как только она придет в себя.»

«Ты что делаешь?» спросил Дерин.

Мколл тщательно осматривал подлесок в поисках упавшей ракетной трубы и оставшейся ракеты. Он быстро нашел ракету, торчащую наполовину из порванного ранца. Затем он нашел ракетную трубу. Она была погнутой и бесполезной. С вершины холма прокатился грохот танкового орудия.

Ларкин заорал, когда снова потянул себя за ногу. Боль от раздробленной ступни была безмерной, но она была заглушена его отчаянным желанием освободиться. Было немного способов, которыми Ларкин хотел умереть, но быть раздавленным гусеницами хищного боевого танка в них не входило.

Его зажатая нога не двигалась. Он снова завыл.

На полном бегу, Гаунт и Посетин врезались в остов рядом с ним и сразу же начали толкать его плечами. Зверь был почти рядом с ними, рев его двигателя сотрясал воздух.

Гаунт захрипел от усилий. Остов грузовика весил несколько тонн. Они даже не начали сдвигать его, чтобы освободить Ларкина.

Старый снайпер безумствовал. «Не позвольте танку раздавить меня!» заикаясь, говорил он. «Не позвольте! Пожалуйста, сэр! Прикончите меня быстро! Я умоляю вас, прикончите меня быстро! За все время, что мы служили вместе, я прошу у вас это!»

Покрытое грязью лицо Посетина было бледным от страха. Он бросил взгляд на приближающегося зверя. «Сэр!»

«Пожалуйста! Пожалуйста!» вопил Ларкин.

«Ох, фес,» проворчал Гаунт. Он выхватил свой силовой меч, активировал его, и рубанул вниз.

Ларкин заорал. Гаунт с Посетином схватили его за подмышки и потащили к деревьям. Меньше, чем через секунду, зверь проехал мимо, сравнив остов грузовика с землей, как мокрые доски.

Гаунт с Посетином упали в мокрый подлесок. Ларкин потерял сознание. Гаунт осмотрелся, его силовой меч все еще горел. Он сорвал остатки ботинка и носка с ампутированной ступни Ларкина и быстро прижал плоское лезвие к культе, чтобы прижечь ее. Ларкин с криком очнулся, а затем снова потерял сознание.

«Ох, дерьмо,» сказал Посетин.

Зверь проскочил мимо них, но сейчас он разворачивался, уничтожая сорняки и вязкую ежевику.

«Уноси его!» сказал Гаунт. Посетин кивнул и поднял Ларкина на плечо. «Иди туда! В лес!» приказал Гаунт. Посетин начал бежать, унося безвольное тело Ларкина в темноту густого леса.

Гаунт побежал туда, где лежал Эзра. Нихтгейнец очнулся, когда Гаунт поднял его.

«Вставай!» прошипел Гаунт. Они прошли несколько метров, и упали в укрытие позади пары покрытых грибами деревьев.

Зверь повернулся. Он стоял на месте, его двигатель ритмично работал. С электрическим воем, главное орудие слегка поднялось, а затем башня медленно повернулась влево с сухим скрежетом. Она остановилась, и медленно повернулась в обратную сторону. Дождевая вода струилась по поднятому орудию.

Скрючившись в укрытии, Эзра осмотрелся в поисках своего рейнбоу, он потерял его, когда взрыв его отбросил. Рейнбоу лежал в грязи, в центре наполненной дождем ямы на поляне. Недалеко от него, рядом с расплюснутым шасси грузовика, лежал лонг-лаз Ларкина, погнутый почти пополам весом гусениц.

В любом случае ни одно оружие не могло помочь им. Единственный шанс, который у них был, был связан с силовым мечом. Гаунт осознал, что ему нужно уничтожить двигатель зверя так, как он пытался сделать это на поле возле Кайфера.

Гаунт показал Эзре, чтобы он оставался на месте, а затем начал ползти вдоль линии деревьев. Он был частично скрыт остовом грузовика. Зверь продолжал оставаться на месте, урча и вздыхая.

Гаунт прополз примерно пять метров. Намечался долгий и тяжелый путь, чтобы добраться до задней части твари. Его левый ботинок наткнулся на что-то, камень или кусок дерева, и произвел легкий звук.

Тотчас башня зверя повернулась в его направлении и выстрелила.

Гаунт распластался. Он почувствовал горячий воздух и ударную волну от снаряда, когда он пролетел над ним, услышал, как он пролетает сквозь лесной полог. Снаряд врезался в обнаженные корни дерева дальше по склону и взорвался. Осколки посыпались плотным дождем.

Орудие зверя водило туда-сюда, нетерпеливо, осторожно. Его двигатель взревел, и он рванул вперед на метр-два до того, как снова внезапно остановиться, покачиваясь на рессорах. Дождь с шипением испарялся с крышки над двигателем. Серый дым поднимался от дула. Он снова рванул вперед, слегка повернувшись налево, а затем снова остановился, громяхая двигателем.

Небольшой звук раздался справа от него, и зверь повернул башню, поворачивая корпус в противоположном направлении. Главное орудие медленно повернулось в сторону деревьев, откуда раздался раздражающий звук.

Гаунт поднял голову. Эзра был там, где Гаунт оставил его, хорошо спрятанным. Он вытащил несколько железных стрел из колчана, и кидал их, одну за другой, в деревья

позади зверя. Зверь почти повернулся в сторону звука. Эзра пытался заставить развернуть его полностью.

Эзра кинул еще одну стрелу. Она ударилась по стволу дерева. С выбросом выхлопов, зверь еще повернулся, и поводил своей пушкой. Он выстрелил. Капли воды полетели с его брони, когда пушка выстрелила. Большой огненный шар расцвел в деревьях на дальней стороне поляны. Гаунт уже двигался. Он понимал, что не сможет добраться до задней части зверя за один заход, но он был уверен, что он сможет добежать до остова грузовика, который теперь был рядом со зверем.

Он плюхнулся в укрытие, когда эхо от выстрела стихло. Эзра послал еще одну стрелу, но в этот раз зверь не отреагировал на приманку. Медленно, он начал поворачивать башню налево, подняв орудие, как будто прислушивался к чему-то позади него. Гаунт не мог придать машине человеческое поведение. Она действовала, как дикий зверь, с самого начала их конфликта. Ослепленная, она охотилась на них по звуку, по запаху.

Она знала их запах. Он был близко к ней, и она знала его запах, или она могла слышать его дыхание, или просто чувствовала его присутствие. Эзра попытался кинуть еще одну стрелу, но машина ей совсем не заинтересовалась. Гаунт задумался, было ли у него время просто побежать, или машина просто играла с ним, ожидая, когда он сделает ход.

Он решил попробовать. Он сжал рукоять своего силового меча.

Двигатель зверя взревел, и он дал задний ход на скорости, на которой проехал по уничтоженному остову грузовика второй раз.

VII

Гаунт бросился в сторону, когда зверь проехал по его укрытию. Уже смятый, остов грузовика скрутился и развалился под весом танка, визжа металлом, пока деформировался. Гаунт перекатился, молясь, чтобы у него было время для маневра позади вражеской машины до того, как он снова поедет на него.

Зверь все еще ехал. Поскальзываясь на грязи, Гаунт попытался подняться и броситься к нему. Он зажег свой силовой меч и рванул вперед. Танк заревел и развернулся. Гаунту пришлось снова отскочить, чтобы избежать гусениц танка.

Послышался стук. Гаунт поднял взгляд. Мколл распластался на танке, прямо на башне. Гаунт не понял, прыгнул ли разведчик с дерева, или заскочил на танк сзади, пока он был занят им. Мколл крепко зацепился, держась левой рукой за поручень. Последняя противотанковая ракета была в его правой руке. Он постучал ракетой два или три раза по люку башни, как будто стучал в дверь.

Зверь резко остановился, еще раз закачавшись на рессорах. Мколл боролся, чтобы удержаться, и снова постучал. Пушка водила туда-сюда, с увеличивающейся энергией, как человек, пытающийся увидеть то, что прицепилось к нему сзади. Главное оружие поднялось. Дуло встроенного пулемета слепо дергалось, как крот, выбирающийся из земли.

Мколл снова постучал ракетой. Верхние люки зверя были бронированными и закрытыми. Не было возможности попасть внутрь, но, так же, не было никакого способа сбросить его сверху, если никто из экипажа не выйдет наружу. Он снова постучал, раздражая зверя.

Гаунт поднялся, ходя вокруг, ожидая шанса прыгнуть ближе. Зверь рванул вперед, резко остановился, а затем снова рванул вперед, затормозив так внезапно во второй раз, что почти сбросил Мколла с корпуса.

Он удержался.

Танк, внезапно рванул назад, разбрасывая грязь, бросив Мколла в другую сторону. Он не ослаблял хватку и снова постучал.

Как будто сведенный с ума, зверь затормозил, а затем рванул вперед, набирая скорость. Гаунт отбежал с его пути. Внезапное ускорение бросило Мколла на грудь, но он обхватил поручень, согнув локоть.

Он держался, когда танк съехал с поляны и рванул в деревья, уничтожая все на своем пути.

Глубоко в темном лесу, зверь заскользил левым бортом и врезался в большое старое дерево, как гончая, трущаяся боком о столб. Дерево, мягкое и гнилое, сломалось, и упало на танк. Мколл увидел, что оно падает на него, и отпустил поручень. Он скатился с башни и проземлился над двигателем, когда мертвое дерево разбилось о башню, как хрупкие медовые соты.

Зверь снова рванул вперед, передней часть в яму, из-за чего его задняя часть подпрыгнула и отправила Мколла в воздух. Он схватился за бронепластину, когда приземлился, и едва избежал падения с корпуса.

Вражеский танк взвыл, стараясь выбраться из ямы в брызгах грязи.

Он рванул налево, чтобы найти выход, и затрясся по подлеску перед собой, снеся еще одно мертвое дерево. Мколл снова забрался на качающуюся башню, и снова постучал ракетой по люку.

Зверь резко остановился, не будучи в силах стряхнуть своего мучителя. Из-за деревьев появился Гаунт, мчась позади зверя, с Эзрой по пятам. Гаунт не остановился, а просто запрыгнул на задние бронепластины большой машины, оттуда забрался на отсек двигателя, и заскочил с него на башню.

Без промедления, Гаунт рубанул силовым мечом и срезал замки и петли верхнего люка. Искры, клубы дыма, и вонь горящего металла сопровождали удар. Рядом с ним, Мколл отбросил люк пяткой правой ноги, сорвал ленту детонатора с ракеты, и кинул ее в открытый люк.

Никто из них не увидел, что было внутри зверя. Они засекли мертвенно-бледное, адское свечение, и запах, напоминающий скотобойню.

Они прыгнули со зверя, плечом к плечу, раскинув руки, когда огненный шар поглотил танк изнутри и вырвался из люка, догоняя их.

VIII

Они направлялись обратно в Антилл на северо-восток, минуя характерную, предупреждающую линию из черепов партизан на кольях. Крийд восстановилась достаточно, чтобы хромать, хотя она была помята и оглушена. Посетин и Дерин помогали Ларкину, который то терял, то возвращался в сознание от шока.

«Прости меня,» сказал ему Гаунт. «Это был единственный способ.»

Ларкин прошептал что-то, но он был слишком вялым от укулов, которые сделал ему Посетин, чтобы говорить отчетливо.

Дождь прекратился, и они ускорились. Небо потемнело, как мокрая ткань.

Позади них тонкие лоскуты черного дыма отмечали могилу зверя в густом лесу.

Примерно через два часа после схватки с танком, они встретились с разведчиками партизан на поляне возле болота. Ночь начала добавляться к тьме бури.

Тихо, Нихтгейнцы вели их в болота, по тропинкам между мощными корнями и грязной водой, во тьму, которая была тьмой независимо от времени суток или погоды.

Здесь, в настоящем Антилле, Гаунт, в конце концов, увидел какие-то остатки от Гереона, каким он знал его когда-то. Антилл, наиболее негостеприимная и предательская часть мира, был единственным местом, который подавал признаки жизни. Здесь были насекомые, маленькие животные, кое-какая рыба и рептилии. Деревья, крупнолистовые и выющиеся растения, были живыми. Порхали мотыльки. Все это не выглядело таким же зеленым и плодотворным, как он помнил – все это было более серым и бледным, и жизнь была менее обильной – но Губительные Силы еще не достаточно проникли сюда, чтобы уничтожить.

Они пробирались в зеленую тьму, облака мотыльков вились за ними, как конфетти на каком-то большом празднике. Птицы кричали в пологе, а амфибии плескались в болоте.

Мколл один раз остановился, прислушиваясь.

«Что?» спросил его Гаунт.

Мколл пристально смотрел в сумерки Антилла рядом с ними. «Я мог бы поклясться,» начал он. «Что-то знакомое, как...» он покачал головой. «Нет, там ничего нет.» Через некоторое время они пришли в лагерь партизан, который Ландерсон выбрал в качестве оперативной базы. Это была большая территория, частично деревня Нихтгейнцев, частично лагерь из сборных домов, населенная солдатами подполья и партизанами. В общей сложности, около шестидесяти человек жили в палатках и лачугах, построенных вокруг маленького острова в центре болота, расширяя свои границы платформами и дорожками. Деление между Нихтгейнцами и Гереонитами, уже исчезающее, когда Гаунт был на планете, исчезло. Это было просто сопротивление.

Ландерсон привел остальную часть отряда Гаунта в лагерь. Фарагут, как оказалось, уже начал разговоры насчет обмена тактическими данными. Кёрк присутствовала, помогая сгладить разговор между комиссаром и осторожным подпольем.

Ландерсон встретил группу Гаунта.

«Мы почти потеряли вас,» сказал Ландерсон.

«Я думал, что ты уже разучился думать так,» ответил Гаунт. Он помог Крийд зайти на платформу, а затем пошел к двум людям, помогающим Ларкину.

«Это была нелегко,» сказал Гаунт. «Было бы хорошо, если бы у Ларкина был медик. У вас есть медик?»

«Конечно же у них есть медик,» произнес голос с верхней платформы. Ана Керт пробиралась сверху к Ларкину.

«Ана?» заморгал Гаунт.

«Что сделало это?» спросила Керт, осматривая Ларкина. Она была одета в рванье, как и все люди Ландерсона, и она была настолько худой, что он едва узнал ее.

«Мой силовой меч,» сказал Гаунт, уставившись на нее.

«Что?»

«Его ногу зажало.»

Керт бросила на него взгляд. Что бы в ней не изменилось, изменилось, исчезло или уменьшилось, пронзительный взгляд не изменился.

«Трон, Ана--» начал он, делая шаг вперед.

«Позже поговорим,» резко бросила она. «Мне нужно подлатать его. И Крийд, насколько я вижу. Поговорим позже, когда я закончу.»

Она сделала жест, и Посетин и Деринном подняли Ларкина и понесли его за ней в лагерь.

«Ана Керт...» прошептал Гаунт. «Я всегда надеялся, что она выживет, и всегда боялся, что нет.»

«Он всегда была твердой,» сказал Мколл. «Все-таки Призрак.»

И выглядящая больше похожей на Призрака, чем когда-либо, подумал Гаунт. Он пошел за Ландерсоном в лагерь.

«Этот Фарагут энергичный,» отметил Ландерсон.

«Дай ему поблажку,» сказал Гаунт. «Он еще толком ничего не понимает. Где Белтайн?» Ландерсон огляделся. «Я сказал ему, что ему нужно вас встретить. Я не знаю, куда он делся.»

«Он в шалаше наверху, сэр,» сказал Гаронд.

Гаунт поспешил к лачуге, на которую указал Гаронд. Это было мастерская для оружия и комната для связи. В свете маленькой лампы, Гаунт увидел неисправные винтовки и два или три потрепанных передатчика вокса. Белтайн изучал свой, измененный передатчик вокса, лежащий на столе.

«Бел?»

«Простите, сэр. Я собирался встретить вас, когда кое-что заметил.»

«Кое-что?» спросил Гаунт, присоединяясь к нему.

«Да, сэр. Что-то неправильное. Я пытался связаться с Кантиблом или Командованием по воксу, но условия были плохими, как и всегда. Я предполагал, что это бури мешают передачам.» Он возился с задней пластиной вокса, используя грязную отвертку, чтобы снять крышку.

«Что ты делаешь, Бел?» спросил Гаунт, присматриваясь.

«Ну, когда я в последний раз попробовал воспользоваться передатчиком, я заметил, что была небольшая утечка энергии, как будто я включил усилитель, которого у меня нет.»

«И?»

«И здесь есть небольшой огонек, в основании, которого тут раньше не было. Тут какая-то деталь, спрятанная в моем передатчике, о которой я не знал, и она была включена около часа назад.»

«Погоди-ка,» сказал Гаунт. «Ты говоришь о саботаже?»

«Я так не думаю,» ответил Белтайн. «Надеюсь, что нет,» с ухмылкой добавил он, «или ковыряться отверткой будет плохой идеей.»

Пластина отошла, и Белтайн вытащил немного акустической прокладки. Оба уставились внутрь. Устройство было размером с трубчатый заряд, с огоньками на его конце.

«Трон!» воскликнул Гаунт. Он вырвал устройство из передатчика Белтайна и вынес его наружу.

«Это что такое?» крикнул он. Бойцы подполья и члены отряда одновременно посмотрели в сторону громкого голоса.

«Что это за чертовщина?» снова крикнул он.

«Гаунт?» сказал Ландерсон, подходя.

«Что с вами?» спросил Фарагут, когда забежал на платформу.

«Вот что со мной,» сказал Гаунт, протягивая устройство.

«Это локатор,» сказал Мколл. «Это чертов локатор. Мощный маячок. Фес, он включен. Как долго он был включен?»

«С тех пор, как я включил его,» сказал Фарагут.

«Что за фес ты сделал?» прорычал Гаунт на молодого комиссара.

Последовал внезапный, мерцающий голубой свет вокруг них, и он расширился, накрыв всю поляну.

Многие их сопротивления, особенно Нихтгейнцы, закричали в тревоге. Длинные тени упали на лагерь и воды болота, появившиеся из-за внезапного источника света.

Вспышка от луча телепорта исчезла. Гаунт уставился на отряды вооруженных людей, окружающих лагерь. На них была черная с золотым броня, и символ инквизиции.

«Свою работу,» ответил Фарагут.

ПВН

I

Примерно через час после того, как Кафф говорил с ним во второй раз, Империиум выплеснул еще одну ярости на Гереон.

Это произошло очень далеко от Далина, но он видел вспышки. Далекие отблески белого света осветили небо, и он почувствовал, как горячий ветер ударил по его лицу несколькими мгновениями позже. Вдоль восточного горизонта вырос, поляна из гигантских темных деревьев, состоящих из дыма.

У них были высокие стволы и венцы из черного пара. Они, несомненно, были огромными, потому что были в сотнях километров, и они стояли на месте часами, не размазанные ветром.

Еще два гигантских гриба поднялись далеко на северо-западе.

Затерянный в сердце К'эздрака, он с трудом пробирался по засыпанным пеплом улицам в одиночку. Городской пейзаж тлел, а к северо-востоку от него, несколько огромных шилей полыхали, охваченные экстраординарно яростными пожарами, которые, казалось, горят с неестественной энергией. Безмолвные, стоящие на страже грибные облака, формировали фон для этих интенсивных пожаров.

Поблизости, город был сух, тих и пуст, так измазанный пеплом, что выглядел, как город после снегопада. Остовы зданий возвышались над ним, как старый, высохший коралл.

Далин убил Сынов Сека. Сама эта мысль удовлетворяла его. Он убил трех из них, в одиночку. Он понятия не имел, что случилось с остальными из них.

Он пристрелил двоих, когда они появились из здания. Они бежали, не ожидая, что их добыча повернется и станет сражаться. Он выстрелил по три раза в каждого, бросив их на землю. Хваленые солдаты, ужасные Сыны, так легко погибли! Далин

почувствовал воодушевление. Он чувствовал себя так, как будто сдал какой-то продвинутый тест. Не только потому, что он почувствовал вкус битвы и убийства врага, а потому, что он убил *самых лучших* врагов.

Это было как раз тогда, когда Кафф заговорил с ним снова. «*Будь осторожен,*» все, что он сказал.

В то же самое мгновение, у Далина в голове появилась картина других Сынов Сека внутри развалин. Он видел, как они слышали выстрелы снаружи и остановились. Он представил, как они выскользнут из здания теперь, когда они были предупреждены, и нападут на него.

Он отошел назад в укрытие старого железного портика, и пригнулся, водя своим оружием. Легкий ветерок гонял пепел сквозь обломки.

Кусок штукатурки упал от ветра. Далин вспомнил про свое дыхание.

Ловкий и хорошо обученный, третий Сын Сека появился из оконного проема здания в двадцати метрах от дверного проема, и скользнул в тени и обломки.

Далин наблюдал за ним минуту-две, с восхищением смотря на шумовую дисциплину человека и его использование укрытий. Сын двигался вокруг, чтобы обойти любого стрелка, прикрывающего дверной проем.

Далин смотрел и ждал. Он ждал, пока Сын Сека не подобрался ближе и не подошел на очень хорошее расстояние для выстрела. Затем он убил его, попав в лоб.

Вражеский воин захрипел и упал лицом на камни. Далин еще подождал, но больше ничего не двигалось.

Он ретировался. Какое-то время он передвигался тихо, но после появления вспышек света, анонсировавших появление грибных облаков в небе, он расслабился. Вокруг не было признаков кого-либо. Он дал Меррту, Форбоксу и Жидкому достаточно времени, чтобы уйти от погони. Они давно ушли. Он несколько раз звал, выкрикивая их имена среди разрушенных зданий.

Его голос отдавался эхом, но эха были единственным ответом, которые он получал.

II

Он размышлял, почему он слышал голос Каффа.

Очевидно, это был не совсем голос Каффа. Далин очень хорошо понимал это, и хотя он был таким же суеверным, как и любой Гвардеец, он не верил в фантомные голоса или ясновидения. Это все было у него в голове, и он был удовлетворен этим фактом. Он прошел через чувствительные атаки за последние дни, и он был истощен, и напряжен до предела. Его боевые инстинкты были взвинчены. В крайние моменты, его собственный разум посылал ему подсознательные предупреждения, и он слышал их так, как будто они были сказаны Каффом.

В этом не было ничего страшного – люди становились гораздо более безумными на поле боя – и в этом не было никакой мистики.

Что на самом деле озадачивало Далина, так это не то, что он слышал голос, а то, что это был голос Каффрана.

Он присел отдохнуть ненадолго, и еще подумал об этом. Свет над городом стал странного, стеклянного цвета, а ветер гнал облака по небу, так что эти быстро движущиеся узоры из света и тени пятнали пейзаж.

Почему его воображение выбрало голос Каффрана? Почему не его ма, или его настоящего отца?

Технически, они оба были более важны для него. Далин хотел, чтобы у него оставалась вода. Его глотка пересохла, и у него болела голова. Он попытался проглотить маленький кусочек от одного из своих оставшихся сухих пайков, но это не помогло.

Он решил, что его отношения с Каффом были особенными. Конечно, он связался с Тоней узами, как у настоящей матери с сыном, так близко, как позволила суровая Гвардейская жизнь.

Он и его сестра попали под ее опеку на Вергхасте годы назад. Судьба свела их вместе. Он всегда предполагал, что у нее никогда не было большого выбора в этом

вопросе. Они были маленькими детьми, Йонси – младенцем, в центре войны в улье, и она взяла заботу о них на себя. Без нее, или кого-нибудь, как она, они бы погибли.

Она не была взрослой, возможно не старше, чем он был сейчас. Она просто сражалась.

Сидя там, в руинах, под бегущими облаками, он осознал, возможно, впервые в жизни, каким самоотверженным было ее решение. Судьба привела их под ее опеку, и она не колебалась. Она не колебалась в каменных обломках Улья Вервун, и она не колебалась позже. Возможно, это была не судьба. Трон, он осознал это сейчас. Возможно, это была странная воля Бога-Императора.

Смотря на бегущие облака, он почувствовал сильное, непрошенное ощущение божественного, сильнее, чем он когда-либо ощущал на храмовых службах, или дневных благословениях, или даже во время проповедей старого Цвейла. Несколько минут в этом одиноком заброшенном месте у него было странное сильное ощущение, что Бог-Император смотрит на него.

Он задумался, возмущалась ли когда-нибудь Тона ответственностью, которую возложили на нее в Улья Вервун.

Безусловно, она стала приемным родителем для него и его сестры, потому что не было другого выбора.

Необходимость построила их отношения. Она присматривала за ними так жаростно, как волчица защищает своих детей.

Его отец, его настоящий отец, был другим. Гол Колеа верил, что его дети погибли давным-давно, пока случай не открыл странный поворот фортуны, который держал их близко к нему. Колеа никогда не пытался восстановить отношения с Далином или Йонси. Тона объясняла несколько раз, что Колеа решил, что будет лучше, ради детей, не рушить их жизни еще больше, вернувшись к ним. Далин не терпел это оправдание. Чувствовалось так, как будто Колеа избавляется от них. Он не понимал этого, и он никогда не говорил с Колеа об этом напрямую, потому что это заставляло его злиться. Это было не так, как будто у тебя слишком много родителей, особенно в такой странной социальной структуре, как полк. Множество Призраков были годами суррогатными отцами и дядями, матерями и тетями – Варл, Домор, Ларкин, Алекса,

Бонин, Керт. Его настоящий кровный отец выбрал роль не сделать еще хуже, чем уже было.

Но Кафф... Кафф выбрал, там, где у Тоны не было выбора, а Колеа отступил.

Каффран выбрал быть отцом для Далина. Каффран мог бы отступить в любое время, как это сделал Колеа, и, в отличие от Колеа, никто бы не подумал он нем плохо за это. Восемь, или около того, лет, Каффран растил его.

Он решил, что именно поэтому он слышал голос Каффа. Он был единственным, кто сделал выбор заботиться, без принуждения.

Каффран сказал, «Не будь дураком, Дал. Ничего особенного. Я хотел быть с Тоной. Это нормально. В Гвардии, ты просто берешь и делаешь. Как говорит Варл, ты играешь, как приходится, я прав? Если мы не будем присматривать друг за другом, тогда в чем смысл?»

«Кто это 'мы'?» спросил Далин.

«Люди,» сказал Каффран. Его униформа плотно сидела и смешно выглядела, как будто у него был инцидент, связанный с крахмалом. Он выглядел стесненным, как будто приоделся для модного показа. Он сел рядом с Далином в пыль и оперся спиной о стену.

«Облака быстрые,» сказал он.

«Точно,» согласился Далин. «Смотри, как они окрашивают город. Как солнечный свет на бегущей воде.»

Каффран кивнул.

«Я хочу пить,» сказал Далин.

Каффран потянулся и отцепил свою флягу. Он кинул ее Далину.

Фляга чувствовалась легкой. Далин открыл ее. Что-то тянуло его за правую ногу.

«Прекрати это,» сказал Далин.

«Что?» спросил Каффран.

«Прекрати делать это с моей ногой.»

Каффран не ответил. Фляга была пуста.

III

Фляга была пуста. Это была его собственная фляга. Он отпустил ее, и она упала ему на грудь.

Свет померк. Небо было черным, похожим на нефть. Закрытое небом, едва видимое солнце светилось, как грязная лампа. Его губы были сухими и потрескались, а его глотка была сухой, как тряпка.

Он задумался, как долго он был мертв, а затем осознал, что он только уснул. Он почти не спал с самой высадки, по крайней мере, хорошо. Просто остановившись на мгновение на отдых, и это накрыло и покорило его, как вторжение десантного корабля. Он не мог сопротивляться.

Он вытер свой сухой рот, но тыльная сторона руки была такой же шершавой, как наждачная бумага.

Его губы кровоточили. Он втянул горячую кровь. Он огляделся в темноте в поисках Каффрана, но здесь не было Каффрана, и здесь никогда не было никакого Каффрана. Галлюцинации от усталости перетекли в сон.

Он был один. Даже присутствие Бога-Императора исчезло. Что-то тянуло его за ногу.

Это не были галлюцинации.

Собаки были большими тварями. Тощие темные фигуры в окружающей ночи, они сомкнули свои челюсти на его правом ботинке и тянули. Они были падальщиками руин.

«Отвали. Отстань,» сказал он.

Они неодобрительно посмотрели на него и завывали.

«Отвали!» резко бросил он, потянувшись за винтовкой.

«Это ищешь?» спросила третья собака. Она сидела рядом с ним, винтовка лежала у нее под лапами.

«Отдай мне мое оружие,» сказал он.

Собаки засмеялись. Они перевернули его и начали обыскивать карманы.

Он чувствовал руки на себе. Он лежал лицом в пепле.

«Ничего. Всего лишь немного еды,» сказал голос.

«Его фляга пуста,» ответил кто-то.

Далин захрипел и перевернулся.

«Дерьмо! Он жив!»

Далин открыл глаза. Три, покрытых грязью, Крассианца согнулись над ним. Они раздевали его. Ночь наступила, когда он был без сознания. Черное небо было снабжено ободом из оранжевых пожаров вдоль горизонта.

«Что вы делаете?» пробормотал Далин, но слова вылетели, как еще один хрип.

«Он жив, черт возьми!» сказал один из Крассианцев, и толкнул Далина.

«Тогда убей его, ради Трона,» сказал другой.

Далин увидел, как первый Крассианец потянулся за длинным штыком и взял его.

«Имперская Гвардия!» в тревоге закричал Далин.

«Ага, ага,» сказал Крассианец. «Добро пожаловать на чертову войну.» Штык полетел вниз к нему, и Далин откатился. Лезвие почти прошло мимо него. Он почувствовал скольжение, обжигающую боль, когда лезвие вошло в мясо его правого бедра.

«Ублюдок!» крикнул он.

«Держите это мелкое дерьмо!» воскликнул Крассианец с ножом.

Далин пинком выбил ноги человека из-под него, и Крассианец, ругаясь, упал. Правый ботинок Далина, наполовину снятый, отлетел в сторону от этого. Остальные двое Крассианцев прыгнули на него.

«Что вы делаете? Что вы со мной делаете?» вопил Далин. Они стали бить его. Он чувствовал, как их кулаки колотят по его ребрам. Он перекатился так, как Кафф

научил его, когда они практиковались в рукопашном бое на жилых палубах. Он отбил от одного, и всадил кулак в лицо второго. Крассианец отпрянул назад, кровь и слезь струились из его разбитого носа. Он громко выругался.

Далин вскочил. Крассианец с ножом шел к нему. Далин нырнул в одну сторону, поймал запястье человека, и сломал его. Схватившись за штык, он провел его по горлу человека одним взмахом. Артериальная кровь захлестала и покрыла одного из остальных в таком количестве, что человек начал выть и блевать от отвращения.

Далин уронил дрожащий труп и вонзил штык между лопаток задыхающегося блевуна. Пронзенный, человек упал на лицо.

«Ах ты маленький ублюдок,» прогундосил человек со сломанным носом. Он снова был на ногах, и целился из своего лазгана в Далина с трясущимися руками.

Лазерный заряд попал ему прямо в спину с такой силой, что бросил его тело на Далина.

Их головы с треском стукнулись, и они оба упали.

Ошеломленный, не способный двигаться, Далин смотрел, как огневая команда Сынов Сека приближается из сумрака, чтобы осмотреть тела.

Одетые в охряное фигуры двигались медленно, останавливаясь и по очереди проверяя тела.

Один из них взялся за плечо Далина и перевернул его. Далин мог чувствовать таинственные парфюмы и масла, которыми Сын смазал свое тело.

«А'вас шет вой шенж,» сказал Сын.

IV

«Пожалуйста, вставай.»

Далин притворялся мертвым.

«Вставай, Святой. Вставай, вставай, вставай...»

Это был Форбокс.

Далин открыл глаза.

Все еще было темно, и единственный свет шел от горящих башен на отдалении.

«Вот и славно! Идем, Святой!»

«Форбокс?»

«Мы искали тебя.»

«Форбокс?»

«Да, просыпайся.»

Далин сел. В его левом бедре была жалящая боль, и он чувствовал влажное тепло сбоку форменных штанов и сбоку тела.

«Он в порядке?» поблизости спросил Меррт.

«Он в порядке. Так ведь, Святой?» сказал Форбокс.

«А Сыны Сека...»

«Поблизости нет Сынов Сека,» сказал Форбокс. Он помог Далину встать. Далин почувствовал еще больше ушибов, которые казались свежими.

«Но...?» сказал он.

«Нам гн... гн... гн... надо идти,» сказал Меррт.

«Где мой ботинок?» спросил Далин. Он посмотрел вниз. Его правого ботинка не было.

«Лови,» сказал Меррт, кидая его ему.

Далин сел, морщась от боли в левом бедре, и начал зашнуровывать ботинок.

«Быстрее,» сказал Меррт.

Далин прекратил шнуровку. Он медленно осмотрелся и увидел трех мертвых Крассианцев, лежащих в белой пыли вокруг него.

«Какого феса--?» начал он, указывая.

«Дезертиры. Они пытались обогреть твоё тело,» сказал Меррт. «Ты прикончил двоих из них к тому времени, как мы подошли.»

«Сколько... сколько время?»

Форбокс покачал своим хронометром. «Кто знает?»

«Он свистит нам,» сказал Жидкий, появляясь в поле зрения. Далин мог слышать свистки в отдалении.

«Кто?» спросил он.

«Собайл,» сказал Меррт. «Мы нашли Собайла. А теперь натягивай ботинок.» Собайл ждал с ТП 137 на соседней улице. В общей сложности осталось, примерно, десять человек, все раненые или незначительно поцарапанные. Они выглядели, как оборванцы, как прокаженные в какой-нибудь коммерции подулья. Кекси, более жилистый и грубый, чем обычно, свистел в свой проклятый свисток.

Собайл стоял один, в стороне от толпы вымотанных людей. Его одежда была грязной, и на его покрытом сажей лице были пятна от слез там, от того, что пыль заставила его глаза слезиться. Он выглядел, как трагический клоун в загадочной Имперской пьесе. Его лицо было крайне невыразительным. Он ссутулился. Он выглядел уставшим, или изнывающим от скуки. У большинства людей были отметины от кнута на головах и плечах. Кнут Собайла был испачкан кровью.

Собайл уставился на Далина, когда он присоединился к отряду с Мерртом, Жидким и Форбоксом. Не было никакого намека на узнавание. Не было даже искры, которая показала бы, что Собайл рад увидеть еще одного выжившего из своих подопечных.

«В строй, debil,» сказал он. Это было сказано так, как будто Далин отсутствовал вне поля зрения комиссара несколько минут. Целый мир рушился вокруг них, а Собайл вел себя так, как будто они были на рутинных маневрах. Он вел себя так, как будто в его голове были вещи поважнее.

Он пристально посмотрел на Далина, но Далин не приложил ни единого усилия, чтобы поспешить. Собайл отпустил свой кнут в пыль на земле. Далин посмотрел на Собайла, когда встал в строй.

Он уставился в ответ, вызывающе. Он знал, что если Собайл использует свой кнут на нем сейчас, он выстрелит в Собайла.

Он был в этом уверен, и полностью смирился с этим.

Собайл смотал свой кнут и отвернулся. Возможно, он увидел этот взгляд в глазах Далина.

Возможно, это был тот особенный взгляд, которого он всегда ждал. *Когда солдат смотрит в ответ так решительно, что ты понимаешь, что он пристрелит тебя, если ты ударишь его, тогда солдат готов, и больше не нуждается в трепке.*

Может быть, такое правило было где-то в гнусной фесовой книге, по которой работал Комиссариат. Увидеть взгляд побитой собаки, а затем воздержаться от наказания.

«Проверить боезапас,» сказал Кекси, проходя вдоль строя. «У кого-нибудь закончился?» Один человек поднял руку.

«Остальные, дайте ему несколько магазинов. Кто-нибудь хочет пить?»

Далин поднял руку.

«Поделитесь с ним флягой.»

Кирпичник передал Далину полупустую флягу.

«Эх, честно и справедливо,» сказал Кекси. Он повернулся к Собайлу. «Честно и справедливо, комиссар. Ожидаем ваших приказов.»

Закручивая крышку на фляге Кирпичника, Далин приготовился к следующим словам Собайла. Это было так же неотвратимо, как и безумно.

«Вперед,» сказал комиссар.

АНКЮНДЕ

I

«Начинай объясняться, сейчас же,» прорычал Гаунт. Он плечом расталкивал солдат Инквизиции по пути к Фарагуту. Солдаты, тихие и с визорами, окружили всех, как партизан, так и Призраков.

«Никому не делать ничего провокационного, пока я не доберусь до сути происходящего,» сказал Гаунт Мколлу.

«Как только доберетесь, будет слишком поздно,» ответил Мколл. Они смотрели друг на друга, и оба понимали, что слова Мколла были неправдой. Несмотря на репутацию солдат Инквизиции, партизан Гереона никогда нельзя было недооценивать, даже будучи разоруженными и связанными.

«Фарагут!»

Фарагут разговаривал с парой старших офицеров Инквизиции. Кёрк была рядом. Она выглядела вымотанной, но совершенно не удивленной. Вид бронированных Имперских солдат, пасущих членов сопротивления, было тяжело видеть кому-либо, как она.

Она поймала взгляд Гаунта, и покачала головой.

«Фарагут!»

Фарагут повернулся. «Я слишком занят, чтобы сейчас иметь с вами дело,» сказал он. Гаунт схватил его за отвороты куртки.

«Нет, ни слишком.»

«Отвалите от меня!» фыркнул Фарагут. Солдаты Инквизиции поблизости отступили назад и, внезапно, нацелили свое оружие на Гаунта.

«Отвалите от меня, сейчас же!» сказал Фарагут. Гаунт медленно отпустил куртку Фарагута. «Все нормально,» сказал Фарагут охранникам. «Опустите оружие.»

«Что это за хрень?» шепотом спросил Гаунт.

«Это дело Инквизиции,» ответил Фарагут, по нему было ясно видно, что он наслаждается ситуацией. Он залез в карман куртки и вытащил идентификационный модуль. Когда он активировал его, на нем отобразилась эмблема Инквизиции.

«Меня прикрепили к операции ордоса с разрешения Комиссара-Генерала Балшин.»

«Конечно же, прикрепили,» сказал Гаунт. «Эта сука провела меня. Я дурак. Я должен был понять, что у нее скрытые планы.»

Фарагут выключил модуль и убрал его. «Гаунт, вы полковой офицер. Почти во всех отношениях, вы одноразовый предмет. Не было никаких причин, чтобы вы были посвящены в это. Вам не нужно было знать, и вы не настолько важны, чтобы иметь свое мнение.»

«Моим людям приказали закрепиться в Кантибле, а затем воспользовались нашим прежним знанием Антилла и сопротивления, чтобы установить контакт с подпольем Гереона,» сказал Гаунт, «чтобы скооперироваться и ускорить усилия по освобождению. Вы использовали нас.»

«Вы солдат,» сказал Фарагут, с легким, фальшивым смехом. «Какого черта вы ожидали, за исключением того, что вас используют? Вы такой идиот, Гаунт. Вы слишком свободомыслящий и принципиальный для Имперской Гвардии.»

Гаунт немного отошел назад. «Я приму это за комплимент. А теперь, объясни все это. Я не буду стоять и смотреть, как с этими мужчинами и женщинами грубо обращаются, как с военнопленными.»

«Нет, вы не будете стоять. Вы отвалите. Ваша работа закончена. Контакт с сопротивлением установлен. Мы здесь закончим. По сути, как только у нас здесь будет ясность, вы и ваши Призраки сможете улететь обратно в Кантибл.»

«Нет,» сказал Гаунт. «Тебе надо лучше постараться. Я никуда не пойду, потому что это похоже на то, что я продал этих людей.»

Фарагут улыбнулся и наклонился к лицу Гаунта. «Знаете, я раньше восхищался вами. Благородный, сильный, всегда с правильными, воодушевляющими речами, готовыми для скармливания обычным солдатам. Но теперь я вижу, что это такое. Это, всего лишь, болтовня, так ведь? Что, во имя Трона, вы можете сделать с этим? Разозлиться?»

«Он может убить тебя,» произнес голос позади них.

Гаунт с Фарагутом осмотрелись. Инквизитор Лорнас Велт поднимался по досчатому настилу к ним.

«Я думал, что вы, комиссары, обучаетесь читать язык тела, Фарагут?» сказал Велт. «Чтобы знать, когда понукать человека, и когда отступить? Разве этого нет в ваших *Инструментах Порядка?*»

«Да, лорд,» сказал Фарагут.

«Я не думаю, что вы очень хорошо прочитали Гаунта, Фарагут. Я думаю, что вы были в двадцати секундах от казни. Так ведь, Гаунт?»

«Больше похоже на шестьдесят. Но, да.»

«Привет, Гаунт,» сказал Велт. Он улыбнулся. «Давай поговорим.»

II

«Давай начистоту,» сказал Велт. «Давай поговорим начистоту, чтобы не было недопонимания. Инквизиция может быть очень жесткой. Инквизиция *будет* очень жесткой. Здесь, в следующие несколько недель, агенты ордоса не будут мягкими. Что прискорбно, потому что эти храбрые люди заслуживают лучшего. Тем не менее, не жди, что я буду извиняться, и не жди, что я прикажу сдержанность. То, что мы ищем здесь, это жизненно важное дело. Это, вероятно, самая важная вещь в моей карьере.»

Гаунт заморгал. «Чего?» ответил он.

«Я не шучу, Гаунт,» сказал Велт.

Они ушли на одну из верхних жилых платформ, подвешенную в пологе деревьев над зелеными водами. Внизу, солдаты Велта охраняли лагерь и присматривали за озадаченными партизанами. Солдаты с огнеметами выдвинулись в болото, чтобы свалить деревья и достаточно расширить лесной полог, чтобы организовать посадочную зону.

«Почему, ты думаешь, Крестовый Поход выдвинулся на Гереон, Гаунт?» спросил Велт.

«Потому что Второму Фронту нужно начать отвоевывать территории, чтобы подстегнуть свое право на существование. Потому что, мы не можем позволить Архиврагу окопаться среди нас. Потому что личности, как Кёрк и я, подавали прошение на попытку освобождения с тех пор, как мы вернулись.»

«Все это правильно,» сказал Велт. Он был низким, широким человеком с редкими серыми волосами и черной бородкой на челюсти боксера. Зрачки его глаз были очень большими, радужки доходили до краев, и не было видно ничего белого. Он носил коричневый кожаный плащ, а эмблема его ведомства висела у него на груди. Как все инквизиторы, которых Ибрам Гаунт когда-либо знал, Велт был расстраивающе амбициозным. Властный, влиятельный, притягивающий своим великолепным интеллектом и эрудированный, он был вероломным и ненадежным,

когда дело касалось того, что не было ничего ценного, чем нельзя было пожертвовать, если это служило его целям. Лилит была такой же. Как и Хелдэйн.

«Но?» спросил Гаунт, взвешивая слово.

«Есть еще одна, лучшая причина. Самая неоспоримая причина из всех.»

«И какая?»

«Ты, Гаунт. Ты – причина. Факт того, что ты вернулся назад.» Гаунт покачал головой в неверии и отвернулся. Он пошел к краю платформы и оперся на веревочные перила, уставившись вниз. В первый раз, когда он когда-либо был платформе лагеря, похожей на эту, он сражался за свою жизнь с монстром Уэкскуллом. Этот разговор казался каким-то образом более мрачным и гораздо более опасным.

«Вы все еще думаете об этом?» спросил Гаунт. «Я думал, что мы с этим покончили. Трибунал--»

«Был, всего лишь, формальностью.» Велт подошел к нему. У него была привычка смотреть людям в глаза и не моргать. «Ты и твой отряд пришли сюда, на оккупированный врагом мир, и были здесь в шестнадцать раз дольше рекомендованного времени. Конечно же, вы изменились. Такое суровое испытание изменит всех. Но вы не были запятнаны. Вы выбрались нетронутыми. Это примечательная вещь, Ибрам. Примечательная вещь.»

«Так вы мне говорили, инквизитор. Я полагал, что к настоящему времени уже должен был быть препарирован.» Велт улыбнулся. «Это не Темные Века,» сказал он.

«Ох,» сказал Гаунт, «я склонен думать, что это они и есть.»

«У тебя была теория, что ты избежал порчи из-за того, что беати благословила тебя,» сказал Велт. «В качестве теории, это обоснованно. И, исторически, не без прецедентов. Но есть еще углы, с которых стоит посмотреть на это. Варианты, которые мои коллеги и ученые считают достойными рассмотрения.»

«Вы имеете в виду, что это место и есть причина?» спросил Гаунт. «Что у этого места есть кое-что, что сопротивляется прикосновению Хаоса?»

Инквизитор кивнул. «Гереон... и, в особенности, хорошо известный непроходимый Антилл. Ты рассказывал мне о нем, и я тщательно читал твои отчеты. Кёрк так же сослужила большую службу. В случае каждого из вас, и особенно в случае Рядового Фейгора, органические экстракты, полученные из ядовитых биологических организмов Антилла, оказались эффективными для борьбы с эффектами заразы Хаоса.»

«Фейгор погиб на Анкреон Секстусе,» сказал Гаунт.

«Я знаю. И его тело не вернули. Если кого и нужно было препарировать, так это его. Увы, шанса у нас не было.»

«Вы говорите, что Имперская Гвардия и союзные войска Крестового Похода... миллионы людей и огромное количество техники... были посланы на Гереон... из-за того, что Мюрт Фейгор пал в бою?»

«Это чрезмерное упрощение.»

Гаунт засмеялся. «Мюрту это бы понравилось. Можете говорить что угодно, но он любил хорошую иронию, даже если не мог озвучить ее.»

Он повернулся к Велту. «Значит, вы не пришли спасти Гереон? Вы сделали это все, в надежде, что Антилл кое-что скрывает?»

«Если в Антилле есть то, за чем мы пришли, это изменит историю. Это изменит судьбу Империиума и человечества. Это освободит нас от нашего величайшего врага.»

«Лекарство от Хаоса?»

«Слишком банально. Но, да. Я полагаю, что это можно рассматривать так.»

«Здесь нет такого,» сказал Гаунт. «Я могу избавить вас от усилий. Его здесь нет. И никогда не было. Может быть, Нихтгейнцы и знают некоторые экстракты с сильными медицинскими свойствами, но ни одного чудесного, которое вы ищете. У Мквеннера, одного из моей первоначальной команды, была идея. Он считал, что Хаос не разрушает нас. Он не поражает и не инфицирует, как болезнь. Это действует совсем не так, и поэтому от этого нет лекарства.»

«Я полагаю, что он верил в силу воли,» сказал Велт.

«Именно. Хаос – не зло. Он просто выпускает нашу предрасположенность к злу и осквернению. Вот почему он такой пагубный. Он вынимает наружу наши пороки. Сила воли, решимость, верность... это качества, которые противостоят заразе Хаоса. Если человек может остаться верным Трону, Хаос не сможет тронуть его. Ненависть и отрицание Хаоса становится оружием против него.»

«Броня презрения,» сказал Велт. «Я хорошо знаком с произведениями Инквизитора Рейвенора. Идея не принадлежала ему.»

Он сделал шаг назад от веревочных перил. «Может быть, ты прав. Это интересная мысль. Мы можем спасти человечество силой характера, а не настойкой из яда мотыля. История лучше рассудит один из двух вариантов.»

Он обернулся к Гаунту. «Однако, ты простишь меня за тестирование яда мотыля.»

III

«Это был подвал,» сказал Каффран Роуну. «Под домом в том направлении. Восемнадцатая улица, я думаю.» Леклан кивнул, когда сделал глоток из своей фляжки. «Восемнадцатая улица.»

«Я пошел первым, Леклан был позади,» продолжил Каффран. «Темно, хоть глаз выколи. Я мог чують что-то.»

«Я говорил, что там что-то есть,» вставил Леклан.

«Он так сказал. Я мог чувствовать это. Я был совершенно уверен, что мы загнали еще одного экскувитора. Я был готов бросить трубчатый заряд, а потом уже сортировать тела.»

«Ты так сказал. Именно так,» согласился Леклан.

«Но, понимаете, приказы,» сказал Каффран. Он почесал щеку и покосился на солнце.

«Продолжай,» сказал Роун.

«Я почти выстрелил в него,» сказал Каффран. «Я навел фонарь, поводил им, и увидел движение. Я просто среагировал. Я почти прострелил ему голову.»

«Но ты не прострелил,» сказал Роун.

«Почти. Его лицо. Он был так фесово напуган.» Каффран кивнул вдоль разрушенной улицы на ближайший лазарет. Под внимательным присмотром солдат Инквизиции, Дорден и его санитары перевязывали последнюю партию истощенных гражданских, которых поисковые отряды вытащили из темных углов Кантибла. Их число, по подсчетам Харка, уже было пятьсот пятьдесят восемь, и все они были в ужасном состоянии. Дорден занимался ребенком, мальчиком, примерно десяти стандартных лет, чье сморщенное тело выглядело больше похожим на пятилетнего. Ребенок был ошеломленным, сбитым с толку, шокированным.

Это было заметно, даже с улицы.

«Я не знаю, как долго он был там внизу,» сказал Каффран. «Но он был слишком напуган, чтобы выйти наружу.»

«Это часто случается,» сказал Баскевиль. «Выжившие жили в страхе очень долго. Большинство из них превратились в диких животных. Мы просто люди с пушками, Роун. Они слишком напуганы, чтобы понять, что мы пришли спасти их.»

«Нам нужно закончить с поисками. Нам нужно зачистить весь город,» сказал Роун.

«Я знаю,» сказал Баскевиль.

«Другого пути нет.»

«Я знаю,» кивнул Баскевиль. «Но никто не хочет быть первым, кто застрелил одного из этих несчастных людей по ошибке.»

«Эти парни не слишком помогают,» сказал Цвейл. Все обернулись. Старый аятани сидел на корточках, давая отдохнуть ногам. Он указал на агентов Инквизиции поблизости. «Мы обещали им безопасность, и мы вытащили их из укрытий, а затем эти парни приняли на себя руководство.» Несколько солдат Инквизиции вели группу освобожденных душ по улице к загонам, которые были воздвигнуты на главной площади города. Под управлением Дознавателя Сидоны, старшего агента сил Инквизиции, которые прибыли днем ранее, Кантибл превратился в лагерь обработки. Сидона ясно дал понять Роуну, что от Призраков ожидается, что они будут действовать, как охрана для лагеря, и несколько отрядов были выделены на строительство деревянного частокола для загонов. Сидона, так же, дал понять, что в Кантибл будут и далее прибывать выжившие из внешних районов в следующие недели.

Роуну это совсем не нравилось, и он знал, что Призракам это тоже не нравится. Они пробирались сквозь наиболее убогие части города, видя маленькие ужасы везде, куда смотрели. Несколько человек, которых они нашли, утащили на допрос и в заключение. Роун понимал, что все так и будет. Никому, кто жил на Гереоне при Оккупации, нельзя было доверять. Их нужно было обработать и проверить на наличие заразы. Многих, вероятно, казнят. Совершенно ясно, что Инквизиция не допустит какой бы то ни было заразы. Но это все заставляло Призраков чувствовать себя так, как будто они соорудили концентрационный лагерь для Имперских

граждан. Это заставляло Роуна удивляться, почему они вообще озаботились попытками освобождения, если это было всем, что они могли предложить жителям Гереона.

«Я поговорю с Сидоной,» сказал Роун. «Но я думаю, что все так и будет продолжаться. Это Имперская политика, и даже если мы обнаружим себя на перевенутом мире, где Инквизиция прислушивается к мнению Имперской Гвардии, я не уверен, что они будут не правы. Архивраг держал это место слишком долго. Как там говорил Гаунт? Здесь нечего спасать.»

«Я не думаю, что такая позиция сделает много для боевого духа,» сказал Баскевиль.

«Фес поберей боевой дух,» резко бросил Роун. «Я отдал почти все, чтобы помочь Гереону. Прошлый год или около того, я мечтал вернуться назад и принести облегчение, о котором они умоляли нас. Теперь, я желаю, чтобы мы никогда не возвращались.»

«Потому что они не выбегают из своих домов и не приветствуют нас, и не увещивают нас гирляндами за то, что освободили их?» спросил Цвейл.

Лицо Роуна потемнело. «Потому что это не более, чем дежурство у постели умирающего.» Он быстро ушел, чтобы найти дознавателя. Через пару минут, звук небольшого взрыва – гранаты или трубчатого заряда – прокатился с соседней улицы, и Баскевиль пошел разведать.

Каффран остался там, где был, уставившись через улицу на мальчика, которого он почти застрелил.

«Он, примерно, такого же возраста, каким был Далин,» сказал Каффран.

«Что?» спросил Цвейл.

«Тот мальчик. Он, примерно, такого же возраста, какого был Далин, когда Тона нашла его и Йонси в руинах улья. А я нашел всех троих через несколько дней. Они были дикими. Напуганными. Прятались. Прямо, как он. Я почти пристрелил их, по ошибке. Так же как я почти пристрелил его.»

Цвейл возился со своими сапогами. Он встал, опершись на Леклана для поддержки.

«Вы снова отправляетесь на поиски?» спросил он.

«Улицы двадцать шесть и двадцать семь,» скащал Леклан. «Через десять минут, как только отряд отдохнет.»

«Я пойду с вами,» сказал Цвейл.

«Я так не думаю,» сказал Каффран.

«А я думаю. Если вы просто люди с пушками для них, может быть, наличие священника с вами поможет. Мне нравится думать, что я смогу развеять их страхи. Может быть, уговорю их выйти их укрытия менее болезненно.»

«Отец, в этом месте все еще прячутся твари,» сказал Леклан.

«И?»

«И вы будете на линии огня,» сказал Каффран.

«И давно пора,» ответил Цвейл. «Ты знаешь, сколько мне лет, Дермон Каффран?»

«Нет, отец.»

«Как и я. Но сейчас самое время сделать что-то более полезное, чем каталогизировать растения.» Каффран с Лекланом обменялись взглядами, широко открыв глаза.

«Вот зачем я пришел,» сказал Цвейл. «Чтобы сделать что-нибудь полезное. Давно я не делал ничего полезного.»

«Как скажете, отец,» сказал Каффран. «По правде, я бы не отказался от помощи. Но если вас убьют, не вините меня.»

«Я о таком и не мечтал,» ухмыльнулся Цвейл. «Если меня убьют, я просто встречу с высшим начальством.»

«Просто делайте свою работу, майор,» сказал Дознаватель Сидона. Он был высоким, худым человеком в черных и красных одеждах, одетый как знать. У него были тонкое лицо и узкий рот.

«Я предполагал, что вы скажете так,» ответил Роун, «но ради своей совести, мне нужно было спросить.»

Сидона пожал плечами. «Я соболезную, майор. Иногда наш священный долг бывает болезненным и мерзким. Но он должен быть выполнен. Те, кого мы нашли, кто все еще верен, благослови их отважные души, однажды поблагодарят нас.»

«Я уверен,» сказал Роун, совсем не убежденный.

«Если я могу сказать,» сказал Сидона, подписывая планшет, который протянул ему один из помощников, «я нахожу вашу заинтересованность необычной. Я имел много отношений с Имперской Гвардией, в хорошем смысле. Я, обычно, находил солдат Гвардии простыми и бессердечными. Ваше отношение делает вам честь.»

«У меня была хорошая компания годами,» сказал Роун.

«Вы имеете в виду Гаунта? Я очень хочу встретиться с ним. Я так много слышал о нем от моего инквизитора. Редкое существо, как я понял. Благородный и принципиальный. Абсолютный отщепенец, конечно же. Говорят, что когда Магистр Войны Макарот обедает со своим старшим составом, он всегда просит последние новости о Гаунте и его делах. Они чрезвычайно занимают его. Гаунт – это возврат в другую эпоху.»

«И что это может быть за эпоха, сэр?» спросил Роун.

Сидона громко рассмеялся. «Без понятия. Лучшая, возможно. Та, которую прогресс оставил позади. Он – атавизм. Благородный, но атавизм. Мы можем наслаждаться удовольствием восхищаться им, но его племя вымерло. В Империи нет места сентиментам. Нет места для такого типа благородства. Если вы нацелены на карьеру, майор, вам лучше рассмотреть перевод в подразделение с более рациональным командиром. Наводящая тоску честь Гаунта убьет вас.»

«Я – Имперский Гвардеец, сэр,» сказал Роун. «Война убьет меня. Вот это факт.»

«Но из-за Гаута вы умрете бесцельно, из-за какой-то идиотской морали.»

«Я долго хотел убить его своими руками,» сказал Роун. «Умереть вместе с ним из-за какой-то идиотской морали звучит, как смерть, которую я рад выбрать.» Он

повернулся, чтобы уйти, а затем замер. «Вы говорите о моем командире, как будто ожидаете услышать это от него,» сказал он.

«Был установлен контакт с его отрядом,» как ни в чем не бывало сказал Сидона.

«Меня не проинформировали. Я пытался связаться с ним часами.»

«Погода ослабляла вокс-траффик,» ответил дознаватель. «Но я говорю вам, как факт, что мой инквизитор установил контакт с ним в Антилле.»

«Кто ваш инквизитор?» спросил Роун.

«Мой лорд, Велт,» сказал Сидона.

«Ах,» сказал Роун, кивая. «Он.»

IV

Улица двадцать шесть была коммерческой дорогой, которая начиналась в северном конце главной торговой площади Кантибла, и пролегла вдоль низкой границы центрального холма города. Дорога была вымощена булыжником, хотя множество булыжников отсутствовало. Основная сточная труба была повреждена танковым снарядом, и водосточные желоба стали вонючими каналами с отходами.

Жилые дома по обе стороны были серыми и измочаленными. Огнемётные отряды уже побывали здесь, выжигая языческие каракули, которые враг написал на стенах. Большинство окон были выбиты годы назад. Несколько зданий были сровнены с землей обстрелом бронетехники Дев Хетры за последние два дня. На углу улицы был сделан костер из тел врагов, обнаруженных на протяжении улицы. Он медленно горел, как будто жертвоприношение было какой-то жестокой пыткой, как будто цель была такая, чтобы медленно выжечь уголь из трупов. Отряд Каффрана натянул свои шапочки на носы, когда они проходили мимо.

Они прошли мимо Домора и его отряда, направляющегося внутрь одного дома, и пожелали им удачи. Затем, через несколько домов, они встретились с Колеа и Варлом, вместе с отрядом из десяти человек.

Колеа кивнул Каффрану.

«Мы собираемся занять здание в конце дороги,» сказал ему Каффран.

«Смотрите, куда идете,» посоветовал Варл. «Мы уже выкурили трех экскувиторов из подвалов этом утром.»

«Один был обвязан взрывчаткой,» беспечно сказал Колеа.

«И что вы сделали?» спросил Каффран.

«Пристрелили его до того, как он подорвал себя. А что бы ты сделал?» Каффран улыбнулся.

«Зачем священник?» спросил Варл.

«Украшение,» ответил Цвейл.

«Здесь не место для--» начал Колеа.

«Я рассказал ему правила,» перебил Каффран.

«Тогда все в порядке,» сказал Колеа. «Удачи.»

«Император защищает,» сказал Цвейл.

Каффран повел свой отряд дальше. У него было восемь человек, плюс священник. Оскет, Велн, Харжон, Лейр, Раесс, Леслан и Вадим. Они шли, разошедшись по сорной траве, проросшей между булыжниками. Каффран продолжал останавливаться, чтобы помочь старому священнику. Он уже жалел, что позволил старику пойти с ними.

Они вошли в портик заброшенного дома. Кто-то использовал его, как уборную. Двери были разломаны, а все плитки на полу атриума были отодраны, как будто они были чем-то, что кто-то хотел собрать. На штукатурке на одной стене было написано слово *ПОЖАЛУЙСТА*. По какой-то причине, Каффран нашел это особенно пугающим.

«Дайте мне пойти вперед,» предложил Цвейл.

Леклан с Лейром бросили взгляд на Каффрана. Каффран задумался, а затем кивнул. Цвейл захромал по проходу вперед. У здания была застекленная крыша, но ставни были разбиты и свободно качались на ветру, заставляя свет в проходе появляться и исчезать, как будто наверху бежали облака. Пятна серого и белого света тревожно перемещались вокруг друг друга на ободранных стенах и разрушенном полу. На середине прохода они нашли человеческую ключицу, лежащую сама по себе.

«Не трогайте это!» прошипел Каффран, видя, что Цвейл уже собирался наклониться.

«Бедняга,» отпрянув, прошептал Цвейл.

«Бедняга – это моя фесова нога,» пробормотал Лейр.

Что-то гроыхнуло где-то в пустом доме. Дверь, болтающаяся на петлях, тронутая ветром, решил Каффран. Снова грохнуло, и они вздрогнули во второй раз.

«Привет?» позвал Цвейл.

«Не говорите, фес вас!» взорвался Велн. «Они узнают, что мы идем!»

«Я хотел, чтобы они знали, что мы идем,» сказал Цвейл, постукивая по носу.

«Доверься мне.» Фактически, в измученном старом священнике не было ничего, что хоть отдаленно выглядело заслуживающим доверия.

«Пожалуйста, будьте осторожны, отец,» прошептал Каффран, водя своей винтовкой. Слово *ПОЖАЛУЙСТА* на стене позади него тревожно отдавалось эхом в его голове.

Оскет с Несконом открыли несколько дверей и обнаружили комнаты дома в ужасном состоянии.

Вонь была ужасной. На полу были останки, которые, когда-то, могли бы быть человеческими частями. Скелет большого грокса был аккуратно собран в одной из комнат, кости были связаны проволокой.

«Зачем?» спросил Леклан.

«Если бы я знал, зачем,» ответил Каффран, «я бы сошел с ума.»

«Привет!» крикнул Цвейл. «Я – аятани Священного Кредо. Я пришел помочь вам. Покажитесь. Все будет хорошо.»

«Будто бы,» проворчал Нескон.

Внезапно, Раесс поднял свой лонг-лаз и начал водить им.

«Что?» рявкнул Каффран.

«Увидел что-то. В конце.» Раесс подолжал спокойно целиться. «Что-то двинулось.»

Они медленно пошли вперед.

«Я – аятани Священного Кредо--» начал повторять Цвейл.

Что-то двинулось. В этот раз Каффран увидел это. Что-то несло в тених в двадцати метрах впереди.

«Фес!» воскликнул Раесс.

«Ты увидел это?» быстро спросил Каффран. «Что ты--» В отдалении, они все слышали *крак-крак-крак* выстрелов из лазгана. Они все напряглись.

«Что--» начал Цвейл.

«Шшшш!» прошипел Каффран.

Пропищала связь. Они все услышали голос в своих микро-бусинах.

«--возлюбленного Трона, фес... он просто выскочил на меня... во имя возлюбленного Трона--» Канал затих.

«Это был Варл,» сказал Вадим. «Дерьмо, это был Варл.»

«Отряд восемь, это отряд пять,» послал Каффран. «Ответьте. Колеа? Варл?»
Последовала долгая пауза.

Каффран подождал, а затем начал снова. «Отряд восемь, это--»

«Кафф, это Колеа,» внезапно протрещала связь. «Священник все еще с тобой?»

«Да.»

«Ради феса, Кафф. Не мог бы ты его привести сюда?»

V

Отряд Каффрана покинул здание и поспешил назад к дому, который проверял отряд Колеа.

Цвейл, старый и дряхлый, передвигался так медленно, что Нескон, в конце концов, остановился во фрустрации и, с Лекланом, сделал сидение из рук, чтобы нести его.

Колеа и несколько его людей ждали их в атриуме дома.

«Дальше,» резко сказал Колеа.

Оставшаяся часть отряда была в тридцати метрах внутри брошенного дома, собравшись вокруг чего-то на полу. Варл был неподалеку, стоял в одиночестве, и было ясно, что он был очень зол или расстроен.

«Он просто выскочил из ниоткуда,» проворчал Варл. «Из теней. Фес. Фес! Тупой ублюдок!»

Каффран протолкался сквозь толпу людей Колеа. На плитках лежал человек, истекая кровью от жуткой раны, оставленной на животе лазерным зарядом. Когда-то у него была прекрасная фигура, сельхоз рабочий или кузнец, какая-то профессия придала объем его плечам. Он был одет в лохмотья, и весил не более половины от своего нормального веса.

Он все еще был жив.

«Черный крест,» просто сказал Колеа. «Варла застали врасплох. Это плохо.»

«Тупой фес появился из ниоткуда!» закричал позади них Варл.

«Все нормально,» сказал ему Колеа. «Это не твоя ошибка.»

«Если не считать, что я застрелил его!»

«Это не твоя ошибка, Цег,» проворчал Колеа. «Это просто плохо.» Леклан стоял на коленях рядом с человеком, перевязывая кровавые отверстия, входное и выходное.

Он работал быстро, с отточенными навыками санитара, пытаясь остановить кровотечение, чтобы человек не умер.

Он отбросил в сторону три или четыре перевязочных комплекта, когда они пропитались кровью. Промокший льняной материал оставил на полу лужу крови, а капли попали на стену.

С мокрыми и красными руками, Леклан поднял взгляд на Каффрана и покачал головой.

«Отец?» позвал Каффран.

Цвейл вышел вперед и прикоснулся к плечу Каффрана, давая ему понять, чтобы отошел. Он встал на колени в кровь, растекающуюся вокруг гражданского, которого Варл нечаянно застрелил, и бережно приподнял голову человека.

«Я – аятани Священного Кредо,» тихо сказал он. «Теперь успокойся, друг мой, потому что Бог-Император Человечества спешит сюда, чтобы подариться тебе мир, которого ты жаждешь. Есть что-нибудь в этот час, в чем ты желаешь исповедоваться?»

Человек произвел булькающий звук. Кровь пузырилась вокруг его сухих губ.

«Я слышу и понимаю те грехи, в которых ты сознался мне,» сказал Цвейл, «и я освобождаю тебя от них, как освобождаю и от всех тех грехов, которые ты не можешь пересчитать. В моих силах сделать это, потому что я – аятани Священного Кредо. Ветра унесли прочь твои грехи, а беати благословила тебя и, хотя есть боль, она пройдет, как проходит любая боль, и ты вознесешься без боли смертного мира к месту, которое Бог-Император Человечества оставил для тебя подле себя у Золотого Трона Терры. Этот последний обряд я даю тебе открыто и по доброй воле. Покойся с миром, Имперская душа, и пусть--»

Цвейл остановился. Очень медленно, он опустил голову человека назад на покрытый плиткой пол.

«Он умер,» сказал он.

VI

Люди Велта зачистили лагерь партизан. По сигналу буюв, приземлились десантные корабли на поляне, которую солдаты Инквизиции очистили от деревьев. Выгрузилось еще больше солдат: солдат, дознавателей и других различных агентов Священной Инквизиции.

Сидя на ветвях дерева рядом с лагерем, Мколл наблюдал. Порядок и авторитет Империи восстанавливались. Он понимал, что процесс восстановления будет удручающим и неудобным, но это был любопытный триумф. Ощущалось так, как будто что-то благородное было предано. Он мог слышать, как кричит Ландерсон, протестуя.

Он отвернулся.

Белый мотылек порхал вокруг него, и приземлился на тыльную сторону его правой руки. Он на мгновение остался на ней, сводя и разводя свои пушистые крылья.

«Гереон сопротивляется,» прошептал он.

Мотылек улетел от прикосновения его дыхания.

Мколл подождал еще несколько минут, откладывая возвращение в лагерь. Его чувства были острыми. Самыми острыми. Только Бонин с Каобером подошлись близко к его уровню навыка в скрытности. Только один человек когда-либо превосходил их.

И этот человек был мертв.

Мколл огляделся. Что-то пошевелилось, какой-то легкий звук, справа от него. Сам он не издал ни звука, и медленно повернулся на изгибе ветки.

Подлесок Антиллы позади него был недвижим. Единственными движениями были порхания мотыльков. Он поймал запах, очень слабый след.

«Ты там, так ведь?» позвал он.

Ответа не последовало.

«Я не ожидаю, что ты ответишь. Но ты там. Ты там, так ведь?» Ответа все еще не было. Запах исчез. Возможно, он вообразил себе это.

Мколл спрыгнул с дерева и побрел к лагерю.

«Кёрк?» сказал Гаунт.

«Ибрам.»

Он сел рядом с ней на краю платформы. Кёрк выбрала самую удаленную часть лагеря, чтобы посидеть в одиночестве у темного болота.

«Ты в порядке?» спросил он.

Она кивнула. Он мог видеть, что она плачет.

«Ты не в порядке,» сказал он.

«Я никогда не хотела, чтобы это случилось.»

«Это?»

«Все это. Я заключила сделку с Балшин и Велтом.»

«Когда?»

Кёрк пожала плечами. «Когда мы вернулись. На Анкреон Секстусе, после трибунала. Я сделала это ради тебя.»

«Ой, вот не надо.»

Кёрк уставилась на него. «Ублюдок. Я сделала. Я, на самом деле, сделала. Ты и остальные сделали так много для нас и тебя ждала казнь. Я вмешалась, и продала то небольшое, что у меня было.»

«Что, конкретно, ты продала, Кёрк?»

«Миф о нашем выживании,» ответила она с грустной улыбкой. «Я сказала им, что они должны освободить Гереон, потому что они найдут способ защитить себя от Хаоса.

Они нашли идею очень заманчивой. Тайна о том, как ты выбрался с Гереона без порчи приводила их в бешенство. И вот, теперь мы все здесь.»

«Теперь мы все здесь,» кивнул Гаунт. «Хотя, все пошло не так, как ты думала, так ведь?»

«Трон, совсем не так.»

Она подняла ноги на платформу и обняла колени. «Гереон будет и дальше страдать. Мы страдали под Архиврагом, а теперь мы будем страдать под Империумом, когда они разберут планету на части в поисках того, чего здесь нет.»

«Я так понимаю, ты не веришь?»

Кёрк начала смеяться так сильно, что Гаунту почти пришлось поддержать ее, чтобы она не свалилась с края платформы.

«Прости, прости...» вздохнула она, в конце концов. «Конечно, я верю. Я имею в виду, мы прошли через все это невредимыми. Но я думаю, что все здесь--»

Он постучала пальцем по лбу.

«Это здесь. Это не что-то такое, что можно анализировать, изготовить и засунуть в банку. Сама мысль такая смешная. Но Велт с Балшин просто ухватились за нее. Ублюдки. Такие недалекие.» Она уставилась на свои ботинки. «Такой чертов бардак, да, Ибрам?»

«Совсем не так я себе все представлял. Я думал, что буду гордиться. Я не горжусь. Высшее Командование приступило к этой операции не ради пользы для жителей Гереона. Они озаботились Гереоном только потому, что думают, что здесь есть нечто ценное.»

«Я очень хотела, чтобы они спасли мой мир, поэтому говорила им все, что угодно. Я никогда не думала, какие последствия могут последовать.»

«Я тоже,» согласился Гаунт. «Будь осторожен со своими желаниями... таков урок, так ведь?» Кёрк кивнула.

«Это иронично, ты так не думаешь?» спросила она. «Хотеть спасти свой мир так сильно, чтобы в итоге прикончить его?»

Бростин вытащил помятую пачку с сигаретам с лхо и вставил одну в рот Ларкину. Еще одну он взял себе. Он поджег их зажигалкой.

Ларкин откинулся на маленькой кровати. Он был единственным пациентом в маленьком, импровизированном лазарете.

«Все не так плохо,» сказал Бростин. «Ты мог погибнуть. Полковник сделал тебе одолжение.»

«Отрезав мою фесову ногу.»

«Ну, именно.»

Появилась Керт из-за занавеса палатки. Она несла что-то, завернутое в тряпье.

«Это плохо для твоего здоровья,» сказала она, забирая сигарету изо рта у Ларкина и вставляя ее себе в рот.

«Трон, как же давно это было,» вздохнула она, выдыхая.

«Мне показалось, что ты сказала, что это плохо для твоего здоровья?» сказал Ларкин.

«Ага.»

«Как и силовые мечи, как я обнаружил,» нахмурился Ларкин.

«Не так плохо, как быть убитым танком, так что заткнись,» сказал Бростин.

«У меня кое-что есть,» сказала Керт, положив свертов на кровать.

«Что?» спросил Ларкин.

«Хорошее лекарство. Это заставит тебя почувствовать себя лучше.» В тряпье, разобранный на части, лежал старый лонг-лаз Ларкина, винтовка с ложей из нала, которая была с Ларкиным с самого Танита, и которую он, в конце концов, бросил на Гереоне, из-за отсутствия боеприпасов.

«Святой фесов Трон...» прошептал Ларкин. «Ты сохранила ее.»

«Я знала, что тебе нужна причина вернуться,» сказала Керт. Она смотрела, как Ларкин начал собирать оружие.

«Принеси мне немного оружейной смазки, Брос,» сказал он. Бростин кивнул и поднялся. Он прошел мимо Гаунта на пути из лазарета.

«Ана?»

Она отвернулась от Ларкина, который потерялся в процессе восстановления своего драгоценного оружия, и пошла с Гаунтом в маленькую боковую комнату.

«Как он?»

«Полагаю, что я отвлекла его от раны.»

«Это хорошо. Хотел бы я, чтобы был другой способ.»

Она начала чистить кое-какие медицинские инструменты.

«Ана,» начал он, «если бы я знал, что Инквизиция--»

«Ты что, собираешься извиняться?» спросила она, бросив на него взгляд. «Нет необходимости. Я ожидала этого.»

«Ожидала?»

«Живя и работая с сопротивлением, начинаешь склоняться к мечте о дне освобождения. Обнадеживающая фантазия. Я начала представлять себе, какой будет реальность. Гереон никогда не будет тем же. Он продолжит страдать. Таков порядок вещей. Империиум – это тупой инструмент, Ибрам, а Хаос слишком опасен, чтобы с ним иметь дело.»

«Инквизиция верит, что в... в Антилле есть секрет. Вот почему они выдвинулись сюда с такой скоростью.»

«И что это может быть за секрет?» спросила она.

«Когда я и остальные выбрались, никто не мог понять, почему мы не были заражены. Они думают, что здесь что-то, что защищает от заразы.»

«Что-то в Антилле?» спросила она. «Вот из-за чего все это? Они оставили бы нас гнить, если бы здесь не было чего-то для них?»

«Я боюсь, что именно это и произошло. Я думаю, что они собираются провести годы, может быть, десятилетия, переворачивая Гереон, разбирая его на части, в попытках найти этот секрет.»

«Я бы могла сэкономить им время,» сказала Керт, «если они поговорят со мной. Я обученный медик, и я работала здесь, в этих условиях, долгое время. Различные ядовитые составы, полученные из природных источников здесь, в болотах, имеют поразительные свойства, которые могут принести пользу Империи. Антикоагулянты, антисептики, и несколько экстрактов, которые особенно эффективны против лихорадок и ксеноинфекций. Но на этом все. Здесь нет секрета. Никакой чудодейственной защиты от заразы Хаоса. Ты сопротивляешься прикосновению Хаоса, сопротивляясь ему. Ты сопротивлялся. Я сопротивлялась. И Гереон сопротивляется.»

Она прекратила чистить инструменты и посмотрела на Гаунта. Она была такой худой и такой нездоровой, что он обнаружил, что на нее больно смотреть.

«Ты поступила благородно, Ана,» сказал он, «оставшись здесь, чтобы помочь этим людям. Больше я тебя не оставляю позади.»

«Хорошо,» сказала она. «Думаю, я закончила. Думаю, я устала. Я молилась, чтобы ты вернулся, Ибрам. Я знаю, что ты обещал, но не было никаких гарантий. Это просто то, что заставляло меня держаться. И я не рассчитывала на романтические глупости счастливого конца. Просто конец, вот все, что я сейчас хочу. Это место почти убило меня.»

Она вздохнула. «Дорден с тобой? Он, все еще, жив? Я бы хотела увидеть его. Будет хорошо увидеть его.»

«Он в Кантибле.»

Она кивнула. «Оказывается, у меня есть пределы,» сказала она. «Я посвятила свою жизнь для помощи людям, в качестве медика. Я оставила Улей Вербун, чтобы служить Гвардии, и оставила Гвардию, чтобы служить людям здесь. Говорят, что

хорошая работа и бескорыстные усилия, сами по себе награды. Но это была честь, без передышки. Это затащило меня за границы самоотверженности, о которых я не думала, что они у меня есть. Меня не наградили за то, что я сделала. Я не чувствую себя лучшим слугой Бога-Императора за это. Я ненавижу это, Ибрам.»

«Все закончилось,» сказал он.

VII

Белтайн доложил, что транспорты, которые он вызвал, приближаются. Отряд Валькирий будет на месте через несколько минут. Гаунт кивнул, и пошел к Крийд и Мколлу.

«Отряд готов?»

«Готовы отправляться,» сказала Крийд, ее лицо было перевязано. «Я буду рада улететь.»

«Убедись, что Керт будет на борту,» сказал Гаунт Мколлу. Он пошел между ожидающих Призраков, кратко поговоря с несколькими, и подошел к Эзре.

«Ты с нами?» спросил он.

Нихтгейнец кивнул. «Я – анкюнде,» через мгновение сказал он, слегка напрягаясь, чтобы произнести слова на Низком Готике, «и этот мир заканчивается.»

«Герюн, итте персист лонге, фоеереффер,» сказал Гаунт.

Эзра покачал головой, и пошел вниз по дорожке между платформами, уходя из лагеря.

«Десять минут!» крикнул Гаунт ему вслед. «Если ты отправляешься с нами, у тебя есть десять минут!» Эзра обернулся и кивнул. Затем он пошел дальше, в болотный лес.

«С вашего разрешения,» сказал Гаунт, «я отвожу свои силы и возвращаюсь в Кантибл.» Велт был в одной из больших палаток, которую установила Инквизиция, читающий планшеты с данными. Агенты, аналитики и солдаты Инквизиции приходили и уходили. Место было хорошо освещено, а отпугивающие насекомых устройства жужжали и трещали у стоек крыши.

«Император защити тебя,» ответил инквизитор. «Спасибо тебе за твой вклад.» Гаунт пожал плечами.

«Я полагаю, что работа здесь займет какое-то время,» сказал Велт, все еще отвлеченный на документы. «Великое дело, но стоящее того. Ранние результаты, кажется, подтверждают то, чего мы ожидали.»

«Какие же?»

«Бойцы сопротивления, а в особенности Лунатики, это ключ. Их знания биологии Антилла жизненно важны. Вот почему, естественно, нам было нужно, чтобы ты установил с ними контакт. Мне жаль, что ты чувствуешь себя использованным, Гаунт, но нам нужно было вытащить их, а это означало использовать того, кому они могли доверять. В противном случае, я не могу представить, сколько бы времени понадобилось, чтобы найти их в этой глуши.»

«Для записи,» сказал Гаунт, «вы тратите свое время.»

«Я понимаю твои чувства, Гаунт,» ответил Велт. «Если есть шанс, или даже намек на шанс, я обязан рассмотреть его. Будет преступлением против Трона, если я не сделаю это. Разве ты не понимаешь?»

«Полагаю, что так.»

«Освобождение Гереона всегда намечалось быть болезненным, Гаунт. Место, которое так страдало, само себя не поднимет, не стряхнет пыль и не восстанет. Потребуются годы. Возможно, века. Может быть, Гереон никогда больше не будет таким, каким был. Но ты должен смотреть на положительные стороны. В конце концов, идет освобождение. Высшее Командование обозначило Гереон, как полностью проигранное дело, пока мы не предоставили хорошие причины придти сюда. А если я найду то, что ищу, будущее человечества будет более безопасным. Не озадачивайся вопросами 'почему' и 'для чего', полковник-комиссар. Ты получил освобождение, которого хотел.»

«Я больше не уверен, чего я хотел.»

Велт фыркнул. «Тогда, свободны.»

Гаунт сотворил знак аквилы, и покинул палатку.

Вдали от освещенного лагеря, и света, падающего сквозь полог, защищенный Инквизицией, Антилл был темным, зеленым и тихим. Амфибии кричали и плескались в покрытой водорослями воде. Мотыльки порхали в подернутом туманом воздухе. Насекомые забирались на корни и кривые ветки.

Эзра осторожно собрал образцы коры в один из своих старых тыквенных горшков. Его баночки с воудом, ядом мотыля и другими смесями были уже почти снова полными. Это, он понимал, был его самый последний шанс, чтобы восполнить их. То, что он собрал сейчас, надо будет растянуть на всю жизнь.

Он услышал всплеск и огляделся. Саббатина Кёрк шла к нему, по голень в зеленой воде. Он выпрямился и смотрел, как она приближается.

Она остановилась перед ним, и посмотрела вверх ему в лицо, его глаза были спрятаны под старыми солнечными очками Варла. У Эзры была проблема читать выражения лиц людей, но ему казалось, что она хочет сказать что-то и, очевидно, не может. Через мгновение, она протянула руку, залезла в его кожаную сумку, и вытащила одну стрелу для рейнбоу. Это была короткая железная стрела, с наконечником, покрытым ядовитой пастой.

Она снова посмотрела на Эзру и полуулыбнулась. Затем она повернулась и ушла в болото.

Эзра смотрел в ее сторону, пока она не исчезла из вида. Он услышал звуки двигателей с посадочной площадки, и понял, что его время истекает. Он присел, чтобы собрать несколько последних вещей, которые хотел: редкое растение, редкую улитку, жука с красным ромбом на его надкрыльях.

Он был занят запечатыванием последнего тыквенного горшка, когда осознал, что за ним наблюдают. Не было никаких звуков, но он чувствовал глаза на себе. Он поднял взгляд.

Человек стоял среди деревьев, смотря на Эзру, такой неподвижный, зеленый и тихий, что сам казался деревом или висящей веткой. Он был очень высоким, и худым, и покрытым воудом Нихтгейнцев, но Эзра знал, что он не Нихтгейнец. Он держал боевой посох в одной руке, а грязные останки камуфляжной накидки были у него на плечах.

Он пристально смотрел прямо на Эзру.

«Хистью, соуле,» сказал Эзра, вставая.

Человек спокойно поднял руку и приложил палец к своим губам. Эзра кивнул. Теперь человек смотрел мимо Эзры в направлении лагеря.

Эзра повернул голову, чтобы посмотреть, на что конкретно смотрит человек.

Когда он повернулся назад, человек исчез, как будто его никогда и не было.

В бледном свете поляны, Призраки шлепали к ожидающим Валькириям. Гул двигателей был пронзительным и сотрясал опушку. Вода дрожала. Бростин с Дерингом помогали Ларкину забраться в машину. Гаунт увидел Крийд, сопровождающую Керт. Офицеры Инквизиции со световыми жезлами направляли Валькирии к местам посадки. Сигнальные маяки были приделаны к стволам деревьев вокруг поляны.

Гаунт хотел поговорить с Ландерсоном до того, как улетит, но весь контингент партизан заключили под стражу прямо перед разговором. Инквизиция держала их в нескольких хибарах, под охраной, и Гаунт не хотел рисковать, чтобы оставить Керт одну и поднять шум.

«Эзра?» крикнул он сквозь шум двигателя. Мколл покачал головой.

«Я говорил ему, что мы улетаем,» прокричал Гаунт.

«Там!» крикнул в ответ Мколл. Эзра появился в деревьях, и бежал к ним.

«Давай!» крикнул Гаунт. «Мы почти улетели без тебя!» Втроем они поспешили к ближайшей Валькирии, где Призраки, которые были уже на борту, потянулись вниз, чтобы затащить их.

«Что ты там делал?» крикнул Мколл Эзре.

Эзра спокойно поднял руку и приложил палец к своим губам.

Она слышала возрастающее эхо двигателей, когда Валькирии поднимались со взлетной площадки. Шум стих, и тишина Антиллы снова наступила.

Лагерь был пятном света вдалеке, как болотные огоньки, мерцающие между деревьев.

Там, где она была, было так темно, что деревья были похожи на антрацит, а воздух был похож на нефть. Крошечные белые мотыльки порхали в воздухе, как цветы. Такие же белые цветы были когда-то в семейном фруктовом саду, все эти годы назад.

Саббатина Кёрк вытащила стрелу для рейнбоу. Она немного подержала ее в руке, а затем прижала смазанный ядом наконечник к ладони левой руки, пока не проткнула кожу.

Без всплеска, без шума, и едва оставив рябь на воде, она соскользнула под глянцевую поверхность темной воды.

VIII

Мощный ливень хлестал по Кантиблу, когда они прибыли. Небо вздымалось плотными серыми дождевыми облаками, и казалось грязным. Во влажном воздухе был запах грома.

Валькирии пролетели над городом и сели на огороженном пастбище к западу от стен. Ливень заставил потрепанные городские здания выглядеть более серыми и безжизненными, чем раньше. Пастбище и соседние поля превратились в опасную трясику.

Гаунт выпрыгнул из самолета на поле, покрытое лужами, которые рябили и плескали из-за дождя. С воздуха он видел изменения, которые произошли в Кантибле с тех пор, как он ушел. Отремонтированные защитные укрепления, большие постройки лагеря, жилые палатки и транспорт Инквизиции. Пока остальные Призраки выгружались, он с Мколлом поспешил к краю пастбища, где ждали Роун, Баскевиль и Даур.

«Добро пожаловать назад,» сказал Роун.

«Есть о чем доложить?»

«Обычные дела, сэр,» сказал Баскевиль.

«Как бы то ни было, это больше не наше шоу,» сказал Роун. «Командует Инквизиция.»

«Помяни дьявола,» тихо сказал Даур.

Приближался Дознаватель Сидона, окруженный своими помощниками.

«Этот командует?» спросил Гаунт.

«Его зовут Сидона,» сказал Роун.

«Он всегда выглядит там взбешенным?» спросил Гаунт.

«Теперь, когда ты упомянул об этом, нет,» допустил Роун.

Сидона остановился перед Гаунтом. Оба сотворили знак аквилы.

«Гаунт?»

«Полковник-Комиссар Гаунт, да.»

«Я – Дознаватель Сидона. Вы прибыли прямо из лагеря в Антилле?»

«Вы знаете, что да.»

Сидона сделал паузу. «Была срочная передача по воксу из лагеря в Антилле, пока вы находились в воздухе. Мой инквизитор, Лорд Велт, желает знать, знаете ли вы или кто-нибудь из вашего отряда что-нибудь о событиях, которые только что имели место?»

«Каких событиях?» спросил Гаунт.

Сидона выглядел немного смущенным. «Как я понял,» сказал он, «в какой-то период времени за последний час, все партизаны, заключенные под стражу в лагере Антилла для допроса, исчезли.»

«Исчезли?»

«Да. Они все исчезли. Несмотря на то, что вся территория, где они содержались, была под охраной. Вы можете пролить свет на это?»

Гаунт посмотрел на Мколла, который нахмурился и покачал головой.

«Не думаю, что могу,» сказал Гаунт. Он начал уходить со своими офицерами, но замешкался и обернулся к дознавателю. «Скажите своему Лорду Велту, что в этот раз я не буду искать их для него.»

IX

Следующий дом в линии был таким же, как и все остальные. На полпути вниз по улице двадцать семь, это был четырехэтажный жилой дом из рокрита и серого камня. Дождь заставил выглядеть шелушащийся рокрит, как замазка. Обломки разбитой фурнитуры и выброшенные домашние пожитки лежали на булыжнике перед домом. Внутри дождь вызвал сырой запах.

Лестницы и коридоры уходили вглубь здания. Дождь лился внутрь сквозь крышу, и собирался в лужи вдоль покрытого плиткой пола коридора. Каффран смотрел на падающие капли, похожие на трассеры, яркие и серебристые в сумраке.

«Привет?» крикнул Цвейл.

Они устали и начали замерзать. «Лампы,» приказал Каффран. «Вы трое, проверьте ту сторону. Вы трое, наверх. Оставайтесь на связи.»

Отряд разделился. Харжон, Велн и Оскет пошли вверх по лестнице. Нескон, Раесс и Лейр ушли направо. Каффран пошел дальше по коридору с Лекланом, Вадимом и старым священником.

«Эй? Ау? Я – аятани Священного Кредо. Я пришел помочь вам. Покажитесь. Все будет хорошо.»

Дождь капал вокруг них с невидимой крыши. Их движущиеся лучи фонариков качались и танцевали по полу и грязным стенам. В углу одной комнаты они нашли гнездо из старых одеял и порванной одежды, которое выглядело так, как будто в нем кто-то спал. В следующей комнате мертвый человек сидел на стуле около стола, мумифицированный труп, которого не трогали месяцами.

Они шли дальше.

«Чувствуете это?» спросил Вадим.

«Что?»

«Серьезно, ощущается так, как будто за нами наблюдают.»

«Идем медленнее,» сказал Каффран. Леклан перешел на другую сторону коридора к еще одному дверному проему, и его фонарь замерцал из стороны в сторону, чтобы осветить еще больше мусора и грязи.

«Осторожно,» прошипел Вадим.

Цвейл прошаркал вперед и прочистил горло. «Эй? Эй? Там кто-нибудь есть? Я – аятани Священного Кредо и я пришел помочь вам.»

Они ждали. Каффран поднял руку для тишины. Они все услышали небольшую суету позади дверного проема.

Каффран скользнул через дверь в комнату. Пол был покрыт разбитым стеклом и кистками порванной бумаги. Останки дивана или кровати гнили под разбитым окном. На дальней стороне комнаты была полузакрытая дверь.

Вадим зашел позади Каффрана, водя своим оружием.

«Чуешь это?» прошептал он.

Каффран кивнул. Был легкий запах горения.

Он пересек комнату и нашел кое-что около остатков от кровати у окна. Это был маленький костер, сделанный из веточек, все еще теплый, хотя огонь затоптали. Сморщенный паек Имперской Гвардии, где-то украденный, лежал среди веточек.

Кто-то пытался разогреть еду.

Каффран собирался позвать Вадима, когда что-то, что он принял за кучу мусора рядом с кроватью, зашевелилось и побежало к другой двери. Каффран закричал, и попытался последовать за этим лучом фонарика. Вадим поднял свое оружие.

«Не стрелять!» крикнул Каффран.

Леклан и Цвейл вошли в комнату. С Каффраном впереди, они пошли ко второй двери. Она вели в кладовую, маленькой комнате из рокрита со стеллажами вдоль одной стены и старая холодильная камера рядом с ними. Здесь больше не было дверей, а окна были всего лишь щелями под потолком. Здесь было сильное зловоние от человеческих испражнений. Каффран видел, что ни на одной полке

ничего не было, за исключением коллекции пуговиц и бутылочных крышек, лежащих рядами в неслучайном порядке увеличения размера.

Не было признаков кого-либо. Каффран поводил своим фонарем вокруг. Леклан подошел к нему.

«Холодильник?» прошептал он.

Каффран кивнул. Дверь холодильника была закрыта, но она была большой, большая кладовка, куда можно было войти, и где можно было повесить мясо. Она начали идти к ней.

«Фес!» внезапно воскликнул Каффран. Что-то двинулось под самой нижней полкой. Он развернулся и направил винтовку и фонарик на пол.

Ребенок был очень маленьким, сгорбленным от недоедания и болезни. Он был одет в тряпье, а его кожа была коричневой от грязи. Его глаза выглядели фантастически большими и дикими, и он закрыл их, плача, когда фонарь нашел его.

«Фес! Это, всего лишь, ребенок!» сказал Каффран, наклоняясь, чтобы подобраться ближе.

«Отец!» позвал Леклан. Цвейл и Вадим зашли за ними в кладовую. Ребенок пытался забраться дальше в тень под полкой, производя скулящие животные звуки страха.

«Все хорошо, все хорошо,» сказал Каффран, протягивая руку.

«Все будет хорошо,» сказал Цвейл. «Выбирайся оттуда, мой юный друг, и мы приглядим за тобой. Эй? Ты голоден? Хочешь еды?»

Цвейл бросил взгляд на остальных. «Есть у кого паек? Сухой бисквит? Сахарная палочка?»

«У меня,» сказал Леклан. Он прислонил лазерную винтовку в ногу, пока открывал нагрудный карман и шарил в нем.

Дверь холодильника открылась.

У экскувитора, который прятался внутри, был лаз-лок. Когда он выстрелил, шум в замкнутом пространстве был оглушительным. Цвейл закричал от изумления и шока.

Лазерный заряд попал в Леклана, и снес половину головы. Его слегка закрутило, когда он упал, и сломал собой несколько полок.

Каффран открыл огонь и убил экскувитора шквалом выстрелов в упор. Удар отбросил слугу Анарха назад в холодильник.

После краткой, яростной стрельбы, тишина была шокирующей.

Вадим пошел к холодильнику, проверил, что там было пусто, и для верности выстрелил в голову экскувитора.

«Ох, фес... фес, фес, фес...» произнес Каффран. Он присел около тела Леклана.

«Он--?» спросил Цвейл у него за плечом.

«Вадим! Приведи остальных! Иди и приведи остальных!» закричал Каффран.

Вадим кивнул и выбежал их комнаты. Через мгновение они слышали, как он кричит.

«Это плохо,» сказал Каффран. Он отодвинулся от Леклана. «У него не было никаких шансов.» Каффран поднялся на ноги и посмотрел на Цвейла.

«Что такое.»

Цвейл не ответил ему.

«Отец?»

Цвейл кивнул, указывая на что-то через плечо Каффрана. Каффран повернулся.

Ребенок, мальчик около девяти или десяти лет, выбрался из-под полки. Несмотря на то, что она была слишком большой для него, он поднял винтовку Леклана и целился ей в Каффрана и священника.

«Назад, отец,» выдохнул Каффран. Он посмотрел на ребенка и ободряюще улыбнулся. «Ну же, малыш, отдай мне это.»

Мальчик выстрелил три раза, вес и разряд ошеломили его. Затем он отбросил оружие в сторону и побежал.

«Каффран? Каффран!» закричал Цвейл. Он наклонился и обхватил Призрака руками. Повсюду была кровь, выплескивающаяся из огромной раны на груди Каффрана. «Медик!» закричал Цвейл. «Медик!»

Каффран задыхался.

«Держись, слышишь меня,» потребовал Цвейл, пытаясь, в одно и то же время, поддерживать Каффрана и остановить кровотечение. «Держись. Помощь идет.»

Веки Каффрана зажрались. Он на мгновение поднял взгляд на Цвейла. Он пытался говорить, но не мог. Его рука царапала по переднему карману куртки, пытаясь расстегнуть пуговицу на ней.

«Медик! Медик!» кричал Цвейл через плечо. «Кто-нибудь!» Он снова посмотрел на Каффрана. Он тяжело сглотнул, когда увидел отсутствующий, тускнеющий взгляд Каффрана. В качестве священника на войне, он уже видел такое, слишком много раз. Окровавленная рука Каффрана все еще нащупывала пуговицу кармана. Цвейл потянулся и открыл карман для него, и вытащил то, что было внутри. Это была Танитская кокарда. Рот Каффрана пытался сформировать слова.

«Я – аятани Священного Кредо,» тихо сказал Цвейл. «Теперь успокойся, друг мой, потому что Бог-Император Человечества спешит сюда, чтобы подариться тебе мир, которого ты жаждешь. Есть что-нибудь в этот час, в чем ты желаешь исповедаться?»

Каффран не ответил. Цвейл продолжал держать его, его руки были мокрыми от крови Каффрана.

«Я слышу и понимаю те грехи, в которых ты сознался мне,» сказал Цвейл хриплым голосом, «и я освобождаю тебя от них, как освобождаю и от всех тех грехов, которые ты не можешь пересчитать. В моих силах сделать это, потому что я – аятани Священного Кредо. Ветра унесли прочь твои грехи, а беати благословила тебя и, хотя есть боль, она пройдет, как проходит любая боль, и ты вознесешься без боли смертного мира к месту, которое Бог-Император Человечества оставил для тебя подле себя у Золотого Трона Терры. Этот последний обряд я даю тебе открыто и по доброй воле....»

НАСТОЯЩИЕ ЧЕРТОВЫ ГВАРДЕЙЦЫ

I

Ровно через двадцать дней после первоначальной волны штурмов, которая ударила по Гереону, были посланы первые приказы об отходе. Передовые подразделения, которые находились на земле с первого дня, отзывали, или заменяли свежими бригадами с транспортников флота. Четверть миллиона новых Гвардейцев послали в поле. Изнуренные солдаты, которых они сменяли, медленно просачивались назад, вдоль транспортных линий, к базовым лагерям, а затем назад во флотилию.

ТП 137 отозвали прямо перед полуднем на двадцатый день, и они шли назад вместе с дивизией Крассианцев. Крассианцы понесли особенно тяжелые потери во время войны за цитадель, которая бушевала в сердце К'эздрок Шет Магира между шестым и четырнадцатым днем освобождения.

За единственный день, ТП 137 прошло назад четырнадцать километров, которые они преодолели за предыдущие двадцать дней, через разрушенный город, под небом, полным дыма, мимо марширующих новичков.

Бригадные оркестры играли, а знамена были высоко подняты. Новоприбывшие, которых они миновали, выглядели чистыми и здоровыми. Они приветствовали и аплодировали возвращающимся солдатам, когда видели их.

Отозванные солдаты пытались находить в себе силы отдавать честь.

Далин думал, знает ли новая кровь о том, куда они идут. Он размышлял, целесообразно ли остановиться и рассказать им о вещах, которые он видел и о вещах, о которых он знал. Позади оставался адский бой, в котором нужно сражаться.

Он решил продолжать идти, потому что он верил, что Собайл может пристрелить его, если он начнет говорить людям о дерьме впереди. Плохо для боевого духа. К тому же, никто и никогда не побеспокоился предостеречь его.

Они достигли пункта распределения на берегу, и ждали еще три тяжелых дня в лагере Муниторума до отправки. Условия были жаркими и пыльными, но здесь, по крайней мере, была свежая еда и чистая вода. Работники Муниторума вызывали каждого человека по очереди и заполняли формы. Каждый человек получил бумажную бирку, с местом его назначения и деталями передислокации, написанными на ней, прикрепленную к воротнику.

Далин некоторое время спал в грязных общих палатках, лежа в спальном мешке, которым воспользовались пятьдесят человек до него. Спать было тяжело, потому что он был очень напряжен, и хотя он устал, его разум и тело не могли расслабиться. Он размышлял, ослабнет ли когда-нибудь напряжение. Так не чувствовалось. Он чувствовал себя так, что будет на два удара сердца от пригибания и стрельбы всю оставшуюся жизнь. В нем укоренился инстинкт. Каждый звук снаружи палатки заставлял его тянуться к своему оружию.

Когда он спал, это был тревожный сон. Сны беспокоили его, хотя, когда он просыпался, он не мог вспомнить детали. Раненые были расположены на территории и, по ночам, он мог слышать их стоны и крики, раздававшиеся из лазаретов.

На третий день, они были направлены к ряду десантных кораблей, ожидающих на холме над берегом.

Десантный корабль пронес их над бухтой. Сквозь тяжелобронированные иллюминаторы, Далин видел море далеку внизу, похожее на лист тонкого стекла. Он видел уменьшающийся город позади них. Вражеский город. Труп города. Затем он исчез в дымке, и казалось так, как будто Гереон полностью уменьшился до царства облаков и дыма, где не осталось ничего твердого.

Он уснул в ремнях безопасности, его голова ударяла и безвольно скользила по спинке, когда кораблю трясло. В этот раз он не видел сны. В этот раз его разум сорвался в пропасть и упал в небытие.

Они поднялись на гидравлической платформе сквозь палубы транспортника из ангара. Большинство из них сидели на металлической палубе, прислонив свое снаряжение и оружие к груди, с пончо от холодной погоды на плечах. Климат на

транспортнике был на добрых восемь градусов холоднее, чем на поверхности, и у воздуха был металлический, химический аромат.

Собайл стоял один у края поднимающейся платформы, держа руки за спиной, смотря, как толстые секции палуб скользят мимо. Нисходящий поток порывами неся по шахте подъемника.

Множество шума доносилось с ремонтных палуб: голоса, станки, металл по металлу. Далин увидел ряд боевых танков Леман Руссов, готовых для транспортировки. Двадцать три дня назад он бы трепетал от такого зрелища. Он пытался вспомнить, на что было похоже его двадцать три дня назад, но все, что он смог представить, было еще одним молодым трупом, лежащим лицом в белой пыли К'эздрака.

На пятой палубе они спустились в распределительную зону. Чиновники Муниторума толпились вокруг, распределяя и проверяя людей. Зал был полон персонала и звел от разговоров. Пар поднимался из подпалубных вентиляционных каналов.

«Что это значит?» спросил Далин, протягивая бирку, прикрепленную к его воротнику. «Что это значит?» Проходящие мимо работники Муниторума игнорировали его.

«Подразделение, собраты!» крикнул Кекси. «Быстрее!»

Все, что осталось от ТП 137, собралось в шеренгу в центре палубы. Это не было впечатляющее зрелище. Каждый из них был грязнее, чем Далин вообще мог представить, что такое возможно. Они воняли. Их снаряжение было изорвано.

«Встать в строй, встать в строй, эх,» сказал Кекси, проходя вдоль прискорбно короткой шеренги. Он выглядел не лучше, чем они.

Собайл поговорил с несколькими чиновниками Муниторума. Он подошел к ним.

Он вытащил планшет и зачитал.

«Внимание. Данный приказ отдан в сегодняшний день 777.М41, о том, что активация резерва приостановлена. Это подразделение, с присвоенным названием Тактическое Подразделение 137, или ТП 137, теперь расформировано, а его представители должны доложить в свои полки или дивизии. Итак, вы свободны вернуться в свои подразделения. Все обязательства перед ПВН выполнены.» Собайл опустил планшет

и наградил их пустым, без чувства юмора, взглядом. «Не вижу в этом ничего хорошего. Вы все начали, как дебилы, и вы, все еще, дебилы. Такие, как вы, придают гордым традициям Имперской Гвардии неприятный запах. Я никогда не отправлялся на войну с такими неадекватными солдатами. По моему мнению, вы должны оставаться в ПВН до конца ваших чертовых жизней. Вы – дерьмо. Я рад, что избавился от вас.»

Он посмотрел на Кекси. «На это все. Продолжайте, сержант.»

«Честь отдать!» прогремел Кекси.

Они отдали честь. Собайл еще мгновение смотрел на них, а затем повернулся и ушел.

Они опустили руки.

Кекси мгновение стоял перед ними, жуя внутреннюю сторону щеки. Его руки сжимались и разжимались, как будто представляя Сару. Сару была в шкафчике где-то, ожидая его, ожидая поприветствовать следующее подразделение ПВН.

Он смотрел на них, его глаза двигались от одного к другому. Далин не представлял себе, что Кекси был таким старым. Возможно, это была грязь на его морщинистом лице.

С последним, неуверенным вздохом, он отдал им честь.

Отдание чести было резким и твердым. Они все, инстинктивно, отдали честь в ответ. Далин почувствовал что-то горячее на своем лице, и понял, что это слезы катятся по его щекам.

«Эх,» полуулыбнувшись, сказал Кекси. «Настоящие чертовы Гвардейцы.» Он опустил руку и ушел.

Оставшись одни, шеренга медленно распалась. Некоторые сели на палубу. Другие побрели прочь. Форбокс был из тех, кто сел. Он уронил снаряжение и оружие рядом с собой, и наклонил голову, положив руки на свой череп. Далин увидел, что у него снова отрастают волосы. Резкие очертания черепа исчезли.

«Пошло все нахер,» сказал Жидкий. Кирпичник захихикал. «Пошло все нахер, и пошли вы все нахер,» продолжил Жидкий. «Увидимся в Подвале.» Он поднял свое снаряжение и ушел.

Далин поднял свою винтовку и повесил ее на левое плечо. Он подхватил свой грязный ранец правой рукой.

«Увидимся, Форбокс,» сказал он.

Форбокс поднял на него взгляд. «Ага, увидимся.»

Он позвал, когда Далин повернулся. «Святой?»

«Да?»

«Мы сделали это,» сказал Форбокс.

«Что сделали?»

«Да что бы ни было. Мы сделали это. Мы выжили.»

«Ты так говоришь,» ответил Далин, «как будто это что-то хорошее.»

Далин пересек палубу, высматривая выход. Он прошел довольно далеко до того, как кое-что пришло ему в голову, и он повернул назад. К тому времени, Форбокс уже исчез.

«Что ищешь?»

Далин огляделся. Меррт был здесь, наблюдая за ним.

«Я высматривал Форбокса,» сказал Далин.

«Зачем?»

«Потому что я внезапно осознал, что понятия не имею, какое у него настоящее имя.» Меррт покачал головой, развеселенный.

«Знаешь что?» сказал ему Далин. «Все это, все это, а я не думаю, что кто-нибудь из нас научился хотя бы одной фесовой вещи.»

«Ты научился,» сказал Меррт. «Просто ты пока еще не понял этого. Идем.»

«Куда?»

«Мы должны доложиться в наших подразделениях,» сказал Меррт. «Полагаю, ты должен пойти со мной.»

«Почему?»

«А куда еще ты гн... гн... гн... собираешься?»

Далин шел рядом с Танитским солдатом через шумную палубу.

«Эй,» сказал Меррт, указывая. «Это не--?»

Сквозь толпы тел перед ними, Далин смог увидеть ждущую фигуру. Женщина, высокая и худая, в темной боевой форме и с нашивками сержанта.

«Ага,» сказал Далин.

«Считай себя счастливым,» сказал Меррт. «Моя мать никогда не ждала на распределительной палубе, чтобы встретить меня.»

Далин кивнул, но он не чувствовал себя особенно счастливым. Пока он шел к Тоне Крийд, она заметила его и пошла к нему. Он увидел взгляд в глазах его ма, и почувствовал себя более несчастным, чем раньше.

«Ма?» прошептал он. Его глотка пересохла, и он очень хотел, чтобы его фляга не была пустой.

У нее в руке что-то было.

Это была Танитская кокарда.